

Владимир Поселягин

КОМАНДИР КРАСНОЙ АРМИИ

Командир Красной
Армии

Офицер Красной
Армии

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

**Командир Красной Армии:
Командир Красной Армии.
Офицер Красной Армии**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Командир Красной Армии: Командир Красной Армии. Офицер
Красной Армии / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ»,
2022 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146511-7

Многие командиры терялись в первые дни войны, но бойцы недавно сформированной зенитной батареи ПВО-ПТО были уверены в своем лейтенанте Фролове на все сто. Никто из них не знал, что их командир на самом деле попаданец из будущего Виталий Мишин. И вот батарея под командованием попаданца уходит на прорыв

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146511-7

© Поселягин В. Г., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Командир Красной Армии	7
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Владимир Поселягин
Командир Красной Армии: Командир
Красной Армии. Офицер Красной Армии

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 39

Командир Красной Армии
Офицер Красной Армии

© Владимир Поселягин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Командир Красной Армии

– Мишин! У нас вылет! Живо в машину! – заорал командир нашего экипажа капитан Ермолов, высовываясь из УАЗа-«буханки».

Отбив удар ножом, я оттолкнул руками спарринг-партнера, уводя взмах клинка в сторону, показал ему на машину и, подхватив автомат из импровизированной стойки, рванул к «уазику».

Санька Белкин после контузии плохо слышал, так что нужно было говорить очень громко или просто показывать, чтобы он понял. Контузия – это, конечно, плохо, но для меня хорошо. Где я еще найду такого спеца по рукопашке и ножевому бою? Сам я тоже не плох, но то, что показывал и чему научил за эту неделю Санька, быстро спустило меня с облаков на землю. Чтобы достигнуть таких впечатляющих результатов, мне нужно тренироваться с ним не неделю, а полгода минимум. Ничего, основное он мне показал, осталось только довести движения до автоматизма. Как сказал один мастер рукопашного боя: «Ученик знает пять приемов, доведенных до автоматизма, но он ученик. Молодой воин – десять приемов, он хороший воин. Опытный знает пятнадцать приемов, доведенных до совершенства. Мастер – около тридцати, он считается непобедимым, но нет предела совершенству».

Я владел одиннадцатью приемами рукопашного боя, за четыре года доведенными до идеального состояния, и разучивал еще три. На ножах я оказался не так хорош, середняк, но теперь знал, чему надо учиться, и, думаю, до дембеля подниму умение на приличный уровень. Хотя бы руку набью. Так что был я крепким середнячком, не более.

Запрыгнув в машину, я быстро осмотрелся. Штурман и второй бортстрелок тоже были тут. Борттехника Палыча в машине не было, скорее всего, он уже у вертолета. Впятером мы составляли экипаж машины боевой. Проще говоря, на своем Ми-8 мы обеспечивали доставку боеприпасов, эвакуацию раненых бойцов спецназа и многое другое. Бортстрелки, конечно, на транспортниках не положены, но все вертушки нашего полка летали с ними. В их числе был и я. Почти два года назад, когда только я попал в этот вертолетный полк, к нам с Игорем подошел молодой офицер в звании старшего лейтенанта.

В то время в качестве бортстрелков практиковалось использовать находящихся на отдыхе спецназовцев или легкораненых солдат-десантников из расположенного рядом госпиталя, где они проходили долечивание. Постоянных не было. Вот одному командиру и пришла в голову мысль взять срочников и обучить их всему, чему надо. Тут и полное взаимодействие, и наработанные со временем навыки, и большой срок совместной службы. Надо сказать, что тот вертолетчик не прогадал и его примеру стали следовать другие экипажи. Но это сейчас, а в тот момент этот самый офицер с интересом рассматривал нас, выбирая будущих стрелков.

Мы тогда стояли у здания штаба, ожидая распределения по подразделениям. Хотя какие для нас подразделения? Готовили нас как бойцов охраны, вот и должны мы были пополнить состав охранной роты аэродрома.

Поэтому все семнадцать человек с интересом посмотрели на подошедшего вертолетчика.

Я не знаю, почему из всех он выбрал нас с Игорем, но с тех пор я хоть и числился в роте охраны, но даже своего ротного командира видел только мельком.

За месяц нас так натащали в пулеметном деле, что только держись. Нет, конечно, асами мы за это короткое время не стали, но уже кое-что умели. С тех пор и летали в экипаже сперва старшего лейтенанта, потом уже и капитана Ермолова. Были разные случаи, война все-таки, нас один раз даже сбили, пришлось пехом отрываться от преследовавших боевиков. Хлебнули мы тогда, ладно хоть ранениями обошлись, без погибших.

История моя достаточно проста. В восемнадцать лет я поступил в Рязанскую «дурку», но проучился в ней всего два года – была там одна темная история с дочерью начштаба. Поэтому

пришлось быстро собирать вещи и сваливать. В родном городе с помощью знакомого военкома я укрылся в армии. Становиться отцом чужого ребенка мне не хотелось. Так я новоиспеченным сержантом и оказался в вертолетном полку.

За два года службы в Чечне я из салабона превратился в пулеметчика экстра-класса и дослужился до старшего сержанта. Но не это главное: до дембеля оставалось всего шесть недель, и – здравствуй, летное училище!!!

Конечно, срок службы при ведении боевых действий сокращался с двух лет до года, но это во время войны, сейчас же, по словам правительства, в Чечне было все мирно. Поэтому срок службы у нас шел один к одному.

– Что случилось? – крикнул я штурману (шумоизоляции в машине не было, поэтому приходилось надирать горло). Мы в это время как раз вырулили из военгородка и попыли к полосе, где стоял наш полк.

– Наших зажали, нужна эвакуация!

Игорек знал, куда и зачем мы летим, поэтому молчал, отсвечивая выпавшимся и отдохнувшим лицом. У него не было привычки тратить все свободное время на свое физическое усовершенствование. В отличие от него, я это глупостью не считал и за эти четыре года из салабона, которого соплей можно перебить, превратился в «хищного зверя». Мне так наша повариха прошептала на ухо. Может, приятное хотела сделать, но в спаррингах бойцы спецназа, которые часто квартировали на территории нашего полка, были мне вровень, а один раз в увольнительной я схлестнулся с двумя морпехами и, к своему удивлению, вырубил обоих. Сейчас уже не помню, из-за чего мы сцепились, но свой уровень оценил. Парни были трезвы и готовы к драке.

– Одни идем или с прикрытием? – спросил я, мельком посмотрев на «Грачи» – четыре из них механики готовили к полету.

– С Соловьевым. В прикрытии две вертушки, – кивнул штурман.

Я скривился. Если у духов есть ПЗРК, то нам и вертушки не помогут. Увидев мою мимику, штурман крикнул:

– «Сушки» еще будут. Кстати, наши за перевалом.

– За перевалом? Какого хрена они там делают?! Этот перевал уже год как в лапах у боевиков!

В ответ он только пожал плечами.

Сердце сжало от недобрых предчувствий. Шансы вернуться пятьдесят на пятьдесят. Теперь понятно, почему командир такой нервный, а остальные бледные. Оставалось только выругаться, что я и сделал.

Через минуту «уазик» затормозил у борта нашего вертолета, где двое оружейников снаряжали пусковые установки НУРСами.

Мы быстро заняли свои места. Проверая, как ходит ствол ПКМа в окошке блистера, я посмотрел на командира. Похоже, он получил разрешение. Палыч снаряжал АГС, что стоял у дверного проема. Через секунду загудели двигатели, еще через некоторое время дрогнули и начали вращаться лопасти винтов. Чуть в стороне готовилась к взлету машина Соловьева, в бойницу я видел ствол пулемета Валерки Варламова – он, как и Игорек, был правобортным стрелком. Я – левобортным, всегда. Дело привычки, работать с правого борта мне будет заметно тяжелее. В отличие от экипажа Соловьева, наш экипаж считался счастливым. И действительно, за два года ни одной потери, не считая легких ран. У капитана Соловьева стрелки менялись довольно часто – кто выбывал насовсем, кто в госпиталь. А по телевизору говорят, что тут все спокойно.

Через секунду наш «Мишка» оторвался от бетона аэродрома и, нутужно ревя перетруженными турбинами, пошел на взлет. Машина Соловьева последовала за нами. «Крокодилы» должны были присоединиться позже – так часто бывало, обычная практика.

Через полчаса к нам присоединились Ми-24 и пошли вперед, расчищать дорогу.

– Наблюдаю дымы, – сообщил Игорь в микрофон.

– Вижу, – ответил я коротко, пристально рассматривая приближающееся поле нашей деятельности...

Очнулся я как будто от толчка. Резко открыв глаза, судорожно вздохнул и осмотрелся, привычно ища рядом оружие.

Увиденное меня изумило: над головой шелестела листва березы.

«Какие, на хрен, березы в горах?» – это была первая мысль. Рывком сев, я бегло оглядел себя.

Мало того, что оказался в лесу, так еще и полностью голый. Состояние – как после слишком долгого сна. Вроде и выспался, но голова чугунная.

С трудом встав сперва на колени, потом, громко хрустнув сучком, на ноги, я покачнулся, ухватился за ствол березы и осмотрелся уже более осознанно. Болело тело после лежания на земле, все-таки не на перине лежал.

«Так, что мы имеем? Судя по положению солнца, сейчас середина дня. Нахожусь я в лесу, причем ни с одной стороны просвета не видать, хотя вроде левее что-то темнеет, навряд ли малинника. Судя по деревьям, я где-то в средней полосе России. Что помню последним? Мы погибли... это сто процентов».

Пришурившись, я стал вспоминать наш последний вылет. Как экипаж подхватил меня со спортплощадки, вертолет, взлет и маршрут в горы. При подлете – дымы и трассеры во все стороны на месте боя. Вспомнил, как «крокодилы» обрабатывали подсвеченные спецназом цели. Как мы, пройдясь НУРСами, пошли на посадку и стали принимать раненых. Взлет. Потом попадание в борт из ПЗРК. Видел, как падает Игорь, нашпигованный осколками. Потом попадание в пылающий вертолет из обычного гранатомета, потом еще – и мы падаем. Жесткая посадка, вернее, падение на скалы и начавшийся пожар из-за разлившегося топлива. Не обращая внимания на шевелившихся под ногами раненых, я длинными очередями бил по мелькавшим между скалами боевикам. Палыч раз за разом выпускал гранаты, ставя стену из разрывов и осколков. Как только «улитка» опустела, он подхватил одного из раненых и попытался вылезти в покореженный дверной проем, но упал, получив очередь в грудь. Помню, как орал, продолжая выпускать остатки боезапаса, когда загорелись ноги и тело, потом взрыв... это все.

Я стоял и тряс головой, приходя в себя.

Игорек был большим любителем историй про попаданцев, посадил и меня, так что никаких рефлексий у меня не было. Этих книг под нашими койками скопилось великое множество, штук семьдесят точно. Короче, сколько их выпустили, все были у нас. Сам Игорь увлекался периодом ВОВ и РЯВ, тогда как я – в основном мирами магии и меча, хотя и военную тематику почитывал. Таким докой, как Игорь, не был, но тему знал. Так что уже осознал, что куда-то попал. Другого объяснения не было. Я был человеком довольно спокойным, и вывести меня из равновесия – это постараться надо, поэтому рефлексий от меня ожидать трудно.

В чужом теле я не оказался. Как было оно моим, так и осталось. Себя я тоже помнил. Виталий Мишин, через три недели мне должно было исполниться двадцать два года, старший сержант отдельной охранной роты десантного полка. Готовился поступать в летное училище, многие офицеры нашего и не нашего полков помогали мне подготовиться, чтобы я не уронил чести части при поступлении. Сирота, воспитанник детского дома в Санкт-Петербурге. В общем, все про себя помню.

Наверное, я с час так стоял, анализируя последние события, когда краем уха расслышал звонкие голоса и хруст сухих веток под чьими-то ногами.

Спрятавшись за дерево, стал всматриваться в сторону, откуда доносился шум. Видимость была едва ли метров двадцать. Так что пришлось прождать минут пять, пока между деревьями не замелькали две неспешно идущие фигуры.

Это оказались девчонки лет по двенадцать-тринадцать, с заметно тяжелыми корзинами в руках. Самое интересное – красные платки на шеях.

– Пионерки, что ли? – пробормотал я, рассматривая их несколько допотопные платица, платки и босые ноги. В отличие от них, я не был привычен ходить босиком, и это мне доставляло некоторое неудобство.

– А-а-а! – раздался визг, когда я вышел из-за дерева. Побросав корзинки, девчушки сломя голову рванули куда-то в глубь леса.

– М-да, наверное, не стоило показываться им голышом. Да, надо было просто проследить, куда они шли, – пробормотал я себе под нос и, кинув последний взгляд в сторону удравших девчонок, подошел к корзинам.

Естественно, никуда бежать я не собирался. Сперва следовало произвести разведку и понять, где нахожусь. Вернее, в каком времени. Наряд девочек убедил, что я не в привычном мне две тысячи седьмом. Ни одна дивчина в современном мире так не оденется.

Присев на корточки у ближайшей корзины, стянул с нее тряпку. Как я и думал, внутри лежала провизия.

– Надеюсь, они не обидятся, сами ведь бросили.

Оставаться тут мне не хотелось, кто его знает, где я. Поэтому, подхватив обе корзины, быстрым шагом, изредка ойкая, когда наступал на острый сучок, направился в глубь леса. Короче, в ту сторону, куда садилось солнце. Противоположную той, куда девчонки шли и куда убежали.

Шел долго, почти час, пока впереди не появился просвет между деревьями, явно указывающий на приближение опушки. Желудок уже давно бурчал, намекая, что пора подкрепиться, но я старался уйти как можно дальше, поэтому особо на него внимания не обращал.

Поставив обе корзины под дуб, я осторожно двинулся на разведку.

Впереди действительно оказалась опушка. Выйдя из-под деревьев, я осторожно продрался через высокий кустарник, исцарапав руки, бока и ноги, и выбрался на дорогу, почесывая царапины.

– И что мы видим? – пробормотал я себе под нос, присаживаясь у ближайшей колеи.

Двухминутное изучение выходящей у опушки дороги дало понять, что тут проезжали не только телеги, но и машины. В пыли отчетливо отпечатались рисунки протектора. Причем на удивление узкого, как у мотоцикла, но, судя по ширине колеи, все-таки не мотоциклетного.

Встав, я посмотрел сперва в одну сторону, потом в другую. На дороге было пусто, впереди раскинулось поле, засеянное молодой пшеницей. Еще зеленой, хотя и уже высокой. Выходило, сейчас примерно начало лета. По посевам я не то чтобы спец, но приходилось выезжать в поля. Наш директор был тесно знаком с одним председателем колхоза, отчего детдомовцы частенько все лето проводили в этом колхозе. Но зато зимой было что кушать. Я знал, что не всем детдомовцам нравилось в деревне, но мне там было интересно, поэтому выезжал я на посевные и уборочные с удовольствием.

Тягуче сплюнув на пыльную дорогу, я вернулся к корзинам. Подхватив их, приблизился к опушке и, устроившись в густых кустах, стал готовить поляну. Стянув с обеих корзин куски ткани, один подстелил под задницу, а другой использовал как скатерть.

– Тэк-с, посмотрим, что там есть.

При первом заглядывании я только и рассмотрел бутылку в одной из корзин да несколько яиц, сейчас же, выкладывая снедь, прикидывал, что съесть сразу, что оставить на потом.

В корзинах была традиционная крестьянская еда: по бутылке с молоком, по краюхе хлеба, завернутых в грубую холстину, сало. В одной простое соленое, в другой копченое. Еще яйца,

пара пирожков с картошкой, перья зеленого лука, соль в маленьких пакетиках, по головке лука, немного чеснока. В общем, обычная и простая еда. Помидоров и огурцов не было.

Вставала проблема с ножом, его в корзинах не оказалось. Видимо, те, кому несли снесь девушки, имели свои тесаки. А как мне быть? Вздыхнув, я завернул сало обратно и стал, отламывая куски хлеба, запивать их молоком из бутылки.

Я уже почти закончил трапезу, когда услышал перестук копыт и скрип телеги.

Быстро пригнувшись, хотя с дороги меня заметить было невозможно, я отставил бутылку в сторону, снова заткнул ее кукурузной кочерыжкой, положил остатки хлеба обратно в корзину и, стараясь не шуметь, скользнул к дороге.

Осторожно выглянув из-под куста, присмотрелся.

– Все-таки наш мир, – вздохнул я, видя впереди крах своих надежд. По дороге действительно ехала телега, причем управлял лошадей каурой масти самый настоящий старинный милиционер. В смысле, в старинной форме. Он был в синих галифе, в начищенных сапогах, в белой гимнастерке с четырьмя треугольниками в петлицах. Так называемая старшинская «пила», я знал, что это было за звание. На кожаном поясе виднелась застегнутая кобура коричневого цвета. Про фуражку с красной звездой уже и не говорю.

А вот его спутницы оказались теми самими дарительницами продовольствия. Поглаживая одной рукой роскошные, тронутые сединой усы, а другой держа вожжи, старшина слушал щебечущих о чем-то девчонок.

«Наверняка про меня рассказывают», – хмыкнул я и, как только они скрылись за ближайшим поворотом, вернулся на место. Быстро собравшись, сложил все в одну корзину. Места хватало.

Подхватив корзину за ручки, я, морщась от боли в ногах, вышел на дорогу – идти по лесу уже не мог, подошвы горели – и зашагал в сторону, противоположную той, куда уехала телега. Если что, успею нырнуть в кусты.

Шагая по дороге, я размышлял: ««Пила» старшинская была до сорок третьего, соответственно время от начала тридцатых до сорок третьего. М-да, попал... Ладно. Узнаю, где я точно, там определимся», – после некоторого колебания решил я и зашагал уже бодрее. Через пару минут, приняв новую информацию, даже стал весело насвистывать – не так уж и плохо, что я попал в прошлое. Главное, жив ведь!

За час, что я шлепал по пыльной дороге под жаркими лучами солнца, мимо меня дважды проскакали верховые, трижды проехали телеги. Один раз, подвывая мотором и коробкой, проскочил легковой автомобиль. Он был похож на тот, из мультика с Фунтиком, только черный. Короче, «каблук» недоделанный. Кстати, след протектора, что я видел ранее, явно принадлежал ему.

Каждый раз, когда появлялись люди, я успевал спрятаться в кустах, так что меня никто не заметил. Наконец я вышел к тому месту, где лес заканчивался. Поднявшись на холм и укрывшись за орешником, стал рассматривать поселение, что находилось в низине. С холма было видно на много километров вокруг. Внизу километрах в трех была деревня, хотя, может быть, и село – я рассмотрел церковь из красного кирпича. Крупная она для деревни. Еще было видно множество озер, изумрудную траву, точками выделялись пасущиеся коровы и лошади. Километрах в десяти, а то, может, и больше, у высоких холмов с пятнами известняка внизу была видна тонкая нитка реки.

– Солома на крышах почти везде. Блин, какой год? – пробормотал я.

Я присидел в кустах часа четыре, ожидая, пока стемнеет – днем голышом не выйдешь в открытое поле, люди не поймут. Передник я, конечно, из одной тряпки сделал, но он вряд ли поможет. За час до темноты со стороны дороги, что осталась метрах в сорока в стороне, снова послышались перестук копыт и скрип телеги, причем знакомый. В этот раз вместе с милици-

онером ехали не только девчонки, но и четыре мужика – один с окладистой бородой, другой, помоложе, с чистым лицом и два пацана лет семнадцати. Судя по косам, они занимались заготовкой сена. Время было уже вечернее, вот и возвращались домой после работы.

Проводив их взглядом, пока телега с пассажирами не превратилась в маленькую едва ползущую точку, я вернулся к ужину, пытаюсь отгрызть кусок копченого сала. Кстати, изучение картины впереди я совместил с ужином.

Тщательно пережевывая пищу, я размышлял: «Что мы имеем? Год, скорее всего, ближе к сорок первому, чем к тридцатым. Почему я так думаю? Да потому что по закону жанра все попаданцы оказываются именно в сорок первом, в начале войны, где-то у границы. Соответственно я где-то на Украине или в Беларуси. К людям лучше не выходить, местные уже знают о голом парне, так что надо свалить к тем холмам, где речка пробегает, переплыть на другую сторону, там уже видно будет. Но идти лучше ночью или так, чтобы меня не увидели. Определяюсь, где я и в каком точно времени, тогда видно будет, можно уже и решение о легализации принять. Кричать, как другие попаданцы, что я из будущего, ведите к Сталину, не для меня. Запрут еще в четырех стенах. С них станется. Нет, в чем я уверен на сто процентов, так это что к правительству не пойду. Если что, чтобы совесть не мучила, можно записки им отправлять, чтобы катастроф не было. Если, конечно, попал в сорок первый, но никак не лично... И еще шифроваться. Кстати, загар у меня не местный. Хотя об этом времени я еще почти ничего не знаю, могу спалиться на мелочах, значит, нужно постоянно контролировать себя и наблюдать за людьми, перенимая их привычки. Если что скажу не так, то можно соврать, что я с недавно освобожденных западных территорий. Например, с города Владимир-Волынского...»

Убрав остатки продовольствия обратно – там еще на пару раз хватит – я посмотрел в сторону заходящего солнца и группы женщин, что шли к поселку. Они вырулили откуда-то сбоку, из-за небольшого леска. Я могу ошибиться, все-таки далеко, но кажется, там виднелась крыша какого-то строения, скорее всего, коровника или свинарника. В это же время по той дороге, что я шел, гремя звонком, с холма скатились два велосипедиста, молодые парень и девушка. Не доехав до стайки женщин, они свернули на боковую дорогу, за которой была видна гладь небольшого озера.

– Искупаться решили, – пробормотал я и тут же вскинулся: – А что если поживиться там? Вдруг повезет?

Укрывшись за кустами, я прошел по склону и стал быстро спускаться. Издалека понять, что я без одежды, вряд ли получится, да к тому же я закрывался корзиной. Пробежав по открытому полю до невысоких деревьев, что скрывали водоем, затаился. Другой возможности быстро достигнуть озера не было, только так, несмотря на опасность обнаружения. В случае появления кого-нибудь на дороге я готов был нырнуть в высокую траву, но повезло.

Обойдя озеро, я вышел на другую сторону, когда наконец заметил купающихся. Судя по поведению, они были семейными. Кто еще станет целоваться в воде?

Меня они не видели, но я чуть не наткнулся на двух мальчишек, что шли от этого озера, неся в руках ведра и удочки. Видимо, их прогнали купающиеся. Благополучно обойдя детей, я вышел к глубокому оврагу со стоячей водой, по берегу которого пробегала тропинка. Зрение меня не подвело, именно отсюда пару раз сверкнула блестящая колесная спица одного из великов.

Старинные, непривычного вида велосипеды стояли прислоненными к крутому склону. У самых колес, едва не захлестывая тропинку, плескалась вода.

На руле и раме крайнего велосипеда (они были прислонены друг к другу) висела одежда обоих велосипедистов. Идея, что пришла мне на ум, сперва показалась бредовой. Но пару секунд обдумав ее, я довольно улыбнулся и по крутому склону как можно тише скатился вниз, порезав зад об острую траву.

Схватив с рамы штаны и рубаху, я отложил их в сторону, после чего прошелся по карманам пиджака. Кроме восемнадцати рублей бумажками (забавные, кстати, с красноармейцами и моряками, был и Ленин), прибрал и мелочь. Нашелся и документ, то есть паспорт, который доказывал, что купающийся – Андрей Пермяков, пятнадцатого года рождения, является жителем села Алексеевское, что в Татарской АССР. Женат он на Прасковье Пермяковой, видимо, с ней и купался.

Дальше я поступил просто: взял и осторожно повалил велосипеды набок, в воду. А чтобы не шумели, я их придерживал. Туда же последовали платье, кепка и пиджак. Обувь осталась на тропинке, тут уж под форс-мажор не сделаешь. Девушка была босиком. Убедившись, что следов нет, быстро ссыпал деньги в карман брюк, увязал штаны с рубашкой в тюк и рванул в сторону кустов, бросив последний взгляд на одиноко торчащее из воды колесо. Глубина тут оказалась приличной.

Со стороны, по моему мнению, должно казаться, что велосипеды упали в воду, притопив одежду. Часть они, конечно, найдут, но далеко не все. Если не поверят в падение, то могут подумать на мальчишек – от озера те удалялись не сказать чтобы радостные.

Отойдя метров на сто, на другую сторону озера, я достал из корзины штаны и надел их. Брюки оказались слишком короткие, чтобы вот так просто их носить. Подумав, подвернул штанины чуть выше колен и, нацепив рубаху, стал похож на сельчанина. Только широкополой шляпы не хватало.

Найдя укромное место, я стал ожидать, когда совсем стемнеет. С другой стороны донесся мат, потом стих. Пару раз тренькнул велосипедный звонок, и по косоугору, подсвечиваемому заходящим солнцем, проехали два велосипедиста. Если девушка была в платье и широкополой шляпе, то парень ехал в нижнем белье, в котором купался, и в кепке, пиджак был закреплен на багажнике.

Прикрыв глаза, я снова задумался: появилась информация, и ее нужно было осмыслить.

«Судя по штампу в паспорте, Андрей демобилизовался в мае сорок первого года. Значит, я не ошибся, сейчас именно сорок первый, только точная дата не известна. Нахожусь я не у границы, как предполагалось, а вообще в центре России, в Татарстане или, как он сейчас называется, Татарской АССР. Что делать будем? Думаю, выход один, нужно добраться до железнодорожного вокзала и валить ближе к западной границе. Там легализоваться будет проще, прикnuв к одной из воинских частей, благо пулеметчик я первоклассный, хоть и не знаю местные системы вооружения. Где тут ближайшие вокзалы? А хрен его знает, я, кроме как то, что столица Татарии – Казань, больше ничего и не знаю. Ладно, планы пока менять не будем. Идем до тех холмов, переплываем речку, там уже проще будет. Не свяжут голого мужика и пропавшую одежду, не должны... А, уже стемнело. Значит, пора».

Теперь мне не было нужды использовать тряпки с корзин вместо передника, поэтому из обоих лоскутов я слепил некоторое подобие обуви – хоть немного уберегу израненные и саднящие подошвы.

С расстоянием я ошибся. Мало того что пришлось пересечь не одну, а две маленькие речки, благо мосты на пути были, так еще и обходить деревню. За ней дороги уже не было. Скорее тропинка, выходящая рядом с протоками. Где-то к двум часам ночи я наконец вышел к широкой реке. По примерным прикидкам, до другого берега было километра полтора, никак не меньше.

За все время ночного пути мне дважды встречались полуночники. В первый раз трое подвыпивших парней, что горланили песню, шагая в направлении Алексеевска. Другой раз полусонный всадник, проехавший в ту же сторону. Но все это было до одиннадцати ночи. Поэтому я удивился, заметив где-то в два часа пополуночи на берегу реки костер, да и темная масса у берега тоже озадачивала. При приближении все прояснилось. Темная масса оказалась

плотом, причем длинным – видимо, лес сплавляли – а у костерка отдыхали плотовщики. Или как их там?

Обойдя их стороной, я, шурша камышом, спустился к воде. Мне кровь из носу, но до рассвета нужно было оказаться на том берегу. Можно было, конечно, отправиться вплавь, нарвав камыша и сделав плотик для одежды, но надо отдать мне должное – хорошенько подумав, сообразил, что у деревенских где-то тут должны быть лодки, не зря же сюда бежала тропинка.

Я не обманулся: на галечной косе лежали несколько деревянных лодок, правда, все без весел.

Быстро отвязав одну, смотал веревку, убрал в корзину и стал руками грести к противоположному берегу. Через час, отплыв метров на сто, все проклял. Я так два дня буду переплывать эту речку!

Стянув одежду и чуни, скользнул в прохладную, но не ледяную воду и стал толкать лодку к противоположному берегу. К этому времени меня уже заметно снесло. Даже появился огонек на пристани – видимо, там была еще одна деревня.

За час я все же одолел реку и, достав вещи и сложив их на сухом месте, столкнул лодку обратно в воду. Если найдут, подумают, что отвязалась. Хотя там она наполовину была вытащена на берег...

Подсохнув, натянул одежду и намотал на ноги немного изодравшиеся тряпки. Пляж здесь был узкий, ограничен высоким обрывистым склоном, подняться по которому вряд ли получилось бы даже днем. Оставалось только двигаться в сторону близкой пристани, огни которой я видел при переправе.

При приближении я понял, что не ошибся, тут действительно была пристань, даже небольшой паром стоял у пирса.

Вздохнув, я подошел ближе и, выйдя на тропинку, зашагал наверх, собираясь пройти деревушку по окраине и дальше уже выйти на дорогу.

– Анюта, пароход на Казань уже пришел? – вдруг услышал я женский крик от близкого дома.

– Тьфу на ты, Малена, напугала. Не было, через полчаса будет, я спускалась к Матвеичу, он сказал, что уже гудок слышал.

– Тады я собираться.

Скрипнула оконная рама, и все стихло. Только было слышно удаляющиеся шаги Анюты.

Я наконец нормально задышал и встал с корточек – рубаха у меня была светлая, в темноте издалека видная.

«Шанс? Так, поразмыслим. Пароход придет в ночи, то есть рассмотреть меня особо подробно не смогут. Но что с документами, будут тут спрашивать или нет? А денег хватит? Я же не знаю расценки местные. Ой, чую, авантюра это. Вид у меня, конечно, так себе, но ладно... рискнем».

Приблизившись к пристани, я понял, что шансы попасть на пароход катастрофически малы – рядом с плотным мужчиной в тужурке, видимо, тем самым Матвеичем, стоял милиционер. На белой гимнастерке отчетливо выделялись пояс и кобура. Это был не тот старшина, которого я видел, тот худощавый, а этот здоровый такой.

Осторожно отступив обратно в ночную темень, я стал быстро подниматься по тропинке. Лучше уж пешком доберусь до Казани. Зато если не попаду на пароход, то увижу, в какую сторону он идет, и направлюсь туда же. Дальше уже можно будет спрашивать, не привлекая к себе особого внимания.

Присев на землю, я смотрел на деревню и темные воды реки. Только тусклое пятно света под фонарем показывало, что некоторые не спят. Луна неплохо освещала ночную землю, поэтому, чтобы не выдать себя, я снял рубаху – тело не так бликует – и убрал ее в корзину.

Ожидание долго не продлилось, послышался перестук двигателя, и из-за мыса показался освещенный пароход, пару раз басовито сообщив о своем приближении гудком. Это действительно был *пароход*. Сперва мне показалось, что глаза меня обманывают, но присмотревшись, понял, что судно на самом деле движется с помощью двух огромных колес по бокам.

На пристани засуетился народ, но дальше я уже не смотрел, и так понятно, куда судно пойдет. Встав и отряхнув штанины, вышел на укатанную дорогу и зашагал по ней. Рассветет примерно через час, поэтому я хотел пройти как можно дальше, чтобы расстояние от Алексеевска было как можно больше. Ничего, этот день выдержу, высплюсь в следующую ночь.

Шагал я часа два. Когда появлялись верховые, успевал спрятаться, так что пока меня никто не обнаружил. Где-то часам к десяти заметил легкую пыль и рассмотрел телегу с двумя сидоками.

Ноги к этому времени сбил в кровь, поэтому решил напроситься в попутчики. Может, довезут только до ближайшего поворота, но хоть ноги отдохнут. Приняв такое решение, я присел на обочине и стянул тряпки с ног и протер их.

Посмотрев на пятна крови на материи, вздохнул, смотал лоскуты и убрал их в корзину, вдруг еще пригодятся.

Телега подкатила где-то минут через десять. Встав, я спросил:

– Попутчиков не берете?

– Отчего же не взять? – ответил возница. – Сидай.

Пользуясь моментом, я осмотрел обоих. Возница был сорокалетним мужчиной с бритым лицом, в широких штанах, в натертых салом сапогах, в серой рубаше навыпуск, в темном пиджаке и кепке. Широкий пояс охватывал рубашу, складки согнаны назад.

Поглядев на второго, я подумал, что как-то забыл, где нахожусь. Второй был татарин примерно тех же лет, что и возница. Одет похоже, только вместо кепки тюбетейка.

– Разрешите представиться. Виталий Мишин, инженер из Грозного.

– Понятно. То-то, я смотрю, у тебя загар нездешний. Меня Николаем Филипповичем зовут. Романовы мы. А это Ринат Ильич Гатауллин, – наблюдая, как я, отодвинув сено, положил корзину, представился возница.

– Приятно познакомиться.

– Куда путь держишь? – спросил Николай Филиппович, как только я устроился на задку телеги.

– В Казань.

– Добре, мы туда же направляемся.

– Это хорошо, а то ноги в кровь сбил, – довольно улыбнулся я и, подтянув ноги, стал массировать подошву, осторожно касаясь ссадин.

– Отчего так?

– А, – махнул я рукой, как будто дело плевое. – Подошва у сапога оторвалась, вот и выкинул. Думал, прикуплю в ближайшей деревне, да вот не получилось. Ничего, в Казани обуюсь. Просто не рассчитывал, что так быстро ноги собою. Хотел на пароходе доплыть. Но вот не успел.

– Городской... – не то ругнулся, не то констатировал факт возница.

– А шляпа? – спросил татарин, на русском он говорил чисто.

– Да ее еще три дня назад ветром на пароме сдуло. Ничего, до Казани доберусь, там все и прикуплю. Кстати, долго до нее?

– Вечером будем, – спокойно ответил возница.

– Может, я тогда посплю, а то глаза слипаются...

– Да спи, ты нам не мешаешь.

Уснуть мне не помешал ни тихий разговор попутчиков – судя по нему, они ехали на базар закупаться для дома и семьи, – ни скрип телеги и топот лошади.

– Виталий, просыпайся, обедать будем, – потрепал меня по плечу Николай Филиппович.

– Ага, – широко зевнув и потеряв лицо, я сел и осмотрелся.

Стояли мы в открытом поле у дороги. Вокруг раскинулись бескрайние поля, чуть в стороне виднелись какие-то постройки, видимо, деревня, а правее нашего маршрута отчетливо были видны воды реки. По ней шел буксир, тащивший баржу. Видимо, у берега были приличные глубины.

Мои попутчики к этому времени успели расстелить на краю телеги кусок брезента и начали выкладывать снедь. Еще раз зевнув, чтобы прогнать остатки сна, я подтянул корзину и выложил все, что у меня было, кроме куска, который грыз – не надо им было видеть следы зубов. Это могло вызвать подозрения.

Взяв у Рината Ильича нож, я быстро нашинковал ломтиками сало, остатки немного подсохшего хлеба и луковицу.

По сравнению со мной, у деревенских стол был побогаче. Вареное мясо, свежий хлеб, вареные яйца, пирожки с мясом и картошкой, луковицы и кефир в кувшинах.

Присоединившись к пиршеству, я довольно быстро поел. Можно сказать, наелся. Убрав остатки еды обратно, мы продолжил путь, и я опять благополучно уснул.

Проснулся ближе к вечеру, сам – выспался. Привстав на локтях на качающейся телеге, осмотрелся. Попутчиков прибавилось – были еще две женщины, одна лет за пятьдесят, другая за тридцать. По виду мать и дочь.

– Добрый день, – поздоровался я.

– Здравствуйте, – вежливо ответили женщины.

– Николай Филиппович, когда прибудем?

– Да приехали уже, вон, пригород видно. Через полчаса на месте будем.

– Хорошо. Вы сразу на базар?

– Не, мы к дочке, переночуем. Но тебе по пути, она недалеко от железнодорожного вокзала живет, там есть вещевого рынок.

– Это хорошо, спасибо.

– Тебе, Виталий, ночевать есть где?

– Да нет, я в Казани только проездом был.

– Можешь с нами переночевать. Дочка недорого возьмет.

– Почему нет? Я согласен.

– Добре.

Высадив на окраине обеих женщин – кстати, они за перевозку не платили – мы въехали на улицы древнего города.

Мне было интересно разглядывать город, переживший столько веков. Странные трамваи, машины, повозки, людей в древних одеждах – у многих она полувоенная. Внимательно приглядываясь к людям, я заметил, что большинство были в шляпах или шляпках. Простоволосых было мало, да и то в основном дети.

До дома, где жила дочка возницы, мы доехали минут за сорок. Николай Филиппович не обманул, вокзал был где-то неподалеку, я отчетливо слышал перестук и паровозные гудки. Зато с другой стороны промелькнули белые стены Кремля.

Въехав в тихий дворик, остановились у одного из подъездов. Дальше мы втроем распрягли лошадь, загнали телегу к стене сарая, а лошадь завели в сам сарай, дверь которого нам открыл внук Николая Филипповича, пацан лет восьми. Андрейка.

Договориться о постое действительно не составило проблемы. Отдав всего пятьдесят копеек за ночь, я умылся и свалился на выделенную лежанку. Несмотря на то, что успел поспать за время езды, вырубился я почти сразу.

– Виталий, ты просил разбудить тебя утром. Да и мне пора на работу.

Проснулся я сразу, как только Елена, дочка Николая Филипповича, коснулась моего плеча.

– Спасибо. Сколько времени?

– Семь утра уже.

Елена была вдовой. Муж, работник прокуратуры, погиб два года назад, утонул. Так что жила она с сыном в двухкомнатной квартире одна.

– Я тебе еды положила на кухне, позавтракай.

– Спасибо.

Быстро поел (попутчиков уже не было, они на базар сорвались в шесть утра) и, поблагодарив хозяйку, я собрал вещи и покинул приютивший меня дом.

К моему удивлению, не я один был такой босой, стайка мальчишек лет двенадцати, пробежавшая мимо с удочками, ничем от меня не отличалась. Даже штанины были так же подвернуты до колен. Потому, поправив рубаху под ремнем, и убрав складки назад, я подхватил корзину и зашагал в сторону железнодорожного вокзала – прежде чем совершать покупки, нужно узнать цены на билеты.

Своим видом да еще с корзиной в руках я напоминал отдыхающего, поэтому особого внимания не привлекал. Прогуливающийся по площади у вокзала милиционер – младший сержант, судя по треугольникам – только лениво скользнул по мне взглядом и продолжил патрулирование.

В кассы идти не пришлось, у входа на доске объявления висели расценки.

«Тэк-с, десять рублей до Москвы в купе и пять рублей на плацкартном. Хм, это дорого или дешево? Ладно, цены узнал, теперь на базар, там определимся».

Прежде чем идти на базар, я зашел в жаркое помещение вокзала и встал у кассы, где как раз покупала билеты в плацкартный вагон стайка девушек. К моему удивлению, они просто говорили, куда, и оплачивали, получая маленькие серенькие картонки билетов. Документы они не предъявляли. Воодушевившись, я узнал, когда ближайший поезд на Москву, вышел с вокзала и направился на базар. До четырех дня времени у меня полно.

Помня о билете, я отложил десять рублей, решив потратить остальное – семь рублей бумажками и два рубля мелочью.

Базар располагался недалеко, дошел минут за десять. Причем торговали там не только вещами, но и продовольствием из ближайших деревень.

Покрутившись, я продал корзину за сорок копеек – больше она не стоила – а обе бутылки по двадцать.

Подойдя к мужичку, торгующему поношенной одеждой, я надолго завис у него, щупая и пробуя товар. Мне понравились заметно ношенные, но еще крепкие сапоги, но продавец запросил за них аж десять рублей. Обычно такие стоили около пятидесяти рублей, как я узнал у соседей, но именно у этой пары, у одного из сапог, был разрыв на голенище, зашитый суровой ниткой. Походив по базару, я цены знал, даже в магазин заглянул, присматривался, поэтому сразу начал торговаться. Сбив цену до семи рублей двадцати копеек (тут продавец уперся и ни в какую не хотел уступать), я дополнительно вытребовал у него два куса фланели для портянок.

Быстро обувшись, раскатал штанины и заправил их в голенища – теперь то, что штаны короткие, в глаза не бросалось. Прошелся, пробуя обновку на ходу. Блин, как же зашибись ходить обутым! Можно было бы, конечно, купить полуботинки или вообще плетенки. Но мне требовалась обувь для долгих переходов, а эти сапоги, было видно, еще долго прослужат, хоть слегка и рваные. Я не привередничал, на что хватило, то и купил.

Денег фактически не оставалось, но за рубль я у того же мужика купил вполне приличного вида солдатский сидор. Расплатившись, бодро зашагал к продовольственным рядам,

где купил два каравая, шмат соленого сала, пару луковиц, десяток вареных яиц, два соленых огурца и шесть пирожков с капустой. В магазине взял две бутылки с газированной водой.

Убрав все в сидор (на нож денег не хватило, но если что, у соседей спрошу, не один же поеду), я направился к выходу с базара.

Времени было часов десять, может, пол-одиннадцатого, поэтому, сходяв на вокзал и купив билет в плацкартный вагон, я вернулся к базару и, устроившись на лавочке в тени дома, положил рядом сидор, достал купленную газету и принялся изучать ее.

«Так, с годом я не ошибся. Газета сегодняшняя, шестнадцатое июня тысяча девятьсот сорок первого года. Почитаем, про что тут».

Внимательно изучив все колонки, прочитав их по несколько раз, я сложил газету и, развязав сидор, убрал ее – пригодится, туалетной бумаги у меня нет.

«Получается, через шесть дней начнется война. Предупредить я местных все равно не успею, так что смысла нет, но вот будущую обстановку более-менее знаю, спасибо книгам альтернативщиков: если напишу письмо, что будет в первые дни войны – они почитают и отложат под скатерть; но второе письмо заставит их задуматься. Решено, сажусь на поезд, он как раз девятнадцатого придет в Москву, там беру сразу до Минска или до Киева и еду дальше. Надеюсь, успею до начал неразберихи на дорогах».

Откинувшись на бревна сруба, в тени которого сидел, я стал лениво рассматривать прохожих. Изучал их движения, как одеты, как ходят, как общаются друг с другом. Манеру речи. Буквально через пару минут мое внимание привлекло оживление метрах в двухстах, с другой стороны площади. Подхватив сидор, я направился к толпе.

Протиснувшись в первые ряды, я ностальгически улыбнулся. Тут оказался обычный лохотрон, только вместо шарика и стаканчиков было три карты, которые ловко и быстро перемещал улыбчивый паренек.

Поглядев, как разувает доверчивых сельчан, я вышел из толпы и, попив холодного кваса, что с деревянной бочки на колесах продавала полная тетка, отошел в сторону, к кустам, где, присев на кирпич, стал с интересом наблюдать за лохотронщиками.

Буквально через полчаса мое ожидание было вознаграждено. Я заметил, как в плотной толпе, шумевшей где восторженно, где возмущенно, замелькали юркие парни-карманники.

– Ловко, – пробормотал я, заметив, что все украденное, пройдя несколько рук, оказалось у парня лет двадцати шести, который, развернувшись и оставив на своем месте другого, направился куда-то в сторону ближайших подворотен. Он явно шел сбрасывать добычу.

Посмотрев ему вслед, я подхватил сидор и отправился за ним. У меня появилась идея ограбить воров. А что? В милицию они точно не побегут жаловаться, а мести я не боялся, так как в четыре меня здесь уже не будет.

Парень был тертый и преследование заметил сразу, так как кроме меня в ту же сторону шли только две девчонки-пионерки.

Заметив, как он юркнул в ближайшую подворотню, я заторопился. Не хотелось упускать потенциальную жертву.

Так, бегом следуя за парнем, я вдруг оказался в глухом парке где-то рядом с вокзалом – были слышны близкие паровозные гудки и шум составов. Остановившись у тополя, парень поджидал меня, хмуро разглядывая.

«Оп-па, да он не один!» – мысленно протянул я, заметив быстрые движения за деревьями. Меня окружали.

– Ну че, филер, решил взять Ваньку Рыжего? – ощерился преследуемый в отличных, надо сказать, сапогах.

«Трое», – понял я, скинув сидор с плеча на прелую листву.

– Рыжего? – озадаченно переспросил я, поглядывая на черную как смоль шевелюру парня.

– Рыжие люблю, – снова усмехнулся тот, показывая ровные белые зубы.

Быстро оглядевшись, я прикинул расстановку сил. Спереди Рыжий, с левого боку подходил один из карманников, сзади, играя финкой в левой руке, плотный парень моих лет. Вот он был рыжим.

«Рыжий явно левша, не очень хорошо, но и сложного ничего нет, карманник больше для понта играет ножичком, неумеха... А вот это плохо», – подумал я, заметив, как главарь откинул полу пиджака и достал наган.

Пришлось действовать мгновенно. Стоял я в четырех метрах от него, поэтому, когда он демонстративно медленно достал револьвер, метнулся вперед и пробил ему прямой в кадык сложенными пальцами. Удар назывался «копье». Этот не жилец, поэтому, развернувшись – наган мне был не нужен – я шагнул к рыжему.

Глухо выругавшись, тот очертил ножом перед собой широкий полукруг и встал в защитную стойку.

– Тоха, подходи к нему с боку, – велел он мелкому.

– Ага, – опасливо поглядывая на меня, карманник стал медленно обходить меня. Кроме ножа у того в пальцах другой руки был зажат обломок опасной бритвы. Рабочий инструмент, можно сказать.

Медлить было нельзя, поэтому я атаковал рыжего. Отбив довольно ловкий выпад, нанес лбом мощный удар в переносицу, от которого противник поплыл. Карманник, надо отдать ему должное, несмотря на явный испуг, бросился в атаку, выставив вперед нож, поэтому налетел на прямой удар моей левой ноги и упал, судорожно закашлявшись.

Ударом в висок вырубив рыжего, я подошел к скулившему мелкому и ногой откинул нож и обломок бритвы, после чего прямым в лоб погасил сознание карманника.

Дальше начался сбор трофеев. Первым делом я подобрал оружие. Наган меня разочаровал. Нет, он оказался вполне новым и рабочим, хоть и не чищенным, но проблемой было то, что патронов к нему не имелось. Ни в карманах убитого, ни в барабане. Короче, грозная, но игрушка. А вот с ножами был даже перебор. Пять штук. Тесак с тридцатисантиметровым лезвием отправился в сидор. Туда же – две финки и один складной ножик. Другой складник, получше, я убрал в карман.

Потом, охлопав тела, собрал другие трофеи. Помимо шести бумажников нашлась еще отдельная пачка денег и около десяти рублей мелочью. Кроме этого, я стянул с Рыжего и сапоги. Были они отличные, командирские, яловые. Более того, у главаря оказался один со мной размер, сорок второй разношенный.

Быстро собрав все бумажные деньги, я пересчитал получившуюся пачку. Сто семьдесят шесть рублей. С мелочью вышло сто восемьдесят три рубля восемнадцать копеек. Это еще не считая трех резервных рублей, что у меня остались после покупок.

Посмотрев на пачку в своих руках, я решил закупиться по максимуму, все равно скоро они не понадобятся. Связав двух карманников, чтобы они не сразу смогли освободиться, я протер бумажники от пальчиков и, закинув потяжелевший сидор на плечо, направился обратно к базару.

– Что-то еще хотите купить, товарищ? – спросил тот же продавец, у которого я приобрел сапоги и сидор. На новенькие сапоги он посмотрел с интересом, не более.

– Да, я себе вот купил другие, получше, хотелось бы вернуть вам обратно эти сапоги.

– Пять рублей, – быстро сказал продавец.

– Что?! Да я их у вас за двадцать купил, – возмутился я, с удовольствием приступая к торговле.

Через двадцать минут, отдав сапоги за шесть рублей, осмотрелся и тихо произнес:

– Я еще хочу переодеться. Вон те синие командирские галифе, что у вас под прилавком, почему?

Я особо не торопился, за час купил синие командирские галифе и зеленую, тоже командирскую, из хорошего материала гимнастерку с уже подшитым белоснежным подворотничком. Все это было ношеным, но почему-то открыто не продавалось, только из-под прилавка. Видимо, был запрет на продажу военной формы и амуниции. Но продавец, поняв, что я серьезный клиент, не только помог мне переодеться, но и показал на старичка, что сидел через шесть прилавков, сообщив, что тот поможет с амуницией.

Тут многие мужчины носили полувоенную одежду, это внимания не привлекало. Кроме формы я купил шелковое белье, рубаху и кальсоны. У продавца были только из обычного материала. Но подумав, как мне все это натирать будет, я договорился о шелковом, причем новеньком белье. Тоже из-под прилавка, новенькое, но дорогое.

Сзади была небольшая примерочная, там я и переоделся, даже новенький командирский ремень со звездой на пряжке, купленный у соседа-продавца, пришелся впору. Согнав складки гимнастерки за спину, я притопнул сапогами, провел рукой по галифе и вышел из примерочной.

– Вот. Сразу другой вид. И выправка, и форма выдает командира. Кем служили? – спросил продавец.

– Пулеметчиком был.

– Тогда вам эту фуражку, тут с пехотным околышком.

Как и гимнастерка, фуражка не имела воинских знаков, хотя на околыше был выгоревший след от звезды. Примерив ее, я отрицательно мотнул головой, возвращая – мала. А вот другая, та, что поновее на вид, пришлась впору. Продав старую одежду за три рубля, купил метровый кусок чистого холста и, спросив у продавца ножницы, разрезал его на два квадрата. Будет теперь, куда завернуть еду и оружие. Также взял запасные портянки. За все уплатил пятьдесят девять рублей, хотя до торгов просили семьдесят.

Пройдясь по базару, осторожно подошел к нужному старичку, что продавал воинскую справу – ложки, котелки, фляги, ремни, ножи и принадлежности для чистки оружия. Хотя на прилавке всего этого не было, старичок для вида продавал ремкомплекты для швейных машинок, нитки и всякую дребедень.

– Добрый день, я от Семена, – подбородком указал на продавца, что торговал одеждой.

– Что вы хотели?

После того как я объяснил, старик пропустил меня за прилавок, показать, что было сложено в сумках и на полке, скрытой от покупательских взглядов – вдруг там стукач ментовский есть. Я уже понял, что все это продавалось незаконно.

У него я задержался, рассматривая ассортимент.

– Что именно интересует? – спросил дед.

– Хм. Эти наплечные ремни к моему ремню подойдут?

– Да, конечно. Вот тут система крепления. Видите? Двойной прошив.

– Хорошо. Беру. Также мне нужна фляга, кружка, ложка, вилка, походный котелок и пошивочный инструмент. Это котелок?

– Да, все новенькое, сын привез.

– Показывайте. Это прибор для бритья? – пощупав щетину на лице, спросил я и ткнул пальцем в небольшой кошель. – Там все? Тогда и его тоже.

Дед из-под прилавка достал зеленый прямоугольный предмет. Откинув крышку, показал, что это. Этот котелок напоминал тот, что был у нас в армии, цеплялся он к поясу, был литра на два с половиной. Сверху крышка, которую можно использовать как тарелку для второго. Напоминал современный, привычный мне, но немного другой формы.

Внутрь котелка легко уместились и кружка, и ложка. Туда же я отправил кулек с солью.

Убрал все в сидор, набив его до отказа, и расплатился с дедом (двадцать рублей – блин, дорого!), закинул сидор на плечо и зашагал к вокзалу. Обед уже прошел, был час дня, так что можно подкрепиться в привокзальном ресторане и протянуть время до отхода поезда.

При выходе на привокзальную площадь я едва не столкнулся с рыжим, который, отсвечивая лиловым пятном на скуле и начавшими заплывать глазами, пронесся куда-то в сторону рынка. На меня он даже не посмотрел. На площади было много военных, десятка три точно.

Плотно пообедав в привокзальном буфете (хотя на мой взгляд, два с половиной рубля все же многовато), я прошел через здание вокзала и, найдя свободное место на одной из лавок, стал ожидать прибытия поезда. Я знал, что он будет стоять на втором пути.

Поглядывая на большие вокзальные часы, думал о том, что надо бы купить наручные, но никуда идти не хотелось. Ворье наверняка своих уже на ноги поставило, ищет, кто их водителя убил и на бабки опустил. Ничего, прибуду в Москву, куплю билет до Киева и, если будет время, добуду часы.

Пригревшись под солнцем, я через часок услышал шум приближающего состава. Сбив фуражку с носа на затылок, потянулся, выпрямил ноги и широко зевнул, хотя спать не хотелось.

Пушикая паром из-под колес, паровоз протащил состав и, поскрипывая тормозами, подогнал его к перрону.

– Похоже, мой, – пробормотал я.

– Не только твой, и наш тоже, – хмыкнул кто-то рядом.

Повернув голову, я увидел рядом на скамейке двух лейтенантов с танками в петлицах.

«Точно, в Казани же танковое училище. Похоже, оперившаяся молодежь вылетела из своего гнезда».

– В Москву? – спросил я.

– Пересадка у нас там, – кивнул один из лейтенантов. – Лейтенант Григорьев. Александр.

– Виталий Мишин, лейтенант запаса, – последнее я добавил, чтобы пояснить отсутствие знаков различия. Таких в запасе за все пребывание на вокзале я видел двоих. Один – командир вроде меня, другой, похоже, из сержантского состава.

– Руслан Ибатуллин, – протянул руку второй.

– Ну что, идем? – спросил Григорьев.

– Он тут стоять будет с полчаса, так что успеем, – ответил я. Продираться сквозь выходящих пассажиров мне не хотелось. – Минут через десять можно идти устраиваться, поспокойней будет.

– А вы кем были? – спросил Григорьев.

– Командир пулеметного взвода.

Я сам не знаю, почему представился командиром пулеметчиков, хотя думаю, просто так, от балды, благо в этом оружии немного понимаю. Даже читал очерк о боевом применении во время финской войны пулеметов «максим».

– А почему в запас ушли?

– Я «пиджак».

– Что?

– «Пиджаками» называют не кадровых командиров, а тех, кто пришел после военной кафедры. Так понятно?

– Да, – кивнули молодые.

– Я три года на физматематическом факультете отучился, а тут комсомольский набор. Дали младшего лейтенанта, и пошел служить. За два года успел лейтенанта получить, как раз месяц назад, перед тем как в запас ушел. Вот хочу восстановиться и продолжить учебу.

– Понятно, – опять, как болванчики, кивнули мои собеседники.

«Уф-ф, вроде пошло. Прошла деза. Если что, есть версия, кто я и откуда», – подумал я, облегченно вздохнув.

– Кстати, можно идти, перрон посвободнее стал, – кивнул в сторону поезда, который состоял из трех купейных вагонов, вагона-ресторана и шести плацкартных за ними.

Командиры подхватили фанерные чемоданчики с оббитыми железными уголками углами, а я свой сидор.

У танкистов был третий купейный вагон, у меня пятый плацкартный, сразу за вагоном-рестораном, поэтому, попрощавшись, мы разошлись.

– Билет, – протянула руку женщина в форме. – Ваше место седьмое, проходите.

Проходя по узкому коридору, я рассматривал попутчиков: кто устраивался, кто спал, а кто играл в шахматы. Дойдя до своего места, я кинул сидор в изголовье. Место у меня оказалось внизу. Вместе со мной ехали женщина с трехлетним мальчишкой и старый дед. Видимо, семья. Обращались они друг к другу по именам. Старик, немного помявшись, попросил поменяться местами, тяжело ему было забираться на верхнюю полку. Подумав, я легко согласился.

Представившись, я скинул сапоги, вместе с портянками убрал их под нижнюю полку (запах, конечно, появился, но не такой ядреный, как я ждал), убрал фуражку за сидор и лег, прикрыв глаза. Постельное белье еще не выдали. Как сказал дед, его будут выдавать, когда поезд тронется, поэтому я спокойно мог отдохнуть.

Не спеша поезд шел на Москву, в вагон-ресторан я не ходил, питался своими запасами, только чай просил у проводницы во время остановок. Титана тут не было, так что горячую воду брали на станциях. Ехали мы, как я уже говорил, не слишком быстро, можно сказать, без особых проблем и, по словам проводницы, на следующий день к обеду должны были прибыть в Москву. Однако утром девятнадцатого я все-таки вляпался в неприятности. А дело было так.

Весь мой сухпай закончился, да и горяченького захотелось – борща там или щей – поэтому решил плотно пообедать в вагоне-ресторане, чтобы до Москвы хватило.

Пообедал без проблем, но меня подвела моя же наблюдательность. Прикончив второе, я оторвался от тарелки, взял стакан с подстаканником, откинулся на спинку кожаного сиденья и стал лениво попивать чай с печеньем.

Мое внимание привлекла компания из капитана-артиллериста и двух гражданских, которые уже с утра гужбанили за соседним столиком. Капитан уже поплыл, было видно, как он полусонно почмокал губами и захрапел, уткнувшись лбом в окно. Сидевший рядом парень быстро общмонал капитана и, когда разворачивался, наткнулся на мой взгляд. Другим со стороны было ничего не заметно, но с моего места рассмотреть руки в карманах капитана было возможно.

Парни сделали вид, что ничего не произошло, лишь изредка незаметно бросали на меня взгляды. Допив чай, я поставил стакан на столик и направился обратно.

Подойдя к двери, заметил в остеклении, что парни быстро меня нагоняют.

«Убрать свидетеля решили, ну-ну. Ствол у них точно есть. Что-то топырилось у одного за поясом, а работать будут наверняка ножами. Ну ворье!...»

В тамбуре было пусто, поэтому, подойдя к двери, что вела наружу, я проверил, открывается ли она. Оказалось, закрыта. Ничего, что-нибудь придумаем. Стоял я спиной к двери в вагон-ресторан, наблюдая за ней по отражению в стекле.

Парни сработали быстро, даже профессионально, атаковали они сразу. Не задумываясь.

Резко уйдя в сторону, я рукой отбил удар, перехватил кисть и обратным вывертом насадил бандита на его же нож, одновременно ударом стопы сломав второму ногу ниже колена. Я таким ударом доски ломаю, что уж тут говорить о хрупкой человеческой кости?

Двумя ударами добив порезанного, подскочил ко второму и, ухватив его за голову, резко дернул в сторону. Всегда хотел это попробовать, как в кино. Послышался хруст ломающихся позвонков. Я тут же пожалел, что так плотно позавтракал, но все-таки сдержался. Судя по запаху, у того, которому сломал шею, ослаб кишечник, стало отчетливо пованивать. Как

мне говорили опытные бойцы, при переломе позвонков всегда освобождается кишечник, тут ничего не поделаешь, теперь я в этом убедился лично.

Времени не было, поэтому я быстро обыскал трупы, убрав трофеи в карманы (все не уместилось, пришлось содрать с одного из бандитов пиджак и завернуть находки в него). При поисках я обнаружил изогнутый штырь с треугольным концом, в котором не сразу опознал спецключ для вагонной двери, который меня изрядно порадовал. Я уж думал, как все это объяснять, если меня застукают. А что на меня быстро выйдут – это сто процентов, а тут такой подарок.

Открыв дверь, я выкинул оба трупа на насыпь. Мне повезло, что ни пока мы дрались, ни пока я избавлялся от тел, через тамбур так никто и не прошел. Выдохнув, сделал из пиджака сверток и задумался, куда его девать. В руках не понесешь, сразу соседи приметят. Спрятать? Так вроде некуда.

В это время через тамбур прошла стайка девушек. По-моему, даже та, которую я видел на вокзале. Стоял я к ним спиной, держа сверток из пиджака перед собой, поэтому они его не видели.

Как только девушки прошли, я развернулся, чтобы пройти в свой вагон, но заметил блеск клинка. «Черт, финка второго, как я ее не заметил? Как ее девчонки не увидели?! Повезло, наверное».

Подхватив финку, убрал ее к остальным вещам бандитов. Сделав из пиджака малоопытный сверток, я вышел из тамбура и прошел в вагон. Пройдя до своего места, подхватил заметно похудевший сидор и направился к туалету, это было единственное место, где можно уединиться. Отстояв очередь, вошел в пахнущее помещение, быстро оправился и развязал горловину сидора.

Развернув сверток, переложил добычу в вещмешок, а пиджак выкинул в открытое окно. Несмотря на то, что управился быстро, на меня все равно ворчали, что долго сидел на толчке.

Стянув сапоги, я опять лег на свою полку и, закинув руки за голову, стал мысленно пробегаться по вещам, составляя список. У бандитов было:

два пистолета. Вернее, наган и ТТ. Причем к ТТ был запасной магазин и четырнадцать патронов россыпью. К нагану с пять десятков патронов – времени считать не было;

финка, что я подобрал с полу, и складной нож (скоро из ножей бандитов коллекцию собрать можно будет);

два паспорта, принадлежащих нападавшим. Изучить их я не успел;

россыпь денег и две пачки десятков в банковской упаковке. Получается, больше двух тысяч;

пачка из трех десятков удостоверений командиров Красной Армии. Кроме них несколько паспортов, командировочные удостоверения, справки и продаттестаты на те же имена, что и в удостоверениях. Было с десяток партийных и комсомольских билетов;

наручные часы марки «Восток»;

карманное зеркальце и два платка;

спички и сигареты – я не взял;

спецключ для вагонных дверей.

Это все, что было в карманах нападавших. Кстати, на одном из удостоверений были темные пятна, подозрительно похожие на кровь. Явно эти два бандоса охотились именно за командирами, причем нужны им были именно удостоверения. Странно. Немного успокоившись и дождавшись, когда сердце перестанет скакать, я сполз со своего места, оставив сидор, и направился обратно в вагон-ресторан. Капитан, которого обчистили нападающие, все еще был на месте, с ним как раз возилась одна из официанток. Заметив, что из-за соседнего столика поднимаются двое командиров, явно собираясь ей помочь доволочь капитан до его купе, я подскочил первым и предложил свою помощь.

– Спасибо, а то уж больно он тяжелый, – слабо улыбнулась девушка, с заметным презрением глянув на пускающего пузыри капитана.

– Ничего.

– Василий из нашего купе, давайте мы его доведем, – прозвучал рядом голос.

Придерживая капитана, я посмотрел на майора и стоявшего за его спиной старшего лейтенанта.

– Нужна помощь? – спросил я, передавая капитана его попутчикам.

– Справимся, – мотнул головой майор. – Странно, что он так наклюкался, на него это не похоже.

– Я видел, как он выпивал с двумя гражданскими, вид у них был подозрительный. Может, снотворное? Обокрали? – спросил я.

– Сейчас проверим. Лейтенант, подержите его.

Пока старлей придерживал капитана под мышки, майор под взглядами посетителей вагона-ресторана быстро того ощупал, похлопав по карманам.

– Какие-то проблемы? – к нам подошел лейтенант с васильковым околышем на фуражке. Явно гэбист.

– Странно, документы он обычно держал в кармане френча, вон клапан расстегнут, а тут почему-то в кармане галифе. Насчет денег не скажу, но их явно было больше, – озадаченно ответил майор, рассматривая документы, которые я успел подсунуть, когда принимал тушу капитана у официантки.

– Наверное, мне показалось, если все на месте, – пожал я плечами.

– Не знаю. Странно все это. Ладно, мы сами его донесем. Пошли, Воронцов.

Видимо, гэбиста удовлетворил ответ. Он кивнул и вернулся к своей компании, гулявшей за одним из столиков.

Проводив их взглядом, я довольно хмыкнул и вернулся в свой вагон, остаток дороги пролежал на полке.

Когда поезд подошел к перрону на Казанском вокзале Москвы, я надел фуражку, поправил одежду и, повесив сидор на одно плечо, вышел из вагона.

Спокойно покинув вокзал, я нашел пролетку – свободных такси не было – и велел вознице везти меня на Киевский. По дороге, заметив магазин, попросил остановиться возле него и приобрел тетрадь, карандаш и два больших конверта.

На Киевском вокзале купил купейный билет до Ровно и направился в зал ожидания. Найдя неприметный закуток, достал паспорта и удостоверения, после чего быстро их осмотрел. Сомнения не было, шла охота именно на командиров. Мое внимание привлек военный билет, принадлежавший двадцатичетырехлетнему лейтенанту запаса Виталию Михайловичу Фролову. Судя по записи, был он командиром взвода ПВО-ПТО. Причем «пиджаком» – я нашел отметку военной кафедры математического факультета.

Кроме военного билета среди документов нашлись паспорт и комсомольский билет на то же имя. Все документы, кроме комсомольского билета, имели черно-белые фотографии не лучшего качества. Присмотревшись, я понял, что этот Фролов очень на меня похож. Среднее, ничем не примечательное лицо, такое же, как и у меня.

Запомнив все данные тезки, убрал бумаги в нагрудный карман френча. Теперь у меня имелись документы. Даже описание практически совпадало. Цвет волос, телосложение и так далее. По ним я вполне подходил, только глаза у меня были синие, а у Фролова серые. Особые приметы отсутствовали. В общем, свезло мне. Если только на знающего Фролова нарвусь, но это вряд ли.

Достав часы, выставил их по вокзальным и застегнул коричневый ремешок на левой руке. Теперь хоть со временем путаться не буду, хороший трофей.

В небольшом помещении почты, где был стол, я занялся правописанием. Сперва в отдел НКВД, потом на имя товарища Иванова в Кремль.

В госбезопасность я отправил скорее доклад, чем рассказ. Без указания своего имени, только описание произошедшего и свои мысли. Не забыл указать, где примерно сбросил тела напавших. Убрав в первый конверт все найденные у бандитов документы, кроме тех, что забрал себе, я заклеил конверт и написал на лицевой стороне: «В Центральное управление НКВД». Ничего, почтальоны разберутся, куда и кому.

После чего я начал писать письмо Сталину, первым делом указав день и время начала войны. Дальше описал задачи немецких войск и главные места прорывов. Заметив, что до отправления осталось всего десять минут, быстро поставил дату, убрав исписанные листы в конверт и, хотел было закрыть, но потом вырвал из тетради еще один листок и написал: «*Это то, о чем вы думаете (5 марта 1953 года)*». После чего заклеил конверт и надписал: «*Кремль. Товарищу Иванову*».

Выбежав из почты, я бросил оба конверта в почтовый ящик и побежал на перрон, держа в руке картонный серый квадратик билета.

– Черт! – воскликнул я, заметив, что состав уже тронулся.

Быстро догнав свой вагон, запрыгнул на подножку и, протиснувшись мимо улыбающейся проводницы, подал ей билет, поправляя лямки сползающего с плеча сидора.

– Проходите. Ваше купе пятое, место девятнадцать. Белье сейчас возьмете?

– Ага, спасибо.

– Тогда пройдемте.

Устроившись в купе и познакомившись с попутчиками (вот же повезло, все оказались командирами Красной Армии), я расстелил матрас и белье, после чего предложил отметить знакомство.

– Извините, товарищи командиры, закупиться не успел, едва на поезд не опоздал, так что предлагаю пройти в вагон-ресторан, – сказал я соседям.

– Да у нас с собой, не волнуйся, все равно скоропортящееся, так что рубанем, а потом уже можно и в ресторан, – отмахнулся один из попутчиков в звании майора.

Из трех попутчиков он был старшим по званию. Командир стрелкового полка майор Стрельников, беловолосый крепыш лет тридцати двух – тридцати трех в ладно пригнанной форме. Второй оказался старшим политруком Вячеславом Запольским, корреспондентом армейской газеты «Звезда». Третий – молодой лейтенант-артиллерист, только что из училища, Сергей Петров.

– Ты, смотрю по нашивкам на рукаве, послужить успел? – спросил Стрельников.

– Лейтенант запаса, зенитчик, – представился я.

– Что за орудия? Тяжелые?

– Нет, ПВО-ПТО.

– А, скорострелки, – нарезая хлеб, хмыкнул майор.

Больше за время пути, к моему огромному облегчению, к моей якобы службе не возвращались, ехали спокойно.

Мне было интересно следить за поведением командиров, вот только пристрастие майора к алкогольным напиткам немного напрягало, но мне повезло – остальные оказались трезвенниками. У старшего политрука я заметил потрепанную книжечку-методичку. Она описывала знаки различия Красной Армии и Флота. Попросив ее изучить, мол, вспомнить материл, незамедлительно получил ее от Запольского – он, оказывается, и сам часто ей пользовался. Кроме того, я научился бриться опасной бритвой и править ее ремнем. Это сложно, поверьте мне, особенно в качающемся вагоне.

Начальнику Алексеевского районного отделения милиции капитану Ермолову от участкового милиционера старины Ветрова.

Довожу до вашего сведения, что следов голого мужчины (словесный портрет прилагается), обнаруженного школьницами Зинаидой Ветровой и Марией Никишиной, не обнаружено. При опросе установлено, что, по сообщению Андрея Пермякова, у него пропали штаны серого цвета, синяя рубаша и ремень, когда он с женой купался в период времени между 20:30 и 21 часом в колхозном пруду. По показаниям Андрея Пермякова, велосипеды, которые стояли у обрыва, упали в воду, отчего штаны и рубашу, возможно, унесло течением, ключи остались. На месте, под водой, были обнаружены только кепка и пиджак. Ботинки находились на берегу. Деньги из пиджака, включая железную мелочь, пропали. По словам Пермякова, украсть вещи и деньги могли ребята-рыбаки, которых он до этого согнал с озера. Проведенное расследование показало, что дети, а именно... к этому непричастны. Также довожу до вашего сведения, что на следующий день рано утром жители села Рыбная Слобода Николай Филиппович Романов и Ринат Ильич Гатауллин, направляясь в город Казань на телеге, подобрали незнакомого парня (словесный портрет прилагается) и довели его до города. (Показания снял участковый милиционер младший сержант Еремин.) Где незнакомец, представившийся как Виталий Мишин, житель города Грозного Чечено-Ингушской АССР, после того как переночевал у дочери Романова и ушел, больше его никто не видел. Словесный портрет совпадает с тем, что указали школьницы, одежда, по описанию Романова и Гатауллина, схожа с той, что пропала у Пермякова.

Вывод: на территории Алексеевского района был ограблен неместный житель. Причина, почему он не пришел в райотдел милиции, неизвестна.

20.06.1941 г. Старшина Ветров.

Резолюция:

Отправить все материалы по Виталию Мишину в Казанский отдел НКВД.

Начальник Алексеевского районного отделения милиции капитан Ермолов.

Ночью мы проехали Киев, а рано утром нас разбудили взрывы и резкое торможение состава.

– Из вагона! – заорал я, спрыгивая со своей полки. Нахлобучив фуражку, схватил в одну руку сапоги, а в другую сидор, на ходу пытаюсь найти в кармане галифе спецключ.

Гурьбой мы добежали до тамбура, открыли моим ключом дверь и, вывалившись на насыпь, скатились вниз.

– На второй заход идут! – крикнул я, заметив, что три «лаптежника» закладывают вираж. Так мы и рванули подальше от поезда в чистое поле. К сожалению, леса вблизи не было. Пока бежали, я потерял своих спутников, смешавшихся с другими пассажирами.

Отбежав метров на триста, упал в траву и, подтянув сапоги, стал быстро наматывать портянки. Обувшись, снова подхватил сидор и рванул дальше. Должен сказать, я не один был такой бегун, меня обгоняли многие пассажиры. Видимо, это заметили и немецкие пилоты, так как на третьем заходе они прошли пулеметами по обочинам и полю.

Подняв голову, я посмотрел на дымящуюся ямку в трех метрах. Снаряд, выпущенный из пушки штурмовика, оставил разрыхленную ямку сантиметров десять глубиной и чуть-чуть не достал до меня.

Привстав, огляделся. Самолеты удалялись, свое дело они сделали. Паровоз был разбит прямым попаданием бомбы, несколько вагонов горели. Те из пассажиров, кто уже пришел в себя, потерянно бродили, рассматривая убитых и раненых.

Сплюнув, я развязал горловину сидора и, достав флягу, сделал пару глотков, после чего прицепил ее к поясу. Повесив вещмешок обратно, направился в ту сторону, куда шел поезд. Делать мне тут было нечего.

Посмотрев на чистое небо, я глянул на часы. Пять утра, видимо, мы нарвались на свободных охотников, были такие эскадрильи, работающие по подвижным составам, или эти трое просто пролетали мимо и развлеклись.

Отойдя на шесть километров, я сел на рельсы и, положив рядом сидор, стал доставать оружие. Одна финка ушла за голенище сапога, остальные остались в вещмешке – ножен не было. Еще пришлось повозиться с пистолетом и револьверами, все они были нечищенные и незаряженные.

С наганами я справился быстро, один заряженный ушел обратно в сидор, другой я сунул в карман галифе, а вот ТТ вызвал некоторые затруднения. Ничего, с «Макаровым» справлялся и с этим разберусь. Как бы то ни было, через полчаса зарядил пистолет и заткнул сзади за пояс.

Позавтракав остатками купленной на последней станции еды, продолжил путь по шпалам.

Самолеты часто пролетали или надо мной, или чуть в стороне. К моему удивлению, летали не только немцы, но и наши. Видимо, еще не всю авиацию у нас выбили. Да много ведь летало. Далекие дымы были видны со всех сторон, ближайший сзади. Со стороны состава.

Где-то к обеду я заметил впереди лес и даже, кажется, мост через реку. При приближении понял, что не ошибся.

– Стой, кто идет? – окликнули меня через час, когда я подошел к мосту.

– Лейтенант запаса Фролов. Следовал в Ровно на поезде. Да разбомбили нас километрах в двенадцати отсюда, – спокойно ответил я.

Теперь я видел маленький окопчик чуть сбоку, ствол «дегтяря» с блином диска наверху и две зеленые каски. В ста метрах дальше виднелись бетонный холм дота и заграждения из колючей проволоки.

– Стой на месте!

– Понял.

Ждать долго не пришлось, буквально через минуту подошел наряд из трех бойцов с младшим лейтенантом во главе. У всех были черные петлицы с эмблемами железнодорожных войск. Это было странно, я читал, что такие сооружения охраняли войска НКВД.

– Документы! Почему пешком? Куда следуете? – засыпал меня вопросами младлей.

– Поезд разбомбило, у вас связь есть? Сообщите в ближайший населенный пункт, пусть помощь отправят, – ответил я, протягивая паспорт.

– Почему в форме? – изучив документ, спросил он.

– В запасе.

– Военный билет, – снова протянул руку младший лейтенант. Его он изучал дольше, судя по тому, как пару раз изучающе посмотрел на меня, сравнивал фото и лицо.

– Через этот мост пропустить мы вас не можем. Запретная зона. Но могу сказать, что в двух километрах есть автомобильный, – махнув рукой влево, сказал наконец летеха. Видимо, проверка прошла удачно.

– Спасибо. А насчет поезда?

– Передадим, не волнуйтесь. Утрешний на Ровно?

– Да.

– А мы гадали, почему он не прошел. Бомбили?

– Паровоз вдребезги. Несколько вагонов горело. Много убитых и раненых. Пока им оказывали помощь, я пошел за подмогой.

– Понятно... Значит, все-таки война, – едва слышно пробормотал он.

– Мост в той стороне?

– Да, идти вдоль берега, пока не упретесь.

– Ясно, спасибо. Кстати, до города далеко?

- До Ровно, почитай, километров сто будет. По пути только села.
- Ничего, найдем попутную машину.
- Удачи.
- Спасибо.

Повернувшись к охране спиной (наган я убрал в сидор, положив ТТ в кармане галифе), спустился с откоса и направился в указанном направлении.

Что меня больше всего удивляло, так это что как только я отошел от поезда, кроме постоянно гудящих в небе самолетов и охраны на мосту, не встретил ни одного живого человека. Можно сказать, беззаботная прогулка, если бы не то, что вокруг шла война, и не простая, а та самая, *Отечественная*.

Даже подойдя к шестидесятиметровому трехпролетному деревянному мосту, перекинутому через тихую речку, и то встретил тишину и ленивый окрик часового. Судя по количеству бойцов, мост охраняло едва ли больше отделения. Тут тоже не было войск НКВД, обычная махра, видно по петлицам.

- Стой, кто идет?
- Путник, мне нужно в Ровно.
- Стойте на месте и ожидайте командира, – стоявший в двадцати метрах от меня невысокий красноармеец всем своим видом выдавал, что принадлежит к матушке-пехоте.
- Жду.

В это время со стороны Ровно показалась черная точка, и когда ко мне подошел старший сержант, мимо на большой скорости пролетела «эмка», оставляя за собой шлейф пыли.

- Часто у вас так? – спросил я сержанта, проводив машину взглядом.
- Вторая, минут двадцать назад тут сразу три проехало. Спасаются начальники, – хмыкнул сержант, изучая мои документы. – В Ровно?
- Да.
- Причина посещения?
- Хотел друга навестить, но похоже, придется снова на службу возвращаться. Там ближайший военкомат.
- С попутной машиной помочь?
- Если не трудно.
- Тогда пойдемте, своим я скажу, они тормознут, если кто в ту сторону поедет.
- Спасибо, сержант.

Я не ошибся, мост едва ли охраняло больше десятка бойцов. С той стороны, с которой я пришел, находился пулемет Дегтярева, а с этой, со стороны Ровно, в большом окопе стоял ДШК на зенитном станке.

– Сменами службу несете? Что-то вас мало, – спросил я, устраиваясь рядом с сержантом на обочине.

- Должны были сменить в семь утра, да все нет и нет.
- Понятно. То, что война началась, уже знаете?
- Войска тут проходили, сообщили, – кивнул сержант. – Ничего, умоются кровью, наши как вдарят!

Меня несколько поразила такая уверенность и спокойствие сержанта, но свои мысли я удержал при себе, решив сменить тему:

– Я от разбитого поезда сперва к железнодорожному мосту вышел, так от них услышал, что немцы у границы два моста целехонькими захватили. Знаешь, как?

Решился я на этот рассказ по одной причине – дать понять, что война не шутка и малой кровью тут не обойдешься.

- Как? – заинтересовался сержант.

– Представляешь, подъехали на наших ЗИСах, в нашей же форме и ударили в упор из автоматов. Мосты бойцы НКВД охраняли, но даже они ничего не смогли сделать. Там через час стрелковый батальон подошел и с ходу отбил мост, так и узнали. Да и выжившие из охраны были. Некоторые успели отступить. Вот такие дела, так что держи нос по ветру. Подъедет машина, полная бойцов, на всякий случай держи ее под прицелом пулемета, да и с другой стороны пусть страхуют.

– Понял, спасибо, товарищ лейтенант. Только вряд ли они до нас дойдут.

– Пулемет разрешишь посмотреть?

– Вы бы, товарищ лейтенант, на моем месте разрешили?

– Нет, конечно.

– Вот и я не разрешу... Кажется, колонна идет, узнаю, возьмут попутчика или нет, – отряхнув галифе, сказал сержант. С прищуром посмотрев на приближающиеся машины, он добавил: – Хотя нет, не возьмут, войска идут.

Встав на обочине, я смотрел, как проходил через мост моторизованный полк. Определить это было нетрудно – сперва броневи́к с пушечной башней, потом два грузовика с пехотой, десяток несущих танков, в которых я опознал Т-26, пара «эмо́к», потом пять десятков грузовиков, набитых пехотой. Еще были восемь прицепленных пушек. Зениток, кроме двух счетверенных пулеметов «максим» в открытых кузовах полуторок, я не видел.

– Сила! – уважительно сказал старший сержант, когда проехала последняя машина.

– Без зенитного прикрытия это просто одна большая цель.

– Что-то вы, товарищ лейтенант, на все смотрите с плохой стороны.

– Я смотрю на все глазами опытного командира, и то, что вижу, мне очень не нравится.

– Еще одна машина едет... О, я ее знаю, это почтовая из Ровно. Они один раз у нас колесо прокололи. Пока меняли, познакомились.

Сержант вышел на мост и жестом велел машине остановиться. О чем-то поговорив с водителем, он махнул мне, подзывая. На месте пассажира сидела полная тетка с заметно бледным лицом.

– Они прямо в Ровно едут, подвезут.

– Отлично, сержант, спасибо. Кстати, тебя как зовут, а то мы так и не познакомились?

– Старший сержант Свиридов, товарищ лейтенант.

– Спасибо, сержант, может, еще свидимся.

Водитель крытой полуторки уже вышел из машины и откинул полог заднего борта. Кабина была занята, поэтому мне оставалось только ехать в кузове. Но я был не в претензии. Закинув сидор в кузов, сам запрыгнул туда одним движением.

– Вас куда, товарищ командир? – прежде чем закрыть полог, спросил водитель. Это был степенный лет сорока мужчина со слегка отвислыми усами и седой шевелюрой.

– К военкомату.

– Мимо будем проезжать, высажу, – кивнул водитель.

Кузов был пуст, видимо, поэтому, несмотря на инструкции, меня так спокойно взяли. Присев на сидор, чтобы не замарать галифе в пыли, я стал, не обращая внимания на тряску, размышлять, что делать дальше.

Что происходит снаружи, мне не было видно, но пару раз машина прибавляла ход, вихляла, и сквозь рев мотора слышались взрывы и выстрелы. Кажется, был налет – рев авиационных моторов и треск пулеметов были хорошо различимы. Когда начали рваться бомбы, я убедился, что был прав. А однажды наверху, изрядно напугав меня, в брезенте появилось несколько дыр, но не задело. Хотя настил кузова в некоторых местах заблестел свежей щепой.

В Бога я не верил, поэтому всю дорогу только и бормотал:

– Твою мать! Твою мать!..

От моста до города ехали мы почти три часа, прибыв к двенадцати дня, но, к моему удивлению, доехали благополучно, то есть все-таки доехали.

Как только машина остановилась, я тут же оказался у заднего борта. Судя по тряске, последний километр полуторка ехала по брусчатке. Это означало, что мы в городе.

– Приехали, товарищ командир. Извините, к военкомату подвезти не могу, улица перекрыта, но тут недалеко, – произнес водитель, выпуская меня из жаркого и пыльного нутра кузова.

Спрыгнув на брусчатку и бросив под ноги сидор, я спросил, отряхиваясь от осевшей на форме пыли:

– А где военкомат?

– Вон, где толпа, там здание будет из красного кирпича, не ошибетесь.

– Ясно, спасибо. Кстати, а почему нас не остановили на въезде для досмотра?

– Там машину какую-то досматривали, а мы почта, нас пропустили, – спокойно пояснил водитель, закрывая кузов.

– Бардак. А что там на дороге было?

– Нашу колонну немцы бомбили, много побили. Потом еще один самолет за нами гонялся. Я по полю круги нарезал, наверное, чувствовали, как мы прыгали по пашне?

– Чувствовал. Ладно, спасибо, что довез.

Водитель вернулся к кабине тихо тарыхтящей полуторки, а я, приведя себя в порядок и закинув сидор на левое плечо, направился в указанную сторону.

Толпа на небольшой площади и прилегающих улицах оказалась не особо большой, но с пятьсот человек тут точно было. К моему удивлению, все они прибыли к военкомату по воинской обязанности. Пробравшись сквозь толпу, я подошел ко входу, который охранял одинокий красноармеец с винтовкой с примкнутым штыком, и, спокойно потянув дверь на себя, прошел в прохладный холл.

Внутри было полно призывников разного возраста: кто стоял в очереди, кто бегал с какими-то бумажками. Работники военкомата с уже измученными лицами носились туда-сюда. Поймав одного такого, я придержал его за локоть:

– Товарищ лейтенант, не подскажите, где находится военком?

– Второй этаж, третья дверь слева, – буркнул он и рванул по своим делам. Человек пять призывников последовали за ним.

Пройдя на второй этаж и уворачиваясь от спешащих людей (похоже, я один тут, который никуда не спешит), дошел до открытой двери, откуда доносилась брань, и заглянул в кабинет, где увидел тучного майора, орущего в трубку:

– ...где я тебе их возьму?! Все, что было, я уже отправил! Нет у меня их больше! Все, я сказал! Если будут, сразу отправлю.

С силой положив трубку обратно на телефон – как ни странно, аппарат не развалился – майор достал платок и вытер потный лоб, глухо бормоча что-то себе под нос.

Постучав согнутым пальцем о косяк, я спросил:

– Товарищ майор, разрешите войти?

– Заходи. Кто таков?

– Лейтенант запаса Виталий Фролов. Приехал в город повидаться с другом, но, видимо, придется возвращаться на службу. Война.

– Специальность? – протянув руку, чтобы взять документы, спросил военком.

– Командир огневого взвода ПВО-ПТО.

– Так ты же мне и нужен! – обрадовался майор, быстро листая мои документы.

– Товарищ майор, тут нужно подписать, – зашел в кабинет капитан с папкой в руках.

Быстро расписавшись и отправив капитана, майор сложил мои документы перед собой и сказал:

– Ты должен призываться Ленинградским военным округом, но нам вот так нужны командиры-зенитчики, – ударил он себя по горлу. – Поэтому пойдем тебе навстречу. Пойдешь командиром батареи в отдельный зенитный дивизион ПВО-ПТО, включенный в оборону города.

– Есть принять батарею... только вот, товарищ майор. Хватит ли у меня знаний? Все-таки я командовал только взводом.

– Ничего, разберешься, нет у меня больше командиров на эту должность. Все, что было, еще утром вывели, – сняв трубку, он кого-то набрал. – Алло? Матвеев? Пляши. Нашел я тебе командира на третью батарею, причем настоящего, он ранее взводным был на ПВО-ПТО. Лейтенант Фролов... Да, жди. Будет у тебя через час.

«Блин, я-то рассчитывал попасть под командование опытного комбата и хоть немного войти в тему. Но как сейчас? Я же не в теме. Блин, надо же было так завратиться. Лучше бы я удостоверение того лейтенанта-стрелка взял, все легче».

В это время майор набрал другой номер:

– Игнат, зайди... Мне все равно, что ты занят! Быстро, я сказал!

Буквально через десять секунд в кабинет забежал старший лейтенант.

– Товарищ майор... – начал было он, но был оборван:

– Бери этого лейтенанта и быстро подготовь ему документы о переводе в дивизион Матвеева. Понял? Через полчаса чтобы все было готово.

– Есть, товарищ майор, – козырнул старшой и, зыркнув на меня, кивком велел следовать за собой.

Проблем бы не было, если бы я призывался в этом военкомате, но личного дела тут не было. Вот и пришлось старшому повозиться, формируя новое личное дело, заполняя его с моих слов, подготавливая документы и оформляя мне удостоверение. После того как военком подписал все бумаги, я вышел из военкомата с предписанием в течение часа явиться в распоряжение капитана Матвеева, командира отдельного зенитного дивизиона ПВО-ПТО.

– Товарищ лейтенант! – окликнул меня кто-то, хотя я даже со ступенек крыльца сойти не успел.

– Слушаю, – повернулся я к такому же лейтенанту.

– Вы ведь к Матвееву? К зенитчикам?

– Да.

– Мы в дивизион людей набрали. Раз вы туда, может, захватите их?

– Почему нет?

В это время взвыла сирена и кто-то истошно закричал:

– Воздух!!!

– Да сколько можно, четвертый раз уже бомбят! – воскликнул лейтенант. – Давай за мной.

Мы вместе с ним забежали за военкомат, где на небольшом пятачке двора толпилось около сотни людей в штатском. Только малая толика их были одеты в военную форму. Видимо, сохраненную со времен службы.

– Прижаться к стенам! – тут же громко скомандовал летеха.

В течение получаса мы пережидали налет. Бомбили что-то в паре километров в стороне, однако звуки разрывов и толчки почвы доносились и до нас. Когда немцы стали удаляться, за ними погнались три точки наших истребителей.

– Корпусные склады бомбят, гады, – вытерев мокрый от пота лоб, сказал лейтенант. – Ладно, твои вот эти. Я их в отдельную колонну построил. Вот, держи, тут их документы.

Приняв пачку документов, я убрал их в сидор и подошел к колонне:

– Командиры, руки поднять.

Подняло шесть человек.

– Представиться.

– Старший сержант Молчунов, – отозвался один из тех, кто был одет в форму.
– Старший сержант Андреев.
– Сержант Дмитриев.
– Сержант Ольнев.
– Младший сержант Индуашвили.
– Ефрейтор Смелов.
– Молчунов, примите командование над бойцами. Постройте в колонну по двое и следуйте за мной. Кто хорошо знает город?

– Я, товарищ командир, красноармеец Маликов. – Вышел вперед невысокий боец лет двадцати пяти. Младше в колонне не было, возраст был примерно от тридцати пяти до двадцати пяти.

– Будете проводником. Первым делом идем в военторг. Он далеко?

– Нет. Вон он. Вывеска видна, – указал красноармеец.

Посмотрев через открытые ворота, я действительно увидел магазин.

– Хорошо. Молчунов, вывести колонну с площади в сторону железнодорожного вокзала и ожидать меня на ближайшей улице.

– Есть. Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

Пока сборный отряд через толпу маршировал к одной из улиц, я быстрым шагом пересек площадь и вошел в военторг.

За прилавком находилась женщина лет за тридцать, она сразу оторвалась от учета материи, что шла на командирские гимнастерки, и посмотрела в сторону входной двери. Что мне не понравилось, так это практически пустые полки, значит, не я один такой умный.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я.

– Здравствуйте, вам что-то нужно?

– Да, сейчас неразбериха, и я пока могу не получить то, что нужно, так что я лучше куплю. Мне нужна кобура для ТТ, фурнитура на форму, знаки различия лейтенанта. Командирский планшет. Бинобль есть?

– Есть, вам какой?

– Самый мощный.

– Хорошо. Петлицы какого рода войск вам нужны?

– Я зенитчик.

– Ясно. Сейчас принесу.

Пока я, сняв пояс, крепил кобуру и наплечные ремни, что достал из сидора, продавщица забрала у меня фуражку и прикрепила звездочку. Застегнув пояс, я согнал складки гимнастерки назад, поправил кобуру, достал из кармана пистолет и запасной магазин и убрал их на положенное место.

Продавщица, подав мне фуражку, выложила на прилавок черные петлицы с артиллерийскими эмблемами, а к ним четыре «кубаря».

– Давайте еще два, вдруг один потеряю, для замены.

Продавщица молча добавил еще два кубаря и нарукавные знаки.

– Нитки с иглой, чтобы пришить знаки различия, нужны? – спросил она.

– Да, конечно. Мне еще нужно командирский блокнот с двумя карандашами, и, вон, вижу, есть журнал ведения боевых действий, его тоже.

– С вас сорок семь рублей и документы.

Записав мои данные в книгу покупок, она приняла деньги и выдала сдачу.

– Удачи вам, – пожелала она при выходе.

– Спасибо.

Повесив через плечо планшет, я поспешил догнать приданных бойцов. Они оказались на соседней улице, гурьбой сидели в тени одного из домов.

– Стройся! – тут же скомандовал Молчунов, как только кто-то из бойцов меня заметил.

Встав во главе отряда, я повел их к вокзалу, согласовываясь с проводником, шагающим рядом. Не знаю, какими путями он нас вел, но мы довольно быстро оказались в районе вокзала, где комендантский патруль, проверив у меня документы, отправил нас сразу к штабу дивизиона. Он находился через два дома.

Перед нужным нам зданием стояло несколько полуторок и один ЗИС-6, в кузове которого был установлен счетверенный пулемет «Максим» модели «4М». Посмотрев на расчет – двое были в кузове, командир в звании младшего сержанта прохаживался у левого борта – я остановил колонну и, придерживая планшет, вошел в здание.

– Фролов? – почти сразу окликнул меня невысокий худощавый капитан-артиллерист.

– Да, – кивнул я, разворачиваясь.

– Пополнение привел?

– На улице.

– Документы, – требовательно протянул руку капитан. Видимо, это и был капитан Матвеев, командир зенитного дивизиона.

– Ваши документы, пожалуйста, я вас не знаю, товарищ капитан, – попросил я.

– Хм, борзый. Держи.

Удостоверение подтвердило, что капитан Матвеев является командиром свежесформированного дивизиона. Вернув удостоверение, я скинул сидор и, достав документы, передал пачку капитану.

Приняв бумаги, капитан тут же крикнул:

– Елкин! – и, передав всю пачку выскочившему из соседней комнаты что-то жующему старшему лейтенанту, велел: – Оформляй, пополнение на улице. У лейтенанта тоже удостоверение заberi. Оформи его как командира третьей батареи.

– Есть, – козырнул тот бутербродом. Забрав мое удостоверение, он усккал на улицу. Видимо, принимать пополнение.

– Лейтенант, пошли ко мне в кабинет. Пообщаемся, потом поедем принимать технику и людей.

Следом за командиром я прошел по коридору и вошел в третью по счету дверь.

– Располагайся, – велел он.

Комната оказалась довольно большой, шесть на пять метров, судя по четырем окнам, угловая. Кроме шкафа для документов был сейф, большой стол, четыре стула у стены. За столом на стене висел портрет Сталина.

Присев на один из стульев, я положил под ноги сидор.

– Почему не по форме? – спросил капитан.

– Форма моя, я же из запаса. Новую пока не получил со склада, но фурнитуру купил в военторге, чтобы соответствовать, – достав из кармана петлицы, я показал их командиру. – Будет время, пришью.

– Черт-те что творится. Представляешь, нашли меня утром в гостинице и поставили командовать этим дивизионом. А я гаубичник, я в зенитках ни черта не понимаю, это же другие системы!

– А как так произошло? – искренне удивился я.

– А-а-а... – махнул рукой капитан.

Оказалось, в двенадцать ночи в Ровно пришел войсковой эшелон с двадцатью новенькими зенитками на платформах прямо с завода. Орудия были модификации ЗСУ 61-К – 37-миллиметровые автоматические зенитные пушки образца 1939 года на базе грузовика повышенной проходимости ГАЗ-ААА. Так вот тот, кто должен был принять эти машины, погиб при

первом же налете, а его часть сейчас воюет у границы. Получалось, что боевая техника стала ничейной, вот командование и решило сформировать отдельный дивизион пятибатарейного состава из командировочных командиров и бойцов первого призыва.

Проблемой было то, что командиров практически всех выгребли еще утром и к десяти дня начали собирать с бору по сосенке. Под эти грабли попал и я. Кстати, мог попасть и раньше, если бы комендачи на въезде проверили почтовую машину. У них был такой приказ.

– Так что принимаешь четыре установки, две полуторки для перевозки боеприпасов и отдельную машину со счетверенными «максимами».

– А полевая кухня? Положена по штату, – вспомнил я один момент.

– Кухня положена дивизиону, там и будете получать паек, нам ее выдали.

– Я буду в составе дивизиона или отдельно?

– Отдельно, примерно в десяти километрах от города.

– Тогда кухня нужна, из города готовые обеды не навозишься.

– Чего нет, того нет.

– Ясно... Батарея уже сформирована или ее надо формировать сначала?

– Как таковой батареи еще нет, хотя батарейный старшина уже есть, как и пять водителей, это они согнали технику с платформ и перегнали на хоздвор пекарни. Пополнение ты видел, все они пойдут к тебе. Местных там фактически нет, в основном, как и ты, застрявшие тут. Кто по комсомольской линии работал в городе или окрестностях, кто по партийной. Не возвращаться же им к своим военкоматам. Так что цени, не местные, хоть трое и попало, водители. Были случаи, что бойцы, призванные с западных областей, в спину стреляли. Это пока все, если будут еще люди или командиры, пришлю сразу. Политработников пока нет, извини.

Несмотря на то, что капитан фактически полностью расписал мне все, что у меня будет, я засыпал его вопросами.

Вроде: на какое количество боеприпасов я могу рассчитывать; есть ли сменные стволы; как с продовольствием – ну и так далее. Во время расспросов к нам заглянул старший политрук, представившийся комиссаром дивизиона.

Через полчаса измученного капитана спас от меня тот самый старший лейтенант, оказавшийся начальником штаба новоиспеченного дивизиона. Особо познакомиться не получилось, он куда-то спешил. Только и запомнил, что у него фамилия Елкин.

– Документы готовы, товарищ генерал подписал, – сообщил он, подавая Матвееву документы.

Открыв то, что лежало сверху, капитан посмотрел, чему-то хмыкнул и протянул мне. Посмотрев удостоверение, я увидел, что теперь значусь командиром третьей батареи ПВО-ПТО войсковой части номер Р-56/708.

– Часть новая, когда ей номер присвоить успели?

– Час назад, командуя армией своей властью, – пояснил Елкин.

Уважительно покачав головой, я убрал удостоверение в карман гимнастерки и вопросительно посмотрел на Матвеева, подписывающего поданные начштаба документы.

Через пять минут, закончив с бумагами, капитан встал и махнул рукой, приказывая следовать за ним.

Выйдя из здания (пополнения, что я привел, уже не было), мы сели в одну из полуторок – капитан в кабину, а я в кузов – и поехали куда-то к окраине. Однако из города мы не выехали, повернули на какой-то улице и въехали на территорию хлебопекарни. Именно тут, открыто, у всех на виду в линеечку стояли четыре машины с орудиями в кузовах. Чуть в стороне, в тени здания приткнулись две новенькие полуторки. Еще одна, тоже трехосная ГАЗ-ААА, с зенитными пулеметами «максим» в кузове, стояла у выезда. По двору с карабином на плече неприкаянно бродил одинокий боец-часовой.

Остановившись у второй машины с орудием, капитан открыл дверь, встал на подножку и, хмуро осмотрев двор, вдруг рявкнул:

– Боец, где старшина?!

– Товарищ капитан, товарищ старшина проводит осмотр вверенного ему имущества! – оттабанил часовой явно выученный текст. Судя по его виду, первого года службы пацан.

– Знаю, что он там осматривает, – проворчал капитан, следом за мной спрыгивая на утопанную землю двора.

В это же время из открытых дверей хлебопекарни выбежал мужчина лет тридцати пяти со старшинской «пилой» в петлицах, поправляя на ходу пилотку.

– Товарищ капитан, старший батареи старшина Непейборода. За время перегона никаких происшествий на батарее не случилось!

– Вижу, что не случилось. Познакомься, старшина, со своим командиром батареи, лейтенантом Фроловым. Виталием Викторовичем, кажется?

– Михайловичем, товарищ капитан, – спокойно поправил я.

– Да, точно. С этой минуты он отвечает за все вооружение и оборудование.

– Есть, товарищ капитан.

– Принимай батарею, список вооружения у старшины, – велел мне Матвеев.

В течение получаса я обошел всю батарею, заставил водителей завести каждую машину и провел инвентаризацию имущества. У всех ли машин присутствуют запасные баллоны. Есть ли входящие в штатные инструменты топоры, пилы, лопаты и ломы. Заодно проверил запас топлива – в баках каждой машины было не более пяти литров.

После того как я расписался за принятие батареи, капитан выдал мне несколько пустых бланков на боеприпасы и продовольствие – ни того, ни другого, к моему удивлению, получено не было – и сообщил, что с завтрашнего утра я уже должен занять позицию в восьми километрах от города и прикрывать перекресток.

– Товарищ капитан! – у меня от возмущения аж перехватило горло. – Батареи, считай, нет, какие еще занимать позиции?!

– А ну смирно! – рявкнул Матвеев. – Раскудахтались тут. Сам знаю, что чтобы расчеты освоились, нужно минимум две недели усиленных тренировок. Но понимаешь, все батареи в разгоне, ты у меня один остался, а этот перекресток нужно прикрыть. Приказ командования. Ну нет там никого, вообще никого!

– Ясно, товарищ капитан. Тогда нужны еще накладные для боеприпасов, дополнительного вооружения, маскировочных сетей и топлива. И у меня карты нет, я даже не знаю, куда ехать.

– Вот, возьми мою, вымогатель, – достав из планшета карту-километровку, капитан протянул ее мне. – Место твоей дислокации уже отмечено. Разберешься?

– Да, вот город, вот этот самый перекресток, – картой я пользоваться умел, штурман наш научил, да и в училище я не ворон ловил.

– Все правильно. Ладно, лейтенант, командуй. Через час прибудет пополнение. Они сейчас на складах получают форму, амуницию и оружие.

– Есть, – вздохнул я.

Матвеев сел в свою полуторку и выехал со двора, я же повернулся к старшине, который стоял рядом и внимательно слушал наш разговор.

– Постройте людей, – велел я ему.

– Есть.

Быстро собрав пятерых бойцов, включая часового, старшина вытянулся и оттаптал. Приняв его доклад, я прошел вдоль строя, разглядывая лица и составляя свое мнение о людях. На первый взгляд – двое старослужащих, трое не больше года службы.

– Представиться и сообщить, кто какие машины знает, – приказал я.

– Младший сержант Соболев. С начала службы ездил на разных машинах, но лучше всего знаю полторки, – сделал шаг вперед невысокий русоволосый крепыш, в котором я определил старослужащего.

– Эту знаете? – кивнул я на ГАЗ-ААА, что стоял в пяти метрах.

– Не доводилось, но с эшелона мы их стогнали и перегоняли сюда.

– Надеюсь, справитесь, все-таки старослужащий, других водителей у меня нет. Принимаешь первую боевую машину. Свободен.

– Есть, – четко козырнув, Соболев вышел из строя и пошел к одной из полторок, как оказалось, за личными вещами.

– Следующий.

– Ефрейтор Антипов, товарищ лейтенант. Вожу все, что двигается, но эту систему не знаю.

– Ничего, научитесь, разница там небольшая. Принимаешь вторую машину. Свободен.

– Есть, – козырнул тот. Тоже сходя за вещами, ефрейтор стал устраиваться в кабине второй зенитки.

– Теперь вы, – велел я, посмотрев на трех оставшихся водителей.

– Красноармеец Вятка. Ездил на ЗИСах и полторках. Трехлетний опыт вождения, – сообщил двадцатилетний паренек в ладно пригнанной форме.

– Принимаешь ту, что с пулеметами. Свободен.

– Есть.

– Красноармеец Иванов, водил только полторки, – сделал шаг вперед четвертый водила с измазанным маслом лицом. Кажется, это он возился с одной из полторок, когда мы заехали.

– Принимай ту, с которой работал. Свободен.

– Есть.

– Красноармеец Песцов, водил ЗИСы и полторки, – шагнул вперед часовой.

– Оставшаяся полторка твоя. До прихода пополнения продолжаешь стоять на часах.

– Есть.

Пока водители возились с той техникой, что за ними закреплена, я повернулся к молча стоявшему рядом старшине.

– Давайте отойдем в тень, а то уж больно солнце палит, там и поговорим.

Когда мы отошли к забору, где на лавочку падала тень от высокой ивы, раздался звук воздушной сирены.

– Опять летят. Наши летчики уже шестерых сбили, а им все нейдет, – проговорил старшина.

– Ничего, старшина, еще получают свое. Вот тут у меня списки личного состава, который скоро прибудет, давай их раскидаем по подразделениям и сформируем расчеты.

– Пятьдесят семь человек?! – удивился старшина.

– Да. Матвеев расщедрился и все последнее пополнение мне отдал.

Удивление старшины было понятно, я знал примерное штатное расписание для подобных батарей. Подсчитать не трудно. Один расчет орудия, включая командира – восемь человек, хотя по штату семеро, но я заранее готовил замену. Соответственно на четыре орудия тридцать два человека, плюс водители для машин. Получается тридцать шесть. Старшина, санинструктор, три водителя для машин обеспечения и зенитной пулеметной установки, расчет для «максимов» еще три человека. Командир батареи, политрук, два командира огневых взводов. Вот и все. Связисты обычно присланные и в состав батареи не входят.

В обычных артиллерийских батареях народу гораздо больше, так как кроме огневых, там еще есть взвод управления, что существенно увеличивает штат. У нас такого не было, так что лишними бойцами мы можем распоряжаться по своему усмотрению.

– Мне начштаба дал краткий список со специальностями пополнения. Он нам и поможет раскидать людей. Начнем?

– Начнем, товарищ лейтенант.

Буквально через сорок минут (мы со старшиной уже минут двадцать как закончили с формированием батареи и начали заполнять накладные, подписанные Матвеевым) в воротах показалась колонна бойцов. Вел ее младший лейтенант-артиллерист лет двадцати трех.

– Батарея... стой! – скомандовал он, как только колонна вошла во двор хлебопекарни, из дверей которой выглядывал любопытный обслуживающий персонал. – Равнение на середину! Товарищ лейтенант, личный состав третьей батареи после получения вооружения и формы прибыл для дальнейшего прохождения службы!

– Вольно, – несколько хмуро ответил я. – Представитесь потом, а пока по списку. Кого называю, шаг вперед. Младший сержант Индуашвили, вы назначаетесь командиром зенитной установки счетверенных пулеметов «максим». Красноармеец Василевский, наводчиком. Красноармеец Миронов, заряжающим. Названным бойцами принять технику немедленно.

– Есть!

– Есть!

– Есть!

Трое названных бойцов побежали к машине, у открытой двери которой стоял водитель Вятка.

– Еще шестеро, кого я назову, выходят из строя и поступают в распоряжение старшины. Красноармейцы Филиппов! Краснов! Харитонов! МIRONЧЕНКО! Иванов! Печкин!

Как только я называл бойца, он сразу же бежал к старшине, тот переправлял его в полуторки.

– Все, езжай, – велел я Непейборode.

Три машины сразу же выехали со двора. Причина такой спешки была одна – мне требовалось как можно быстрее вывезти со складов боеприпасы, топливо, продовольствие, амуницию и средства обеспечения. Орудия есть, а боеприпасов нет – смех, да и только.

Проводив колонну взглядом, я хмуро посмотрел на строй бойцов. Как и говорил Матвеев, одни винтовки, ни одного карабина. Да что там карабины, даже положенных по штату ручных пулеметов Дегтярева и то не было. Мало того, кроме младлея в брезентовых сапогах, все бойцы были в обмотках.

– Красноармеец Голубев, принять охрану въездных ворот во двор хлебопекарни.

– Есть, – боец побежал к воротам.

Причина, почему я поставил бойца, была проста. Прошлый часовой уехал со старшиной, будучи водителем одной из машин. Так что пришлось сразу озаботиться заменой.

– Представьтесь, – велел я младлею.

– Младший лейтенант Сазанов, назначен в третью батарею командиром первого огневого взвода, – протягивая документы, доложил он.

– Не тянись, недавно из училища? – несмотря на то что Сазанов явно был старше меня, на пару лет точно, было видно, что он немного робел.

– Две недели. После отпуска направлялся в часть согласно распределению, но наш поезд разбомбили немцы, пришлось добираться на попутках.

– В ста километрах, перед железнодорожным мостом? – спросил я, отрываясь от изучения документов.

– Да, а как вы?..

– Я тоже на нем ехал. Ладно, принимай первый взвод, это вон те две машины с водителями, – снова достав блокнот, я сказал: – Теперь займемся распределением расчетов. Старший сержант Молчунов!

– Я!

– Назначаетесь командиром первого орудия первого огневого взвода на машине под бортовым номером БС семьдесят – сто три.

– Есть.

– Расчет первого орудия первого огневого взвода. Красноармеец Маликов – наводчик по азимуту. Красноармеец Вершинин – установщик скорости и дальности на прицеле. Красноармеец Икмамбеков – наводчик по углу возвышения. Красноармеец Степанов – заряжающий...

За десять минут я раскидал расчеты по огневым взводам. Остались только два водителя, повар с помощником (знаю, что не положено, но уж если попались эти специальности...) и четыре бойца, не считая уехавших со старшиной, которые были у нас «лишними». Водителей отправил во второй огневой взвод, благо оба мужики за тридцать, опытные, а повару с помощником и четырем бойцам пока велел помогать расчетам, получившим технику. Потом повар будет принимать продовольствие, а «лишние» бойцы возьмут на себя охрану батареи. Не было в наличии только санинструктора, но Матвеев сразу предупредил, что тот прибудет ближе к вечеру.

Закончив, я приказал:

– Расчетам снять с орудий консервационную смазку и привести их к бою. Прицелы и замки для орудий находятся вон в тех зеленых ящиках, что сложены за последней машиной. Боеприпасы и учебные снаряды скоро будут доставлены. Выполнять.

Поглядывая, как суетятся вновь назначенные расчеты, я сидел в тени на лавке и заполнял боевой журнал батареи, внося в него списки личного состава.

– Товарищ лейтенант, – подошел ко мне Сазанов, – ветоши нет, нечем смазку убирать.

– Сходите к директору хлебопекарни. Попросите тряпок. У них должно быть, – посоветовал я. – Старшина должен подвезти ветошь, но когда это еще будет.

– Хорошо.

Меня несколько раздражали эти ответы бойцов – да, нет, хорошо. Доживу ли я до сорок третьего, когда введут нормальные воинские команды и ответы?

Когда Сазанов немного отвлекся, я подозвал его, чтобы расспросить. Оказалось, он срочную служил зенитчиком, наводчиком. Получив должность сержанта и командира орудия, подал рапорт в артиллерийское училище на годичные курсы командиров взводов зенитных орудий, которые закончил две недели назад. При следовании к месту службы попал под бомбежку. Ну, это понятно, сам там был.

Старшина вернулся только через час, когда расчеты полностью привели орудия к готовности открыть огонь – убрали смазку и прочистили банниками стволы. Даже успели пару раз сыграть тревогу, что сразу показало уровень подготовки расчетов. Не было никакого уровня. Учить их взаимодействовать друг с другом и учить.

Натужно ревя моторами, перегруженные полуторки и сопровождающая их машина с зенитными пулеметами въехали во двор хлебопекарни. Пулеметчиков я послал не просто так. К «максимам» у нас патронов тоже не было. Поэтому сразу на складе расчет снарядил патронные короба и приготовил оружие к бою, теперь у нас появилась хоть какая-то защита, к тому же расчет ранее служил именно с таким оружием и знал его до мелочей.

Ловко покинув кабину передней машины, старшина подскочил ко мне и, козырнув, доложил:

– Товарищ лейтенант, часть обеспечения доставлена. Разрешите приступить к разгрузке?

– Давайте, – кивнул я.

– Товарищ лейтенант, как вы и просили, я достал красноармейскую форму вашего размера. А также все, что вам полагалось: каску, шинель, вещмешок, полотенце, портянки, личное оружие с кобурой, ракетницу, бинокль, планшет. Мыло тоже дали. Разрешите озадачить одного из бойцов, чтобы он привел вашу форму в порядок?

– Хорошо, спасибо. Вот, держите, – достал я дубликат петлиц с лейтенантскими кубарями. – А остальное в кабину машины с пулеметами.

Причина поменять форму была простой – чтобы снайперы не подстрелили. Ведь сколько командиров, разряженных в командирскую форму с этими приметными шевронами на рукавах, сложили свою голову, пока не догадались ввести стандартную, чтобы ничем от простых бойцов не отличались. А то выскочит такой на бруствер, взмахом пистолета поднимая роту в атаку – так вот он, стреляй. Нет, я себе такой участи не хотел и заранее озаботился комплектом красноармейской формы, которую уже подшивал один из «лишних» бойцов, отданных под командование старшины.

Пока бойцы споро разгружали бочки с топливом, ящики со снарядами и патронами (четыре с патронами даже к пулеметчикам загрузили), мы со старшиной отошли в сторону. Изучив по спискам, что привезли, я довольно кивнул. Большую часть острых моментов мы перекрыли.

– Кстати, старшина, почему у тебя винтовка, а пистолета нет?

– Так... не положено.

– Если что, скажешь, я приказал. Кобуру для нагана сможешь найти?

– Конечно.

– Тогда сейчас.

Сходя к своему сидору, который так и стоял у лавочки в тени дерева, развязал его, достал наган Рыжего и десяток запасных патронов.

– Держи, – вернувшись, протянул я оружие старшине. Мне, как командиру батареи, выдали ТТ, его я хотел оставить себе. А револьверы не жалко. Теперь у меня было два ТТ и один наган.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – убирая револьвер и патроны в карман галифе, поблагодарил он. – А откуда у вас оружие?

– Да дней пять назад в поезде напали на меня какие-то урки, вот и... – похлопал я по своей кобуре. – Наган и ТТ как с куста.

– В милицию их сдали?

– Хм, можно и так сказать.

– Понятно. О, машины разгрузили, так я поехал?

– Давай.

Две полуторки, ревя моторами, покинули хоздвор, оставив штабель ящиков, несколько тюков и пулеметную установку. Посмотрев, как Трифонов возится с красноармейской гимнастеркой, пришивая черные петлицы, я подошел к тюкам и окликнул взводного:

– Сазанов! Андреев! Подойдите. Будем принимать боеприпасы и вещевое имущество.

Взводный стоял у первого грузовика рядом со вскрытым ящиком учебных снарядов, наблюдая, как с ними возится расчет. Услышав окрик, он резво развернулся и подбежал. Старший сержант Андреев кроме того, что принял первое орудие второго огневого взвода, исполнил обязанности командира взвода. Он тоже поспешил ко мне.

– Товарищ лейтенант?

– Ах да, – отвлекся я от размышлений. – Значит, так, в этих бочках топливо, пусть водители начнут заправку, а то там баки фактически пустые. Ручных насосов нет, но ничего, с ведрами побегает. Эти восемь тюков – маскировочная сеть. У нас семь машин. За каждой закрепить одну сеть, водители должны отвечать за них. Одна в запасе. Крепить можно к заднему борту. Ящики со снарядами вскрыть, снарядить по десять обойм к каждому орудию. Пять обойм с бронебойными. Пять с осколочными гранатами. В этих ящиках патроны. Сколько патронов для винтовок выдали бойцам?

– По сорок, товарищ лейтенант, – ответил командир первого взвода.

– Выдайте каждому еще по сто. Теперь насчет шанцевого инструмента. За каждым расчетом закрепите по четыре лопаты, топоры и одному лому, не считая тех, что закреплены за каждой машиной.

– Товарищ лейтенант, но они без черенков.

– Будет лес – срежем. Дальше. Наш внештатный повар сверяет доставленное продовольствие – получить у него на каждого бойца трехдневный сухпай. Это все, выполняйте.

Пока бойцы сустились у ящиков и бочек, я подошел к Трофимову, забрал готовую форму и отдал ему командирский френч, на нем все еще не было нарукавных знаков и петлиц. Переодевшись в гимнастерку, я перестал чем-либо отличаться от красноармейцев, только в петлицах были кубари, да кобура на боку и планшет. Собрав и компактно сложив в вещмешок все вещи, что для меня старшина получил на складах, отнес его в кабину пулеметной машины. Эту машину я сделал пока своей штабной.

– Стой, кто идет? – слышалось от ворот, когда я направлялся к дверям хлебопекарни. Мне подумалось, если тут пекут хлеб, то, может быть, получится разжиться большим котлом. Почему нет?

Однако окрик часового меня остановил. Старшим по охране был Андреев, поэтому я дождался, когда он узнает причину, и направился к нему, сообщив, что прибыл делегат связи.

– Товарищ лейтенант, – козырнул молодой сержант, – вам пакет от командира дивизиона капитана Матвеева.

Расписавшись в двух местах, я принял плотный конверт.

– А это кто? – спросил, подбородком указав на женщину лет тридцати в форме старшего сержанта с медицинскими эмблемами.

– Санструктор, товарищ лейтенант. Товарищ капитан велел отвезти ее к вам. Разрешите идти?

– Идите.

Сержант сел в кабину полуторки, что стояла на улице чуть дальше от ворот, и отъехал.

– Представьтесь, – крутя в руках конверт, велел я женщине.

– Я Евгения Медведева, старшая операционная сестра бывшего армейского госпиталя.

– Что стало с госпиталем?

– Разбомбили, – криво усмехнулась женщина, посмотрев на зенитки. – Тех, кто уцелел, распределили по разным частям. Мне дали медицинскую сумку и направили к вам.

– Ясно. Устраивайтесь в кабине четвертой машины. Через полчаса мы передислоцируемся. По прибытии можете провести осмотр бойцов, хотя они только сегодня надели форму... И еще нужно будет осмотреть мне ноги. Я их немного поранил. Хотя они за последние пять дней немного поджили, но мало ли.

– Хорошо.

Расчеты быстро набили обоймы снарядами, подготовили машины к движению, заправили и распределили по технике оставшиеся не открытыми ящики. Даже пулеметную «тачанку», как я ее окрестил, и то перегрузили. Пока бойцы работали, я изучил боевой приказ, он был тот же, что мне озвучил капитан Матвеев, только уже в письменной форме. Занять позиции на перекрестке гравийной дороги и не допустить противника как с воздуха, так и с земли. Странно, что еще не написали, что я должен предотвратить подкопы.

– Отъезжаем через двадцать минут. Ровно в шесть вечера, – убрав приказ в планшет и посмотрев на часы, известил я взводных, а пока они еще раз проверили, как все уложено и остались ли места для расчетов. Я вошел внутрь хлебопекарни.

Сразу же в нос ударил приятный аромат свежеспеченного хлеба. Бегали женщины, работая у печи и длинных столов с тестом.

– Здравствуйте, товарищ командир, – поздоровался кто-то со мной из бокового прохода.

– Здравствуйте. Не подскажете, где я могу найти директора?

– А чего меня искать, тут я, – вышла на свет женщина лет тридцати пяти.

– Я хотел извиниться, что занял ваш двор. Мы вас не стеснили?

– Да ничего. Просто мы загружаем машины снаружи. Мы же понимаем, дело военное.

– Ну да. У меня к вам вопрос. Нет ли у вас котла или казана литров на пятьдесят и литров на двадцать?

– Еду готовить? – понятиливо улыбнувшись, спросила директриса.

– Да, наша часть только что сформирована, и кухня нам не досталась, вот и приходится крутиться самим.

– На складе что-то есть. Нужно посмотреть. Вы идите пока во двор, а я возьму ключи и выйду. У нас там вход на склад инвентаря.

– Хорошо.

Выйдя во двор, я окликнул повара, красноармейца Мирюхова. Именно он и выбрал подходящие котлы, урча от удовольствия.

– Ой, не надо! – заметив, что я полез в карман, воскликнула директриса. – Они все равно списанные.

– Спасибо большое.

– Удачи вам! – крикнула женщина вслед.

Бойцы уже закрепили котлы в кузове одной из машин, хотя казалось, что места там совсем нет, поэтому, убедившись, что все заняли свои места, я отдал приказ к выдвигению. Через минуту колонна покинула двор хлебопекарни.

До нужного места мы доехали за пятьдесят минут, хотя по прямой тут километров двенадцать всего – пришлось сделать небольшой крюк по окраинам.

Приказав водителю остановиться на обочине, я открыл дверцу и, встав на подножку, осмотрелся. Не повезло. Перекресток находился в чистом поле, деревья были видны, но в километре от нашей позиции.

Достав из чехла единственный числившийся за батареей бинокль и подкрутив колесико резкости, посмотрел в сторону леса. Колонна техники стояла сзади, не глуша двигатели, поэтому, когда я убрал бинокль и снова сел в машину, тронулась следом без задержки.

Немного проехав, я приказал водителю свернуть на малоезженую полевую дорогу и двигаться в сторону леса.

За пару минут доехав до опушки, мы остановились.

– Стой, кто идет? Восемь! – окликнул меня из зарослей часовой.

«Молодец старшина, вбил премудрость бойцу», – с удовольствием подумал я, открыв дверь кабины.

– Семь! – сегодня был пароль пятнадцать.

Покинув машину, я стал отдавать приказы подбежавшим взводным:

– Загнать технику под деревья, разгрузить лишнее к тем штабелям, что часовой охраняет, и замаскировать. При орудиях оставить один боекомплект. На все про все вам полчаса, потом оборудование лагеря. Не забыть вырыть противовоздушные щели и сделать несколько шалашей. Палатка у нас только одна, для медика, вот с нее и начните. С восьми до девяти тридцати вечера учеба по освоению техники. В десять отбой. Выполнять. Мирюхов?

– Я, товарищ лейтенант! – откликнулся повар, опуская на землю канистру с водой.

– Чтобы через час ужин был готов. Хлеб должен подвезти старшина с пекарни.

– Есть.

– Индуашвили, – повернулся я к командиру «максимов». – Разгрузи машину, оставив один ящик с патронами, и отдыхай до одиннадцати ночи. Потом поступаешь в распоряжение старшины. У вас будет поездка на всю ночь.

– Есть.

С этими пулеметчиками мне повезло. Устроив учебную тревогу во дворе хлебопекарни, я понял, что у меня хоть один расчет, но опытный. Время развертывания у них положенные тридцать секунд.

Отправив к санинструктору двух бойцов, чтобы они поставили палатку с красным крестом и помогли с развертыванием, подошел к штабелю ящиков и бочек, которые охранял часовой. Пулеметов не было, видимо, старшина не нашел необходимого на корпусных складах, или они были уничтожены. Как бы его не пришлось отправлять в Луцк.

После инспекции, убедившись, что работы на батарее продолжаются, отругал взводных, что их бойцы рубили ветви с одного дерева, объяснив, что так они нас демаскируют, с воздуха проплешины хорошо видно, и приказал им брать по одной ветви с дерева. Двое бойцов, найдя подходящие стволы, срубили их на черенки для лопат и сейчас как раз ошкуривали.

Отойдя в сторону и сев на ящик с патронами, я глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Правильно говорили те, кто встретил сорок первый у границы. Это очень тяжелый день. А для меня в особенности. Это же надо было так попасть с этими документами! Я никак не предполагал, что действительно стану зенитчиком. Были, конечно, планы пробиться на аэродром и работать по основной специальности борт-стрелка, все-таки там и кухня получше, и девушки. Что я понимаю в командовании батареями? Да только вычитанное из мемуаров и из книг о попавших, то есть крохи. Я, конечно, в военторге купил тоненькие брошюры уставов РККА и методичку «Отделение, взвод, рота». Про артиллерию, а уж тем более про зенитные войска, там ничего не было. Надо будет у Сазанова спросить, может, у него что осталось с учебы.

– Товарищ лейтенант? – вывела меня из задумчивости старший сержант Медведева. – Пройдемте в палатку, я посмотрю ваши ноги.

– Хорошо, – устало кивнув, встал, отряхнул штаны и проследовал за санинструктором, цепко наблюдая за происходящим на батарее. В данный момент бойцы отдыхали после маскировки орудий. Пятнадцать минут до начала тренировок у них было. Те бойцы, что «лишние», копали противовоздушные щели под присмотром ефрейтора Смелова.

Пройдя в палатку, я стянул сапоги, невольно поморщившись от запаха. Портянки хоть и свежие, но уже начали пахнуть. К моему удивлению, Медведева сперва помыла мне ноги в тазике, несколько не стесняясь этой работы, и только потом внимательно осмотрела подошвы.

– Босиком ходили, товарищ лейтенант?

– Было такое.

– Заживление идет хорошо, хотя долгая ходьба дает о себе знать. Заживление замедлилось. Сейчас я вам помажу ссадины и ранки мазью. Постарайтесь до вечера не надевать сапоги. Я вам выдам тапочки.

– Тапочки-то у вас откуда?! – изумился я.

– Это мои, из госпиталя. Хотела выкинуть, но видите,годились.

После процедур, как только мазь подсохла, я надел тесноватые тапочки и, неся в руках сапоги, вышел из палатки.

Пока шел, приказал одному из бойцов достать мои вещи из кабины «газона» и принести к штабелям, где я устроил КП батареи. Командиры, особенно Сазанов, немного смутились, что я спокойно ходил в красноармейской форме со знаками различия лейтенанта. Да еще без шевронов на рукавах. Пришлось подробно объяснить причину такого моего решения. Ответ их удивил, однако они не противоречили. Раз надо, значит, надо.

Приведя себя в порядок, я тоже устроился на траве, подложив под голову оба сидора. У меня теперь их два, свой да тот, что выдали.

Когда время перевалило за восемь – расчеты уже минут десять учились обращаться с орудиями – послышался надрывный гул моторов. По дороге, что была в километре от нас, шла танковая колонна. Встав, я надел пилотку и, сунув ноги в тапочки, прошел к опушке, где с

моим биноклем стоял красноармеец-наблюдатель. Второй, тот, который старшина получил на складе, я отдал Сазанову. Он был заметно слабее.

– Что там? – спросил я.

– Танковая колонна. Плохо видно, но вроде БТ. Полк идет... О, две полуторки их по обочине обгоняют... к нам свернули.

– Старшина со складов едет, – забрав у наблюдателя бинокль, я убедился в своих предположениях. Вернув оптику бойцу, отошел в сторону, к складу.

Когда машины подъехали, знаками показал, чтобы их загоняли под деревья, не разгружая. Покинувший кабину передовой полуторки старшина подбежал ко мне и, кинув руку к виску, стал докладывать:

– Товарищ лейтенант, согласно вашему приказу машины до предела загружены боеприпасом, топливом и продовольствием.

– Молодцы. Топлива сколько?

– Шесть двухсотлитровых бочек во второй машине. Там же двадцать ящиков со снарядами и шесть с тушенкой.

– Ясно. Значит, так. До одиннадцати отдыхаете, отбой у вас, спите. В одиннадцать ночи едете вот в этот квадрат. Видите, тут лесной массив? – показал я старшине зеленую точку на карте. – До него сорок километров. Там организуете замаскированный склад под охраной трех бойцов. Я позже их сам проинструктирую. Возвращаетесь, отдыхаете, берете пустые бочки из под топлива, снова на склады и сюда к нам. Следующей ночью делаете еще один рейс к этому складу. Все понятно?

– Да, товарищ лейтенант, только зачем нам организовывать склад так далеко? Странно это.

– Потом поймешь, старшина. Задачу я вам поставил. В охранение возьмете машину Индуашвили. Это пока все. Да, кстати, через десять минут будет ужин, после него вам отбой.

– Есть. Хлеб выгрузить?

– Да, повару отдашь. То, что я просил, привезли?

– В кабине второй машины лежит. Принести?

– Да, положите его вон туда, под дерево. Где два сидора и шинель лежат. Там мой КП. Минут через пять подойдете ко мне. Я приказ на провоз груза оформлю, а то в округе полно комендантских патрулей. И еще проведу беседу, как нужно вести себя с этими патрулями: слух прошел, что немцы, переодевшись в нашу форму, изображают из себя такие посты. Вы не знали?..

После ужина – мой котелок, купленный в Казани, пригодился – я проинспектировал, как тренируются расчеты, и, назначив в охранение взвод Сазанова, пошел спать. Приказав до утра меня не будить.

Меня даже не разбудил шум уезжающих полуторок в двадцать три часа, так крепко я спал, укрывшись шинелью. Сильно укатал меня этот первый день войны, хоть я и не сделал ни одного выстрела.

Больше всего меня удивляло, что я так легко вписался в командиры батареи. Может, это все из-за неразберихи? Так я ее не заметил. Вон, даже во вновь сформированном дивизионе и то порядок. Хотя тут от командиров все зависит.

Утром меня разбудил Сазанов, командир дежурного взвода. Доложив о том, что происшествий на батарее не было, он сообщил, что наблюдателем на дороге замечены беженцы, и это на второстепенной дороге, что же творится на основной?

– ...самолеты бомбили что-то в трех километрах от нас, но что – непонятно, хотя дымит там до сих пор, – продолжал докладывать взводный. – В пять утра вернулся старшина и прошла

танковая и артиллерийская части. Сейчас идет пехотный полк, красиво идут, солнце так и блестит на штыках.

– Понятно. Сейчас я раскидаю распорядок на сегодня для батареи, позавтракаем и сходим с Андреевым к перекрестку, будем прикидывать, где разместить боевые позиции. Как основные, так и запасные. Пока свободны.

– Есть.

Сходив в кусты, я тут же вызвал Сазанова и приказал ему силами своего взвода построить туалет, а то уже всю местность вокруг замарали – я забыл, а старшине было не до этого. Побудку для батареи я назначил на шесть утра, так что бойцы уже занимались своими делами. Это только те, кто ездил со старшиной, продолжали спать. У них побудка в девять.

Расписав в боевом журнале распорядок батареи на сегодня, я подозвал обоих взводных и показал им красного воздушного змея, что привез вчера старшина. Честно говоря, не знаю, где он его достал, видимо, у мальчишек на что-то выменял, но ведь достал же!

– Для чего это, товарищ лейтенант? – спросил Андреев.

– Наверное, для связи, подавать знак, – предположил Сазанов.

– Не угадали, товарищи взводные. Вы как учить собираетесь наводчиков сопровождать цели?

– Так это вместо конуса? – догадался Сазанов.

– Правильно. Выгоняете машины на опушку, подберете бойца, который сумеет обращаться с этим змеем. Пусть он поднимет его на километровую высоту, тут вон какая бобина с ниткой, и таскает туда-сюда. Скорость, конечно, мизерная, но хотя бы научиться сопровождать цель. Тут главное, чтобы наводчики смогли взаимодействовать друг с другом. Потом будем змея привязывать к машине.

– Ясно, товарищ лейтенант, – ответил Сазанов, Андреев молча кивнул.

– Значит так, товарищ младший лейтенант. Вы, согласно расписанию, выгоняете батарею на опушку, удаление сто метров. Поднимаете змея и начинаете тренировку учебными снарядами. Нужно определить, кто из расчетов более-менее подготовлен. Все-таки не салаги. А мы с Андреевым пока прогуляемся до перекрестка. Сержант, прихватите бойца с лопатой.

– Есть! – козырнули оба командира.

– Кстати, лейтенант. Если во время учебы появятся немецкие самолеты, хотя бы на километровой высоте, не выше, разрешаю огонь боевыми снарядами. Лучше осколочными, у нас их много. Попасть не попадете, но хоть расчеты узнают, что это такое, да и пороха понюхают. Советую стрелять беглым огнем всей батареи по головному самолету.

– Есть! – уже радостнее козырнул Сазанов.

Когда мы со вторым взводным и сопровождающим нас бойцом вышли на опушку и прямо по целине направились к дороге, метрах в трехстах впереди невысокий красноармеец уже бежал по полю, поднимая змея, а сзади раздался звук запуска двигателей. Остановившись, мы смотрели, как на поле выскочили четыре зенитки и с них посыпались расчеты, откидывая борта и готовя орудия к бою.

– Готово! Готово!.. – слышалось то и дело.

– Курс – сто шесть, высота – четыреста, скорость – десять, одиночная воздушная цель... – командовал Сазанов. Наводчики, шустро крутя штурвалы, сопровождали цель.

– Огонь! – прозвучала команда. Защелкали затворы, заряжающие меняли учебные снаряды, и снова:

– Готово!

– Готово!..

– Курс...

– М-да, учиться еще и учиться, – пробормотал я, наблюдая за тренировкой. Было видно, что расчеты действуют неумело и скованно, не было той хищной грации, что присуща опытным

бойцам. – Надо бы того наводчика с орудия Ольнева убрать, не его это. А вон того заряжающего посадить на освободившееся место. Шустер.

– Товарищ лейтенант, на батарее всего восемь человек, которые ранее служили на таких орудиях. Остальные – кто противотанкисты, кто гаубичники. У меня в расчете двое подносчиков так вообще бывшие минометчики.

– Да знаю, – поморщился я. – Я этих восьмерых по двое на расчет определил. Пусть учат расчеты взаимодействовать.

– Время нужно, – вздохнул Андреев, когда мы развернулись и продолжили шагать к дороге.

– Это так, только у нас максимум три-четыре дня, и это еще если не будем стрелять по авиации противника. А ведь чувствую, что будем. Это сейчас они заняты, наши части штурмуют да аэродромы. Скоро и на дорогах появятся, а то там только одиночки появляются.

– Вы так говорите, как будто все наперед знаете.

Было немного непривычно, что мне выкает тридцатилетний парень, но я сразу, еще когда принял батарею, постарался создать стену между собой и бойцами. У командира в подразделении не может быть друзей, он по определению одиночка, так что общаемся мы строго по уставу. Еще когда я учился в Рязанке, мне вбивал это в голову преподаватель по тактике.

– Скорее, провожу анализ по ситуации на передовой. Могу предположить, как неплохой аналитик, что к тридцатому июня немцы возьмут Ровно. Даже, может быть, раньше на пару дней.

– Да быть такого не может, наша армия самая непобедимая!

– Сержант, я не говорю, что наша армия худшая, я просто предположил. Не будем спорить, подождем до конца июня, если живы, конечно, останемся.

– Подождем, – вздохнул Андреев. Кажется, мой авторитет в его глазах упал на пару баллов.

Подойдя к дороге, я отцепил от пояса каску и водрузил ее на голову, прямо на пилотку, не застегивая ремешок.

– Привыкать пора, – пояснил я удивленному взводному. Подумав, тот последовал моему примеру.

А что? Эта железная хрень весит почти кило. Попробуй потаскай ее целый день. Тут практика нужна. Так почему не начать именно сейчас?

Мимо брели люди, я бы не сказал, что много, но с пару сотен было. Кто вел велосипед, нагруженный скарбом. Кто толкал тачку с тремя маленькими детишками, кто просто брел, неся чемодан. Все они были покрыты толстым слоем пыли. Некоторые бросали на нас угрюмые взгляды.

– Значит так. Взвод Сазанова устанавливаем вот тут, первое орудие у того камня, второе в семидесяти метрах правее и чуть сзади. Нужно будет вырыть капониры для стрельбы прямой наводкой и укрыть их маскировочными сетями. Машины установить так, чтобы кабиной они были в сторону леса, чтобы можно было сразу сняться с позиций и уехать. Землю будем вывозить транспортными машинами.

– Если появятся танки, товарищ лейтенант, то орудия взвода будут стрелять им прямо в лоб, а при отсутствии защиты максимум, что они успеют выпустить – это три-четыре обоймы. Один разрыв рядом с орудием – и амба расчету. Посечет осколками, – угрюмо сказал Андреев. Мы ожидали, пока боец выроет ямки, отмечая будущие капониры.

– Да, это так. Поэтому взвод Сазанова будет засадным. Твой взвод мы укроем вон там, пошли... – как только мы прошли метров шестьсот, я указал на позиции второго взвода. – Твои орудия тоже будут замаскированы. Техника противника будет идти к тебе бортами, поэтому то тебе и играть первую скрипку. После моего сигнала ты открываешь огонь, когда техника

попытается прорваться или повернуться к тебе, открыв борта орудиям Сазанова, открывает огонь он.

– Как долго мне стрелять?

– Четыре-пять обойм, больше не надо, и без приказа на полном ходу вылетаете из капо-ниров и гоните к лесу, укрываясь в нем. Сазанов вас прикроет, потом вы прикрываете Сазанова. Дальше формируемся в колонну и уходим на запасные позиции. То есть за лес. Стоять насмерть от нас не требуется, только остановить продвижение на пару часов, подбив как можно больше техники.

– М-да, из зенитчиков переквалифицировались в противотанкистов.

– То ли еще будет, сержант. Давай, зови бойца, пусть метит место под твои будущие капониры. Не забудь о противовоздушных щелях. Жаль, что осколочные у нас слабые, а то еще бы прошлись ими по пехоте.

– Действительно жаль... Гольдберг, ты там закончил?

В это время со стороны Ровно показалась очередная длинная стрелковая «змея» с пушками на конном ходу. Видимо, тут проходила дивизия.

– Полк идет, – пробормотал я. – С двумя батареями.

Именно в это время раздался рев моторов, и над дорогой стремительно появились три «Штуки», заходя на полковую колонну.

– Черт! Ложись! – крикнул я Андрееву и бойцу.

Лежа, мы наблюдали, как все три штурмовика пулеметами прошлись по полку – видимо, бомбы они уже где-то использовали – и ушли на второй заход. И вот, когда ведущий клюнул носом и пошел вниз, открыла огонь моя батарея.

К моему удивлению, они попали, вцепили прямо в нос второго штурмовика, отчего тот, теряя части обшивки и не выходя из пике, врезался в землю. Примерно где-то в конце стрелковой колонны.

Оставшиеся два самолета испуганной стайкой рванули ввысь, высматривая, кто уконтропупил их товарища. Видимо, заметив зенитки, они развернулись и стали отходить в сторону.

– Черт, они же со стороны леса сейчас зайдут, там мертвая зона! – вскочив, я рванул к батарее, на ходу махая бойцам руками, чтобы разъезжались.

Я видел, как Сазанов, заметив меня, махнул рукой. Вот все четыре машины стали медленно разъезжаться, покачиваясь на неровном поле. Именно в это время над ними пронеслись две тени, оглушив ревом моторов и трескотней пулеметов.

Еще на один заход немцы не решились и на бреющем ушли в сторону фронта. Встав, я проводил их взглядом и, отряхнув форму, подобрал каску. В это время от стрелковой колонны к нам на большой скорости подлетела «эмка», принесла с собой пыль. Остановилась она рядом со мной, а я всего метров сто не дошел до батареи.

– Фролов? – удивленно окликнул кто-то через открытую дверь. Присмотревшись, я узнал майора Стрельникова, с которым ехал, пока не попал под бомбежку. Черт, это же только вчера было!

– Здравствуйте, товарищ майор.

Высочивший с переднего пассажирского места Стрельников сграбастал меня в объятия:

– Так это твои зенитки сбили немца, что мой полк бомбил?

– Мои. Только командовал не я, а мой взводный-один. У них как раз учеба была, – несколько смущенно ответил я, не собираясь приписывать себе чужие успехи. Из машины также вышли еще несколько командиров, с интересом прислушиваясь к нашей беседе.

– Ты как здесь вообще оказался?

Я быстро рассказал свою историю, отчего майор только удивленно покачал головой.

– А я до полка только поздно вечером добрался. Он у меня тут недалеко летними лагерьми стоял. Кстати, познакомься с командованием моего полка. Это батальонный комиссар

Верник, а это начальник штаба полка капитан Ветров. А это мой попутчик, лейтенант-зенитчик Виталий Фролов.

– Приятно познакомиться, – пожал я командирам руки.

– Ты, кстати, почему не по форме одет?

– Форма в стирке, – спокойно пояснил я, заколебавшись объяснять причину неуставной формы.

– Да? А петлицы пришить не забыл... Ладно, своих от моего имени сам поблагодаришь.

А мы спешим, нам к УРам успеть надо.

– Товарищ майор, совет хотите?

– Почему нет, ты парень толковый.

– Я смотрю, у вас зенитных систем нет. Обороняться от авиации противника нечем.

– Так и есть. Были зенитные «максимы», да мы их в прошлом месяце на окружные склады сдали. Должна была прибыть замена. ДШК вроде.

– Так вот, полк может своими силами отстреляться по самолетам. Представьте себе, батальон дал залп. Ну ладно, четыреста промазало, так ведь сто попало, а пуля у Мосинской винтовки довольно мощная.

– Но как по ним стрелять?

– Сейчас... Боец, ко мне! – окрикнул я своего бойца с лопатой, что под присмотром Андреева продолжал копать метки для будущих капониров и противовоздушных щелей.

– Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту? – подбежав, воскликнул тот.

– Обращайся, – махнул рукой Стрельников.

– Товарищ лейтенант, по вашему приказу красноармеец Гольдберг прибыл.

Обычно в артиллерии служат люди, имеющие рост и силу, так как по-другому тут нельзя. Да, у меня в батарее из всего состава большая часть – этикие ильи муромцы с добрынями Никитичами. Да на одном Ольневе гимнастерка самого большого размера трещала по швам, когда он напрягал мышцы! Поэтому я был немного озадачен, когда в первый раз увидел маленького тщедушного еврея Гольдберга. Но потом выяснил, что он служил в зенитных войсках, набивал ленты для пулеметов и подносил боеприпасы, а перед дембелем стал еще и наводчиком на ДШК.

– Дайте мне вашу винтовку.

Получив эту длинную дуру, я стал показывать, совместно с Гольдбергом, позиции для стрельбы по самолетам. Лежа, с колен, с плеча второго бойца.

– Пару раз учебные тревоги проведете, бойцы усвоят уроки. А там вам будет, чем встретить немецких пилотов.

– Ну, спасибо, лейтенант, – еще раз обнял меня майор.

Мы быстро распрощались, и машина Стрельникова, развернувшись, уехала обратно к полку. Через десять минут колонна двинулась дальше, оставив на обочине несколько убитых и раненых, у которых сустились санитары. Посмотрев в ту сторону, я подумал, что когда старшина поедет, пусть их заберет. Все равно порожняком едет, только десяток канистр повезет для воды да две бочки из-под топлива. Вдохнул и побрел обратно к батарее.

– Потери?

– Нет, товарищ лейтенант, даже нашего бойца со змеем не зацепило. Успели отъехать, спасибо, что приказали. Я бы не догадался.

– Батарею в лес, на место стоянки. Орудия после стрельбы привести в порядок.

– Есть.

– Как только почистите орудия, постройте батарею.

– Есть.

– Это еще не все, пошлите бойцов к самолету, пусть снимут номер с двигателя и заберут документы и личные вещи летчиков, если там все не сгорело, а то дымит еще.

Через полчаса, когда расчеты закончили чистку, я построил батарею и громко сказал:

– Товарищи красноармейцы и командиры! Благодарю вас за боевую службу и сбитого немца! Персонально благодарю от имени командира сто пятого стрелкового полка майора Стрельникова!

– Ур-р-а-а-а! – крикнули они в ответ. Многие довольно улыбались. Не только сбили, но и благодарность от начальства получили.

– Младший лейтенант Сазанов, шаг вперед, – скомандовал я.

Немного бледный взводный сделал шаг.

– За отличную стрельбу неподготовленными расчетами выношу вам личную благодарность!

– Служу трудовому народу! – рявкнул тот.

– Сегодня же я сообщу о сбитом командованию дивизиона. Старшина Непейборода!

– Я! – сделал шаг вперед старшина.

– Перед тем как отправиться на склады, подойдите ко мне, получите рапорт, завезете его в штаб дивизиона. Также подберите раненых стрелков у обочины дороги, их там около десятка.

– Есть!

Везти рапорт никуда не понадобилось. Когда я заполнил журнал боевых действий батареи, буквально через пять минут – старшина как раз готовился отъезжать – показался незнакомый штабной автобус, который свернул к лесу. Его сопровождала полторка с зенитным пулеметом в кузове. Разобрать, что это за модификация, я сразу не смог, а потом уже просто не успел.

Я сразу понял, кто это, поэтому незамедлительно отдал приказ старшине выезжать к складам.

Пропустив встречную колонну из трех машин, старшина успел выехать. Автобус, остановившись на опушке, последний раз взвыл на высоких оборотах, потом заглох. Из открывшейся двери вышли не только командир дивизиона, начштаба и комиссар, но и еще какой-то подполковник-артиллерист с орденом Красной Звезды на груди.

– Докладывайте, товарищ лейтенант, как вы немецкий «юнкерс» сбили, – велел Матвеев.

Я быстро доложил всю историю и то, что сбит самолет был чисто случайно. Все наводчики целились по головному, второй просто нарвался на встречную случайную очередь. Также я предъявил боевой журнал батареи.

– Вот документы сбитых немцев и шильдик с двигателя. Личного оружия нет. К сожалению, стрелки туда успели первыми. Остальное сгорело, да и мало там что случилось после того, как он в землю врезался.

Изучавший боевой журнал подполковник оторвался от чтения и бросил хмурый взгляд на Матвеева, я это заметил, когда мы с капитаном отошли в сторону.

– Фролов, имей совесть, ты со склада уже вывез пятнадцать боекомплектов для своей батареи. Куда тебе столько?

– По немцам стрелять, товарищ капитан, – честно ответил я.

– Кстати, у тебя в штабелях максимум десять боекомплектов, где остальные?

– Я чуть в стороне организовал небольшой склад, а то мало ли. Попадет бомба или снаряд, останусь без всего. Еще два батареи расстреляла по немецким самолетам при отражении налета на сто пятый стрелковый полк.

– Ты это кому другому скажи. Максимум, что они успели, это выпустить две или три обоймы.

– У меня все в документах отмечено и списано, – тут же открестился я. Хотя Матвеев был прав, батарея даже сотни снарядов не выпустила. Но надо же мне было как-то лишние бое-

припасы получить, вот и приходилось идти на фальсификацию расходных документов. Более того, мы еще триста литров горючего израсходовали. Можно было бы больше списать, но уже заметно.

– Ладно, а плащ-палатки, что выбил старшина, мне завсклад звонил, они-то тебе зачем?

А ручные гранаты?

– Так нет их! – возмутился я.

– Конечно, нет, все еще месяц назад на окружные склады вывезли, корпусные практически пустые стоят, но зачем наганом у носа завсклада махать? У него, между прочим, сердце большое.

– Знать ничего не знаю, должен выдать – пусть изыскивает резервы, – набычился я.

– Тьфу! – только и сплюнул Матвеев. – Теперь понятно, почему у тебя такой порядок, дотошный ты.

Кроме этого он сообщил, что они инспекцией побывали на других батареях. Так вот, некоторые уже были потрепаны. Где осталось два орудия, где три. Только наша и пятая имели полный штат. Меня даже похвалили, что бойцы имеют бравый вид и одеты строго по форме. То есть имеют при себе винтовки, каски, подсумки, малые пехотные лопаты в чехлах и другое снаряжение строго по уставу. На других батареях некоторые бойцы ходили в одном только белье.

Я не стал говорить, что другие подразделения располагаются на солнцепеке, и чтобы не подхватить тепловой удар, бойцы раздеваются. У нас в лесу же было прохладно.

Поблагодарив личный состав батареи и не забыв про меня, командование уехало. Взяв в руки боевой журнал, я там, где было написано о сбитом, нашел подтверждающую пометку командующего артиллерией города Ровно подполковника Романова с размашистой подписью и небольшой печатью.

Как только командование уехало, я отправил второй взвод на учебу, а первый, взяв лопаты и маскировочные сети, пошел копать капониры. Будем надеяться, к вечеру справятся. Землю я рассчитывал вывозить с помощью освободившихся полуторок, на них же привозить дерн. Лишние бойцы, получившие добродушное прозвище «нахлебники», отправились следом, помогать. Хотя пятеро продолжали нести службу, охраняя лагерь.

За этот день ничего особенного не произошло, кроме того, что трижды на восьми километрах в сторону Киева проходили бомбардировщики да пару раз пролетали над дорогой охотники, но тут мы не успели изготовиться к бою. Еще вернулся старшина с предельно загруженными машинами. Разгрузив их, я отправил технику на вывоз земли. Ее уже скопилось много. В общем, вот так, в работе, и пролетел день двадцать третьего июня. Мимо нас проходили войсковые колонны, некоторые заметно потрепанные авиацией, некоторые свежие, с эшелонов. Были и танки, и артиллерия, и конница. И все больше и больше становилось беженцев. Один раз я даже выделил машину – для семей комсостава с разбитого вчера эшелона, она все равно шла за питьевой водой.

Кстати, источников питьевой воды рядом не было, что плохо, ближайший пруд в четырех километрах, вот и приходилось возить в канистрах из города, благо старшина смог достать еще четыре в дополнение к шести полученным сразу. Спас нас от водяной голодовки – даже не помоешься – старший сержант Андреев. Он с бойцами своего взвода во время отдыха вырыл колодец шестиметровой глубины, так что вода перестала быть проблемой.

А старшина ночью снова ездил к тайному складу, отвозя еще боекомплекты и топливо.

Про следующие три дня тоже ничего особенного рассказать нельзя. Мы стали активно стрелять по низколетящим самолетам. Видимо, фронт сдвинулся в нашем направлении. Было видно, как повышается уровень стрельбы у расчетов – как я уже говорил, не все были новичками.

Хотя пару моментов все же можно упомянуть. Как-то по дороге проходила танковая колонна, мы ее удачно прикрыли, подбили штурмующий их «мессер» – когда он уходил к своим, то заметно дымил. Так вот, когда проходила колонна танков, один из них сломался, так следующий за ним КВ-2 просто столкнул его с дороги, и колонна продолжила следовать дальше. Меня заинтересовало то, что экипаж уехал с колонной, бросив БТ-5 на обочине с открытыми люками. Видимо, это проделывалось не в первый раз, больно уж все было сделано ловко.

Сходяв со старшиной к танку, мы убедились, что боекомплект полный, замки и прицел на месте. Вот я и подумал: раз его бросили, почему бы не приспособить под свои нужды? Тут еще старшина сообщил, что на дороге к Ровно стоят еще два таких брошенных танка. Дальше я развил бурную деятельность. Старшина нашел в соседней деревне трактор, и пока расчеты творили на опушке окопы, по очереди притащил в них все три танка, превратив в неподвижные огневые точки. Благо лишних артиллеристов у меня хватало, и теперь было кого посадить в упрятанные в землю по самые башни бронированные машины. На них возлагалась задача по прикрытию батареи, когда она будет отходить от перекрестка. Планы пощипать немецкую колонну я не забросил, более того, расширил. Теперь еще от леса батарею будут прикрывать «максимы».

Второй случай произошел двадцать пятого. По дороге шла привычная толпа беженцев, мы уже на них внимания не обращали, когда появились два «мессера», расстреливая гражданских. Я, конечно, читал, что творили немецкие «асы» в первые дни войны, но читать – это одно, а видеть, как в кровавых брызгах исчезает бегущая девочка... это страшно.

Расчеты тогда работали яростно и смогли-таки приземлить одного фрица, снеся ему правую плоскость. Старшина с двумя бойцами на полutorке сразу же рванул к тому месту, где опускался белый парашют. Более того, этот фашист еще и отстреливался, серьезно ранив в руку одного бойца, но его все же спеленали. Мы в это время отбили атаку второго «мессера», отогнав его. Правда, были повреждения, он серьезно зацепил машину Андреева, разнес два ската и тяжело ранив подносчика. Раненого после перевязки сразу же отвезли в госпиталь Ровно.

Когда старшина привез пилота – настоящую белокурую бестию, был тот слегка бит, да и только – я уже успокоился. Поэтому, приняв документы и личное оружие, велел снова грузить фрица в полutorку.

Старшина, который поехал со мной, понял, зачем, только когда мы подъехали к толпе беженцев, откуда раздавался утробный вой и плач. Медведева, отправившаяся с нами, сразу же бросилась к раненым.

Выстрелив из пистолета в воздух, чтобы привлечь к себе внимание, я ухватил немца подмышку и показал его толпе.

– Товарищи, эта мразь только что стреляла в вас. Нам он не нужен, – после чего столкнул летчика на землю.

Кажется, я про подобное читал в какой-то книге, мне тогда понравилось, как главный герой поступил с немцем, вот и решил сделать похоже. Так что я с удовольствием наблюдал, как сперва толпа отхлынула от упавшего на утрамбованную политую кровью землю гитлеровца, потом захлестнула его.

Когда мы ехали обратно, старшину трясло от увиденного. Да что его, все, кто присутствовал при мести беженцев, получил серьезный удар по психике. Водитель и один из бойцов проблевались, и только я один улыбался.

Именно после этого случая я велел построить батарею, которая как раз закончила с чисткой, а второй взвод приступил к ремонту третьего орудия. Вот тогда я и выдал. И про Брестскую крепость, которая все еще держится в глубоком тылу немецких войск, и про то, как немцы наших раненых и работников госпиталя толкали на пулеметы Цитадели, укрываясь за их спинами, и как защитники плакали и стреляли. Про то, что за людей они нас не считают, что мы

для них скот. Про то, что убить их надо до того, как они поднимут руки. В общем, толкнул политинформацию, почти полтора часа говорил и говорил, глядя, как плохело от таких новостей бойцам, как в их глазах загоралась лютая ненависть.

Они мне верили, так как видели, как я часто разговариваю с командирами и политработниками проходивших мимо частей. Правда, не знали, что тем я рассказывал то же самое.

Ах да, я еще учился и учился серьезно, без шуток. Сазанов, узнав, что я с военной кафедры, взялся за меня серьезно. Тут я еще командиров орудий подтянул, так что целый класс появился. На все времени, конечно, не хватало, но мы изворачивались как могли.

– Товарищ лейтенант, проснитесь, – будил меня кто-то.

– Что? – пробормотал я, отчаянно зевая и потирая лицо.

– Наблюдатель доложил, что видит пыль с запада. Похоже, немцы идут.

– Батарея, к бою! – тут же рявкнул я, вскакивая и упираясь каской в маскировочную сеть. Бойцы полусонно засуетились, занимая свои места.

Вчера на дороге сперва уменьшился, потом совсем иссяк поток беженцев. Еще проскакивали одиночные машины или небольшие войсковые колонны отступающих, но к вечеру не стало и их. Хотя часовые сообщили, что ночью прошла крупная танковая часть. Около двадцати машин, плюс десяток грузовиков. Видимо, отступающие части, немцы ночью спят.

Да и мы слышали, что на второй день далекая прежде канонада заметно приблизилась. Мало того, вчера мы по самолетам вообще не стреляли, укрывшись в лесу и замаскировавшись под деревьями. Немецкие летчики уже привыкли, что у этого перекрестка постоянно по ним лупят, причем не с одного места, а каждый раз с разного. Поэтому вечером девятка бомбардировщиков, которая привычно облетела стороной наш лесок, даже снизилась от удивления, что по ним никто не стреляет, а через час над лесом минут двадцать крутился разведчик. Не знаю, поверили ли гитлеровцы моей хитрости или нет, но ночью мы перегнали зенитки в капониры под маскировочные сети, а в танках сидели экипажи. В общем, все ждали немцев.

Я находился в капонире второго орудия под командованием сержанта Дмитриева, для меня даже отдельный окоп вырыли с ходом сообщения. Именно тут я и стоял, наблюдая за дорогой и держа в руках ракетницу.

Время было часов десять. До сигнала от наблюдателя все отдыхали – кто спал, кто бодрствовал в нервном ожидании боя – теперь же бойцы готовились. Посыльный уже предупредил расчеты других орудий, и сейчас, встав на камень рядом с орудием сержанта Ольнева, стал махать белой тряпкой, предупреждая наблюдателей у леса. Те должны разбудить расчеты танков и расчет Индуашвили.

Что меня немного волновало – не было никаких известий от капитана Матвеева, хотя он мог бы прислать приказ на отход или хотя бы держаться до последнего. Но посыльные от командования не появлялись.

Буквально через пятнадцать минут после того, как меня разбудили, показался передовой дозор немцев. Состоял он из восьми мотоциклов с люльками, причем на всех были пулеметы, и двух бронетранспортеров с солдатами.

Все командиры знали, что дозор пропускаем, ожидая подхода основных сил, поэтому мы только и проводили сильно запыленных немцев печальными взглядами.

– Эх, сейчас бы вдарить! – проговорил горизонтальный наводчик. Орудие стояло от меня в пяти метрах, так что я все слышал.

– Их тут мало, Савелий. Вот основные силы подойдут, тогда и вдарим, – ответил другой боец, в это время из канистры поливающий воду на землю у ствола, чтобы при выстреле не поднималась пыль. Сам ствол орудия был от земли всего в двадцати сантиметрах, так мы закопали машину.

– Едут! – воскликнул один из заряжающих.

Он отодвинул край маскировочной сети, чтобы было лучше видно. Отчего мне на него пришлось рывкнуть.

Проводив его сердитым взглядом, я в бинокль стал рассматривать колонну.

– Передовая группа из шести танков, четыре Т-II, и два Т-III. Дальше три бронетранспортера, потом грузовики. ... Дальше пыль, ничего не видно, но кажется, тоже грузовики, – извещал я командира орудия. – Первые два танка самые опасные, броня мощная. Поэтому твой расчет, сержант, открывает огонь именно по ним. Сперва по первому, потом второй обоймой по второму, дальше беглый огонь осколочными по грузовикам. Нам пехоту надо вывести из строя.

– Ясно, – кивнул Дмитриев.

Опыт стрельбы по наземным целям у расчетов был. А сделали мы просто: старшина достал стометровый канат, мы прицепили его к обломкам первого сбитого самолета, благо хвост и фюзеляж там уцелели, и таскали его по полю, а орудия стреляли. Изнахратили его в труху, но по движущимся мишеням стали попадать.

Убрав бинокль в чехол – колонна уже была видна невооруженным глазом – я взял стоявшую рядом винтовку старшины, заряженную зажигательными патронами, и, уперев приклад в плечо, положил ствол на бруствер и скомандовал:

– А-агонь!

После всех споров и обсуждений, как будем организовывать засаду, я решил, что первым будет выстрел того орудия, с которым буду я. Это и станет сигналом к открытию огня.

Как я и рассказывал бойцам, немцы везли на своих танках горючее в канистрах, поэтому лучше было стрелять по ним. Из простых винтовок, разумеется. Не из орудий. Четверо свободных бойцов лежали по двое у орудий Сазанова. Они, как и я, будут отстреливать канистры зажигательными пулями. При отступлении вскочат на подножки кабин и так эвакуируются. Все было продумано, и даже проведена одна тренировка, конечно, с огрехами, но каждый боец теперь знал, что ему делать.

Сейчас хотелось бы описать, что собой представляет этот самый перекресток при взгляде со стороны немцев. Если ехать от границы, то дорога упирается в Т-образный перекресток, налево к Ровно, направо в сторону ближайших деревень и воинских городков. Прямо через поле виднеется лес, окруженный множеством воронок – мою батарею часто бомбили, вернее, пытались. Если на перекрестке повернуть направо, а через двести метров налево, то узкая полевая дорога с засыпанными воронками приведет к лесу.

Так вот, когда немецкие танки достигли поворота на Ровно, то внезапно с двухсот метров, практически в упор, ударили два скорострельных орудия. Передовой танк, на полном ходу потеряв правую гусеницу, развернулся на катках кормой в сторону леса. Второй Т-III, получив очередь бронебойных снарядов, вдруг вспух изнутри от детонации боезапаса.

Следующими очередями эти два орудия добили головной танк в борт и разнесли один из Т-II. В это же время вступили в бой еще два орудия, расстреливая разъезжающиеся танки и грузовики. Вот попало очередью осколочных в кабину «опеля», отчего из кузова вылетели ошметки, ранее бывшие солдатами вермахта. Несмотря на слабую силу гранат, они пока справлялись, хотя было видно, что мощность недостаточная.

Вспыхнул бензовоз в середине колонны, несколько грузовиков продолжали катиться огненными комками. Однако, несмотря на это, опытные солдаты начали приходить в себя, и все чаще и чаще над нами стали свистеть пули.

– Товарищ лейтенант! – услышал я крик в какофонии боя. Несмотря на мой приказ, расчет азартно выпускал уже шестую обойму. Не одного меня так увлек расстрел колонны.

Поняв, что увлекся, я пустил последнюю, пятую пулю в канистру, закрепленную на шестом танке, отчего тот немедленно вспыхнул свечой, и удовлетворенно хмыкнул, мысленно

пробормотав: «Второй мой», – после чего, так же мысленно кляня себя за упущенное время, рванул к кабине зенитки.

Вскочив через открытую дверь, рявкнул:

– Поехали!

Винтовка сильно мешала, я даже стукнулся подбородком о горячее дуло, но, пристроив ее у двери, быстро осмотрелся – мы уже вырвались из капонира. Когда раздались первые выстрелы, водители всех зениток завели двигатели и ждали приказа, держа машины на сцеплении. Поэтому после приказа зенитка сразу же вырвалась из капонира, волоча за собой маскировочную сеть. Впереди большим переваливающимся на ухабах зеленым кустом, оставляя шлейф пыли, летела машина Андреева.

Я не хотел оставлять такие первоклассные средства маскировки, как сети. Поэтому, когда начался бой, специальный назначенный боец – один из подносчиков – убрал сеть перед машиной и закрепил ее за кабиной. И когда мы рванули к лесу – проклятые машины больше сорока по полю не выжимали – сети остались с нами. Правда, оружие и расчет как будто спеленали. Огонь они теперь открыть не смогут, но доедем до леса, там и приведем зенитки к бою.

– Шайсе! – как только ефрейтор Ганс Отто Байер с со своим напарником установил на треногу станковый МГ-34, готовясь открыть огонь по орудиям, что били справа, как два огромных куста сорвались с места и как будто провалились в землю, став недоступными для огня пулемета. Оказалось, за позициями засады была небольшая ложбина, по которой русские беспрепятственно смогли уйти от возмездия. Однако два других орудия, что находились спереди, продолжали стрелять.

– Берем! – крикнул ефрейтор, и они вдвоем понесли пулемет в сторону, чтобы открыть огонь. Байер определил, что бьют русские зенитки, с которыми он уже встречался на границе. Несмотря на малый калибр, русские умудрились сжечь все танки, два из трех бронетранспортеров и около десятка грузовиков. Разлившееся в середине колонны горящее топливо с бензовоза подожгло еще три машины.

Не успели они занять позицию в прямой видимости орудий, как от леса стали бить сразу несколько пулеметов и затыкали два орудия, видимо, те, которые они упустили. Были также слышны звонкие танковые выстрелы, но как ни всматривался в сторону леса Байер, так грозных боевых машин и не увидел, что его успокаивало.

В это же время один человек из расчета ефрейтора вдруг заорал и, ни слова не говоря, побежал к концу колонны. Непонимающе осмотревшись, ефрейтор и второй номер рванули за ним, бросив пулемет.

Со стороны Ровно шла лавина русских танков. Там были в основном легкие Т-26, но опытный взгляд ефрейтора заметил пять массивных зализанных корпусов новейших Т-34.

Они бежали, не чуя ног, остановившись только у как раз развернувшейся в боевое положение противотанковой батареи, которая сразу же затыкала, расстреливая русские танки.

Появление наших танков было неожиданным. Я честно считал, что мы тут остались одни, и слегка впал в ступор, но быстро пришел в себя и приказал прикрыть отходящий взвод Сазанова. Били по колонне пулеметы Горгадзе, расстреливая пехоту, – спрятаться на открытой местности, кроме как за техникой, ей было негде. Часто хлопали, выпуская разрывные снаряды, закопанные танки. Это кто-то из них поджег бензовоз в середине колонны. Мы туда не стреляли.

Бойцы уже содрали маскировочную сеть и, пока два подносчика сматывали ее и крепили на положенное место, заряжали оружие.

Когда зенитки Сазанова выметнулись из капониров и понеслись к нам, вдруг начали один за другим вспыхивать легкие Т-26, которые атаковали колонну.

– Товарищ лейтенант, там вроде батарея их стоит, из-за дыма не видно, но где-то за горящим бензовозом, – известил меня Андреев.

– Нет, не вижу, – опустив бинокль, ответил я.

Но танкисты, похоже, видели, кто по ним стрелял, так как две «тридцатьчетверки» остановились и, поведя немного своими кургузыми стволами, открыли огонь. Через минуту немецкая батарея умолкла.

В это время мимо нас пролетели обе машины Сазанова, облепленные маскировочными сетями. Как и было приказано, они, не останавливаясь, завернули за лес по малоезженной дороге. Там их ждали готовые выдвигаться машины обеспечения и старший сержант Медведев – на всякий случай с бинтами наготове.

– Выдвигаемся, товарищ лейтенант? – спросил подошедший Андреев.

Я, отрицательно покачав головой, приказал:

– Давай к Сазанову. Машины под укрытие деревьев и чистите стволы после стрельбы. А я пока с Индуашвили скатаю к колонне, надо пообщаться с танкистами и посмотреть, что мы там настреляли. Наши уже ушли дальше добывать противника, так что сейчас там безопасно. Если появятся немецкие самолеты, а они появятся, огня не открывать. Запрещаю выдавать наше местоположение. Сазанов за старшего на батарее.

В это время на дороге из Ровно показалась еще одна танковая колонна, которая прямо по полю свернула и проследовала за передовым отрядом, что ушел дальше. Пехоты я так и не увидел.

– Есть, – козырнул немного суесящийся сержант. Было видно, что у него приподнятое настроение после расстрела колонны немцев. Я не стал ему говорить, что нам повезло и на нас, скорее всего, налетели части второго эшелона, а не передовые войска немцев, которые наверняка сейчас штурмуют Ровно в лоб и с другой стороны.

– Товарищ лейтенант! – окликнул меня старшина, бегущий от одного из танков. Это он ими командовал.

– Что? – спросил я, направляясь к машине Индуашвили.

– Нам что делать? Согласно плану или согласно изменившейся обстановке? Я так понимаю, мы пока не будем отходить?

– Правильно понимаешь, пока экипажи пусть сидят на месте, нас прикроют. А я скатаю к колонне. Командуй... И выстави наблюдателей, чтобы следили за нами, мало ли что.

– Есть.

– Сержант, заводи! – крикнул я Индуашвили.

Когда мы приблизились к колонне, нас окутал дым горевших техники, воняло резиной и человеческим мясом. Мерзкий, надо сказать, запах, да и вид, несмотря на удовлетворение от осмотра результатов своей работы, тоже не доставлял удовольствия.

Высунувшись из кабины, я приказал:

– Сержант, с одним бойцом охраняешь нас как от пехоты, так и от авиации.

– Так нет же никого, товарищ лейтенант.

– Авиация, сам знаешь, как внезапно появляется, а всю пехоту мы не уничтожили, наверняка десяток-другой прячется в траве. Она тут высокая, сам видишь.

– Есть охранять.

Пока один из бойцов расчета и водитель машины ходили среди убитых немцев, собирая оружие, боеприпасы и документы, я достал журнал боевых действий батареи и стал зарисовывать, как мы уничтожили колонну, где стояли зенитки, как отходили и сколько подбили. Как работали закопанные танки и зенитные пулеметы Индуашвили. Несмотря на то, что все танки были уничтожены нами, по грузовикам и пушкам можно сказать, что наших всего десяток, не более. Остальное – работа танкистов, о чем я также записал в журнал.

С другой стороны колонны, в поле у наших разбитых танков, уцелевшие члены экипажей собирали своих раненых и убитых. Помощь им не требовалась – я спрашивал, скоро должна подойти санитарная колонна.

По итогам выяснилось, что на наш счет можно записать все шесть танков, также два бронетранспортера, семнадцать грузовиков и один бензовоз.

Закончив с журналом, я стал составлять рапорт командиру дивизиона о прошедшем здесь бое, не забыв несколько представлений на ордена и медали. Сто процентов выкинут их, но о том, что я готовил наградные, на батарее будут знать. Специально спрашивал у Индуашвили его имя и отчество, а уж он разнесет слух. Мне нужно было, чтобы бойцы знали, что я о них забочусь.

Карабины я приказал не брать, только пулеметы, автоматы, боеприпасы к ним и гранаты. Про бинокли, планшеты с картами и говорить не стоило. Бойцы притащили даже ракетницы и пару ящиков осветительных ракет.

– Вот, товарищ лейтенант. Мы в поле нашли. Вроде станковый, – притащили водитель и один из бойцов расчета Индуашвили станковый пулемет МГ-34, – а к нему еще были патронные короба и полная улитка.

– Молодцы, грузите в машину... Сержант, да заткни ты его! Ведь ранит, а то и убьет кого! – рявкнул я.

Вот уже минуту откуда-то с конца колонны по нам и танкистам, грузившим своих раненых в подошедшие санитарные машины, работал одинокий стрелок. Убитых пока не было, но у нас прострелили лобовое стекло, а у танкистов две пули попали в уже убитого бойца в темном комбинезоне и шлемофоне.

Видимо, Индуашвили смог разобрать, откуда ведется огонь, потому что, дав две пристрелочные очереди, выпустил еще одну, но длиннее. Это помогло, обстрела больше не было.

– Вот, товарищ лейтенант, вы просили, – протянул подошедший старший сержант-танкист лист бумаги.

– Сколько тут?

– Двенадцать убитых, еще двое умерли. Не дождалось медиков, я их тоже записал.

– Спасибо, сержант. Нашего раненого забрали?

– Да, его ваши бойцы уже погрузили в машину.

– Хорошо. Спасибо.

При отходе один из бойцов расчета Ольнева из взвода Сазанова получил ранение в спину – видимо, случайная очередь. Ранение серьезное, и никакой возможности забрать его с собой не было, Медведева сказала, его нужно срочно под нож хирурга, штопать сосуды.

Внеся в журнал список имен четырнадцати погибших танкистов, чтоб не стали без вести пропавшими, велел нашим собираться. Делать тут больше было нечего.

– Товарищ лейтенант, кажется, там наша полуторка. Вон, по дороге сюда пылит, – остановил меня сержант, когда я собирался сесть в кабину.

– Вижу. Вроде посыльная, – согласился я.

Мы подождали и не ошиблись – машина, замедлив скорость, свернула к нам, мы стояли на бывшей позиции взвода Андреева и были видны издалека.

Из кабины с пассажирского места выскочил тот же сержант-посыльный, что передавал мне приказ во дворе хлебопекарни.

– Товарищ лейтенант, вам пакет из штаба дивизиона, – козырнув, он протянул мне не конверт, а действительно большой пакет. Внутри, кроме двух новеньких карт района Ровно, был еще и приказ.

Изучив его, я мрачно спросил:

– Почему подписано комиссаром?

– Капитан Матвеев и старший лейтенант Елкин погибли вчера во время бомбардировки города. Дивизион принял батальонный комиссар Ковыль. Вот, распишитесь в получении документа.

Расписавшись, я отдал ему рапорт о наших боевых действиях за последнее время и отправил обратно.

– Плохо дело, командир? – спросил Индуашвили.

– А-а-а, – махнул я рукой. – У нас все через задницу. Возвращаемся в расположение.

Доехав до леса, заметно иссеченного осколками за последние четыре дня, я велел Индуашвили замаскировать машину, а сам пошел к батарее, где у одной из зениток суетился расчет Ольнева. Он уже взял себе замену из резервных бойцов.

– Сазанов, Андреев, Непейборода, ко мне! – скомандовал я, подходя к тяжело нагруженным полуторкам обеспечения.

– Товарищ лейтенант... – начал было докладывать Сазанов, но я оборвал его:

– Садитесь, не до устава сейчас. Значит так, от командования дивизиона пришел приказ. Приказ неоднозначен: продолжать держать оборону и обстреливать пролетающие мимо самолеты.

– Обстреливать? – непонимающе переспросил Сазанов.

– После гибели капитана Матвеева и начштаба дивизион принял батальонный комиссар. А он, как вы знаете, в артиллерии ни в зуб ногой. В общем, мы продолжаем держать этот перекресток. Старшина, разгружайте машины. Как вы понимаете, смены рубежа пока не будет. Остальным заниматься по распорядку. Я его уже накидал в журнале. Теперь по трофеям, что нами собраны...

С трофеями у нас было отлично: кроме шести ручных пулеметов и одного станкового с приличными количеством боеприпасов, было девять автоматов с запасными магазинами в чехлах.

И если пулеметы я распределил по одному в каждый расчет, отдав остальные «нахлебникам», то с автоматами поступил проще. Их получили все командиры орудий, оба взводных, старшина и я. Два оставшихся достались повару и санинструктору, будет у нас в тылу хоть кто-то с автоматическим оружием.

Кроме этого, все командиры еще получили пистолеты, их собрали семнадцать штук, и бинокли. Последних, правда, было всего шесть штук. Пока бойцы изучали новое вооружение, мы занялись распределением остальных трофеев, начав с гранат. Их было всего восемьдесят три, половина в ящиках, что мы нашли в разбитом грузовике.

Старшина, услышав о трофеях, выпросил у меня разрешение еще раз съездить к колонне. Получив его, он, взяв обе разгруженные полуторки, машину Индуашвили в прикрытие, четырех бойцов и уехал на сбор трофеев.

Пока было время, экипажи почистили орудия и, перезарядив обоймы, приготовились к бою. Наступило время обеда, поэтому, отдав приказ кормить людей, я сам отсел чуть в сторону, наворачивая наваристый борщ. Хлеба не было вторые сутки. Прямое попадание в пекарню. Повар пару раз пытался испечь узбекские лепешки, но мука кончилась, и он бросил это дело, хотя получалось у него неплохо.

– Матвей, откуда такая роскошь? – услышал я радостный вопль одного из подносчиков взвода Андреева.

– Так на дороге корову убило. Вот я ляжку и отрезал, – честно пояснил повар. – Я еще гуляш на второе сделал, с макаронами.

– Да ты кудесник, Матвей! – продолжал восхищаться боец.

Я улыбнулся, мне было приятно, что у бойцов приподнятое и веселое настроение. Поев второго, я вышел к опушке, от которой как раз в нашу сторону отъезжало несколько машин.

Кроме трех наших, к моему удивлению, была трофейная немецкая с небольшим прицепом странного вида. И только когда они приблизились, я понял, что это немецкая полевая кухня.

Так что возвращения старшины я ждал с довольной улыбкой, хотя настроение отнюдь было не радостное, так как понимал – еще день или два, и батареи не станет, если мы не сменим позицию, о которой уже наверняка знало все командование люфтваффе.

– Товарищ лейтенант, разрешите доложить? – стараясь перекрыть рев проезжающих мимо машин, спросил соскочивший с подножки передовой машины старшина.

– Докладывайте, – кивнул я.

В это время последняя полуторка с набитым чем-то кузовом проползла мимо, и можно было говорить нормальным голосом.

– За время изучения расстрелянной колонны было обнаружено еще два десятка убитых, у которых присутствовали документы личности. Также два были взяты в плен.

– Сами сдались?

– Нет. Они под машиной прятались, вот мы их оттуда и выгнали. Я гранату кинул невзведенную. Они с воплями бросились в разные стороны, бойцы их и поймали.

– Молодец, хитро. У нас в батарее трое говорят на немецком, позже допросим. Давай дальше.

– Был обнаружен грузовик с прицепленной кухней, он за большим трейлером стоял, сразу и не заметили. Грузовик и кухня целы и готовы к использованию. Водителем туда я Горина посадил, он умеет. Еще было обнаружено восемьдесят карабинов, шесть автоматов, восемь пистолетов, двадцать шесть гранат, два бинокля, три планшета с картами и несколько ящиков с продовольствием. Также было собрано восемьдесят три пары сапог, шесть из них мы были вынуждены оставить на месте, так как они полностью пришли в непригодность. Из тяжелого вооружения есть два ротных миномета с сотней мин.

– Молодцы. Сейчас иди пообедай, мы там вам оставили.

От кухни были слышны восхищенные вопли повара, ему вторили некоторые бойцы. Конечно, еды хватало, но из-за того, что котлов было всего два, возможно было приготовить только два блюда – первое и чай или второе и чай. Сегодня было первое и второе без чая, хотя некоторые ушлые бойцы сварили чай в своих котелках. Теперь же с появлением кухни даже хлеб можно было печь. В общем, хорошее приобретение.

Вернувшись к штабелям, находившимся в ста метрах от опушки в глубине леса, я присел на один из ящиков и, достав пачку немецких документов, что привез старшина, записал данные из них в журнал. Теперь за батареей числится еще и семьдесят уничтоженных солдат противника.

Пока я переводил бумагу, составляя опись имущества и задачи батареи на ближайшее время, старшина развернулся вовсю. Бойцы меняли свои обмотки на немецкие сапоги – те, кому подходили, конечно. Даже Сазанов сменил свои брезентовые полусапожки на высокие блестящие офицерские сапоги. Только трем не нашлось замены из-за сорок последнего размер, хотя, может, и пятьдесят последнего, как шутил старшина.

Сейчас бойцы были больше похожи на бойцов Красной Армии, а то эти обмотки уж больно бросались в глаза. Теперь же, в коротких немецких сапожках, они даже двигаться стали по-другому, увереннее, что ли.

После того, как старшина закончил, я сформировал из «нахлебников» два минометных расчета по три человека, выделив им машину. Командиром временно поставил одного из бойцов постарше и поопытнее, пока нет ефрейтора Смелова, охранявшего мой тайный склад. Он раньше тоже был минометчиком.

Дав батарее часовой отдых, я с двумя переводчиками пошел допрашивать пленных. К сожалению, ни к чему это не привело, так как оба оказались из хозчасти пехотного полка,

который мы обстреляли. Эти, например, были водителем и сопровождающим. Ну понятно, опытные вояки быстро свалили, поняв, что оборону в поле не займешь.

Документы это подтвердили, не удивительно, что при них не было оружия, поэтому после допроса я приказал пленных расстрелять.

– Товарищ лейтенант, но они же военнопленные! – возмутился стоявший неподалеку Сазанов.

– Они сдались? – спокойно спросил я.

– Нет.

– Я считаю военнопленными тех солдат противника, которые сами сдались нашим войскам, в других случаях это «язык», то есть пленный для допроса. На них правила не распространяются. Поэтому приказываю расстрелять.

Посмотрев, как бойцы мнутя, нехотя берясь за оружие, чтобы отвести немцев подальше, со вздохом вытащил из кобуры ТТ и произвел два выстрела в головы стоявших на коленях пленных.

– Не надо сомневаться и думать, хорошо это или плохо. Пока вы думаете, противник убьет вас. Все слышали, что я сказал?.. – я внимательно осмотрел присутствующих, после чего жестко приказал: – Трупы утащить подальше, пусть тут не воняют!.. Чего ждем? Выполнять!

Как ни странно, не только уничтожение колонны, но и этот поступок вознесли мой авторитет на небывалую высоту.

В течение этого дня мы шесть раз открывали огонь по самолетам противника, прикрывая наши войска, что шли в сторону границы. Надеюсь, механизированные корпуса второго эшелона, которые закрывали собой прорыв, не только остановят немецкие войска, но и нанесут им потери. Например, нам помогли танкисты 9-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора Рокоссовского. Хотя, как мне пояснил лейтенант с обгоревшими руками – он доставал из танка своего механика, – их полк сбился с пути и поэтому оказался у Ровно. А основные части корпуса сейчас на маршруте чуть дальше, севернее Ровно, ближе к Луцку.

К вечеру двадцать девятого июня я понял, что наши все, кончились – отступившая было канонада снова начала к нам приближаться. Над головами постоянно висела авиация, бомбя лес, который в последнее время был нашим пристанищем. Видимо, пожаловались уцелевшие пехотинцы из уничтоженной колонны своим начальникам, кто их тут обидел, да и авиация припомнила старые обиды: все-таки два сбитых да четыре подбитых – это хоть что-то. Кусачая у нас батарея, вот они и бомбили лес уже третьим налетом. К тому же вчера мы еще двух приземлили. Один уже был где-то подбит, летел медленно. Сбить его оказалось на удивление нетрудно, второго ближе к вечеру, когда колонна из двенадцати «хейнкелей» возвращалась с бомбардировки на пятисотметровой высоте. Тут уж они сами подставились. Могли и выше подняться.

В общем, в данный момент мы наблюдали за работой девятки «юнкерсов», находясь в двух километрах в стороне от леса, где неплохо замаскировались в чистом поле под видом стогов прошлогоднего сена. Огня мы, конечно, не открывали. Эта девятка «юнкерсов» от нас мокрого места не оставит, одно дело перехватывать, когда они пустые идут с бомбардировки, другое – когда сами нас ищут. Ну их на фиг. Пусть лучше лес бомбят, чем наши части.

– Улетают, – опустив трофейный цейсовский бинокль, сказал Сазанов.

У меня бинокль был получше, старшина подарил, поэтому провожал я их дольше.

– Да, похоже, – убрав бинокль в чехол, я вернулся к бритью. Правая сторона уже успела подсохнуть, так что я стер полотенцем пену и, размешав в ступке, стал наносить ее заново. – Думаю, завтра или послезавтра можно ожидать передовые порядки немцев. Похоже, кончились у наших силы, все бросили в контратаку. Видел, сколько час назад машин с ранеными проехало?

– Видел, – вздохнул взводный.

– Это медсанбаты и госпиталя эвакуируют, – пробормотал я и замолчал, работая опасной бритвой.

– Вчера к нам подъезжал капитан-пограничник, ну, тот, у которого в кузове пленные немецкие офицеры были, так он говорил, что немцы два наших госпиталя из огнеметов сожгли. Всех, и врачей, и раненых.

– Не помню такого, – задумался я, с помощью зеркала проверяя, тщательно ли побрился.

– Это было, когда вы к тому полковнику ходили, относили памятки.

– Ах да, к вам какой-то грузовик ЗИС подъезжал. Да, точно, ты же докладывал, да только потом был тот налет, от которого мы едва не потеряли батарею, вот и вылетело из головы.

Вчера к обеду я увидел проходивший мимо батальон, оказавшийся потрепанным авиацией полком, вот и вручал командирам написанные с моих слов памятки. Там были зарисовки, как стрелять по самолетам противника и как из простой винтовки с зажигательными пулями жечь немецкие танки. Многие командиры благодарили. Другие брали молча, устало перебирая ногами. Так вот, когда прошел этот батальон, на следующую часть налетели «Штуки». Наша батарея, прикрывая своих, открыла огонь, так эти штурмовки переключились на нас. Ладно, у меня расчеты уже более-менее умелые, спасибо последним дням активной боевой тренировки. Так мы еще стали вести активную оборону. Как? Все просто, выпустил очередь – и резко в сторону, на ходу перезаряжаясь. Замер, выпустил прицельную очередь – и снова крутиться по полю. А когда таких кусачих машины четыре? Вот так и получилось, что и штурмовики по нам не попали. Правда, и мы по ним. Остались при своих. В общем, опыта пока маловато.

В тот момент я как раз разговаривал с командиром дивизии, в которую входил этот полк, рассказывал о прошедшем тут бое, о котором памятниками напоминала сожженная техника. Вот и получилось, что того капитана пропустил, как-то вылетело из головы.

– Бойцы слышали?

– Молчунов, он потом и передал остальным.

– Хорошо, – убирая бритвенные принадлежности в ситор, я велел полить стоявшему рядом бойцу и вымыл лицо. – Жаль, политрука нет. Я бы его заставил провести политбеседу на эту тему.

– Да бойцы и так поняли, уже много наслушались. А как вы вчера того стрелка высмеяли, что немцев тьма, что танки у него непобедимы и что авиации куча, которая все долбит и долбит.

– Да бред он нес. У страха глаза велики. Немцы просто хорошо организованы, умеют взаимодействовать с другими родами войск и имеют за спиной двухлетний опыт войны. У них своя тактика блицкригов, вот они ее и используют. Кстати, отбой тревоги. Пусть бойцы пару часов отдохнут до ужина, а там снова тренировки. Выполнять!

– Есть.

После ужина, когда мы наблюдали за новой бомбежкой Ровно – дымил он уже второй день – внезапно кто-то за косогором открыл по идущим на двух тысячах «юнкерсам» огонь.

– Наши, тридцатисемимиллиметровые бьют, – сказал стоявший рядом со мной старшина. Мы как раз отвлеклись от подсчитывания имущества, когда начался налет на город. А поскольку ничего не могли сделать, только молча наблюдали. Поэтому и удивились, кто это стреляет по высоко идущим немцам.

– Точно, – согласно кивнул я головой, продолжая крутить в руке карандаш. – Две зенитки работают. Может, из отступающих частей орудия? Мы уже сколько таких видели? Штук пять точно.

– Вполне может быть, – задумчиво протянул старшина. – Может, мне съездить посмотреть?

– Нет, не нужно выдавать наши позиции. Сейчас бомбардировщики второй волны пойдут назад, вот и будем их перехватывать. Вон, как раз Сазанов бежит.

– Товарищ лейтенант, это что, наши? – радостно спросил он.

Видимо, его тоже беспокоило, что второй день нет никаких приказов в такой неопределенной обстановке. Меня это ничуть не волновало, так что я продолжал сохранять невозмутимый и уверенный в себе вид, что передавалось бойцам. У нас не было ни одного паникера, все работали с огоньком, без вопросов, для чего они все это делают и почему не обстреливают *всех* пролетающих мимо немцев.

– Ты-то с чего взял?

– Так, а кто еще? Наш дивизион единственный в этом районе.

– Так я сгоняю? – тут же подскочил старшина, но поймав мой взгляд, стушевался. Я уже приучил личный состав батареи, что мои приказы нужно исполнять, а не обсуждать.

– Товарищ старшина, зенитки, которые, кстати, прекратили стрельбу, находятся на дороге в Ровно, мы их не видим, так как находимся в низине, но когда они доедут до перекрестка, то увидим. Если они из нашего дивизиона – в чем я сомневаюсь, им тут просто нечего делать, – то дадим знак, где находимся. Это все. Занимайтесь своими делами.

– Есть, – козырнули оба.

– Товарищ младший лейтенант, останьтесь, – попросил я Сазанова, и когда старшина отошел узнать, что у нас там с кухней, велел: – Усильте наблюдение за западным и южным направлениями.

– Есть.

– Теперь свободны... Кстати, вы не ошиблись, орудия нашего дивизиона, – опустив бинокль, произнес я.

И действительно, на перекрестке остановилось пять машин. Впереди две зенитки, как у нас, на базе ГАЗ-ААА, позади них две полуторки, набитые бойцами. Да и сами зенитки были облеплены красноармейцами сверх меры. Однако больше всего мое внимание привлек топливозаправщик на базе ЗИС-6, стоявший предпоследним.

– Все, сдали город, коль разбежаться начали, – пробормотал я.

Из головной машины вышел невысокий командир и принялся активно крутить головой. Видимо, не найдя того, чего хотел, он достал карту и стал сверяться. Некоторые бойцы, разминавшие ноги у машин, тыкали пальцами в остовы сгоревшей немецкой техники. Видимо, обсуждали прошедший здесь несколько дней назад бой.

– Товарищ лейтенант, а ведь они нас ищут, – произнес продолжавший стоять рядом Сазанов, наблюдая за зенитчиками. – Черт, неужто Иванов?

– Кто?

– Да мы с ним учились вместе в училище. Там и познакомились, хотя наши части рядом под Луцком стояли. Нет, точно он.

– Я уже понял... Дайте им знак, где мы.

Сазанов достал из кобуры ТТ и дважды выстрелил в воздух.

– Далеко, не слышат. Да и двигатели у них наверняка работают. Давай ракетой параллельно земле.

– Понял, товарищ лейтенант.

Зеленую ракету, скакавшую в их направлении, неизвестные заметили сразу. Сперва они засуетились, но когда взводный вышел на открытое место и помахал каской, попрыгали в машины и попылили к нам прямо по полю, переваливаясь на кочках.

Я поморщился: машины оставляли четко различимые с воздуха следы. Теперь обнаружить нас будет нетрудно.

– Старшина, приготовьте дополнительный маскировочный материал, – приказал я подбежавшему Непейборде.

Три стога рядом стояли пустые, так что нам было чем укрыть гостей.

Не доехав до меня метров пятнадцать, первая машина с орудием в кузове остановилась и заглохла. Остановились и другие, только последняя полуторка обогнала колонну и встала рядом с первой машиной.

Из кабины ГАЗ-ААА устало вылез слегка замызганный командир с одни кубарем в петлицах и, внимательно осмотревшись, пошел ко мне, придерживая планшет у бедра.

– Третья батарея? – поинтересовался младлей.

– Возможно. Кто такой? Вас что, товарищ *младший лейтенант*, не учили представляться по уставу?! – хмуро спросил я.

– Извините, товарищ лейтенант, – застегнув верхнюю пуговицу и поправив фуражку, он кинул руку к виску и представился: – Командир первого огневого взвода первой батареи отдельного зенитного дивизиона младший лейтенант Иванов.

– Почему здесь находитесь, а не на своих позициях? – поинтересовался я, изучая его документы. Они были в порядке.

– А нет больше позиций, – криво усмехнувшись, спокойно пояснил младлей. – От дивизиона остались ваша батарея да эти орудия, и все. Остальных раскатали у складов. Комиссар часа два назад приехал на нашу позицию, отдал приказ на отход да уехал на автобусе, а куда – кто его знает? Бросил нас, сволочь. Вот я и решил прорываться к вам. В городе уже немцы, да и мы с мотоциклистами столкнулись на окраине Ровно, обстреляли их да прорвались.

– Приказ о передислокации, – требовательно протянул я руку. Как только Иванов достал пакет, погрузился в чтение. – Все правильно оформлено, почему не отошли?

– Интенданта одного встретили, он сказал, что дорогу перерезали немецкие танки, вот я и вспомнил про вас. Вдруг вы еще тут, комиссар вас в пример постоянно ставил.

– Причину отхода я понял, почему я вам нужен? – спросил я, убирая пакет в свой планшет.

От вопроса Иванов явно завис.

– Ну... я думал... может, вместе будем прорываться?.. – немного скованно спросил он, тоскливо проводив приказ взглядом.

– У меня воинское подразделение, а не сброд, – подбородком я показал на его людей, которые опраивались и разминались у машин. – Если хотите ко мне присоединиться, то только под мое начало. И я сразу предупреждаю, приказы выполнять беспрекословно. Вам все ясно, товарищ младший лейтенант?

– Да... Можно я посоветуюсь со своими людьми?

– У тебя в подразделение что, анархия? – удивился я.

– Извините? Но ведь командир политически близок к...

– Лечить меня не надо. Командир – это высшая инстанция в воинском подразделении. Вы командир, и ваши приказы должны исполнять. У меня в подразделении махновщины нет. Я приказал – они исполнили. Вам, товарищ младший лейтенант, понятна моя политика?

– Да... Мы... То есть я согласен.

– Хорошо. Тогда проведем рокировку подразделений. Сазанов!

– Я!

– Собрать всех командиров.

– Есть!

Теперь у меня было шесть зениток, о чем я тут же сделал запись в журнале батареи. Прибывшие стали третьим огневым взводом под командованием младшего лейтенанта Иванова с орудиями под номерами пять и шесть. Ими командовали соответственно старший сержант Васюта и младший сержант Иволгин.

Пока Непейборода узнавал, в чем нуждаются новые люди, я приказал замаскировать орудия и машины и разглядывал отдельно стоявших красноармейцев. Тут были все, кого по пути подобрал Иванов. Даже два пекаря – их я отправил в помощь повару.

Полуторки оказались пусты, хотя тоже принадлежали нашему дивизиону. К тому же выяснилось, что только одно орудие происходило из батареи, где служил Иванов, второе вообще было из пятой, их свели вместе после больших потерь в технике и людях дня два назад. И топливозаправщик оказался пуст, там вряд ли было больше двухсот литров.

Теперь у меня появились транспортные машины и пехота прикрытия. Из более чем тридцати человек под командованием стрелкового старшины по фамилии Богданов я сформировал взвод охраны и вооружил его автоматическим оружием из наших запасов, нарезав круг задач. Даже минометы им дал с расчетами и станковый пулемет в усиление.

– Сазанов, Андреев, Иванов, Непейборода, Богданов! – подзвал я своих подчиненных командиров. – Приказ на сегодня: в одиннадцать часов ночи выдвигаемся на восток. Приготовить машины к движению, пусть водители их осмотрят, с восьми до одиннадцати отдыхать. Выполнять. Стрелкам обеспечить охрану.

– Есть! Есть!.. – посыпалось от командиров.

Поставив задачи людям, я присел на шинель и стал вносить фамилии пополнения в журнал, записывая их со слов Иванова. Во взводе работал его зам, старший сержант Васюта. Потом подзвал Богданова, закончившего опрашивать своих подчиненных – знал он только троих, остальных подобрали во время отступления.

Закончив с документацией и поставив новичков на довольствие (кухня уже была помыта, и новеньким выдали сухпай до утра), я откинулся на стог и, прикрыв глаза, задумался.

«М-да, все-таки мечты сбываются. Я хоть попал и не туда, куда хотел, но ведь попал! Даже смог устроиться тут вполне нормально, и что главное... Мне тут нравится! Парней вот только жалко, экипаж, раненых бойцов спецназа. Они ведь мне стали роднее, чем все парни и девчонки из детдома. Ладно, хоть попал, как это ни странно, куда нужно. Мне ведь понадобилась неделя, чтобы понять, что это реально мой шанс изменить хоть что-то в этой войне. Я не знаю, может, я в параллельном мире, о котором так любят писать фантасты альт-истории, чтобы не запутываться в прошлом и настоящем, или на самом деле в прошлом своего мира? По крайней мере, все, что я успел изучить за время пребывания здесь, указывает, что это именно прошлое моего мира. Что это значит? Это значит, что у меня есть шанс его изменить. Так почему бы и не попробовать?...»

Размышлять мне не мешала даже суeta вокруг, когда бойцы стали подготавливать технику к движению, переговаривались с новичками, знакомясь и делясь с ними боевым опытом. Негромкие окрики командиров, беззлобный мат старшины где-то на заднем плане – все это слилось в едва слышный гул, от которого я устало задремал.

Кабинет был не особо просторным, но хозяин его любил и часто проводил там небольшие совещания. Вот и в данный момент двое присутствующих в командирской форме старшего начсостава госбезопасности, сидя за столом, наблюдали, как хозяин кабинета прогуливался у окна, изредка останавливаясь, чтобы посмотреть на раскинувшийся снаружи парк.

– Так вы, товарищ Берия, утверждаете, что это все написано одним человеком? – спросил наконец хозяин кабинета.

– Так считают мои специалисты, товарищ Сталин, – ответил один из присутствующих командиров.

На столе лежали два конверта и россыпь листов. Даже не специалисту было видно, что тут писала действительно одна рука – почерк был очень схож. Даже ошибки, которые появляются, когда быстро пишешь, были идентичные.

– Лаврентий, поясни мне, как связано нападение немецких прихвостней на командиров Красной Армии и вот это?! Почему человек, который, кстати, не представился ни в одном из посланий, сообщил нам столь важные сведения? Как сообщили товарищи Павлов и Кирпонос, в тех местах, где мы предсказали им возможные места будущих прорывов, идут тяжелейшие бои, где наши мехкорпуса перемалывают танковые группы немцев. Почему именно сейчас? Почему сообщивший отправил письма за три дня до войны? Почему он не вышел на связь? Много почему, товарищи. Но ответа я от вас не слышу... Вы что-то хотите сказать, товарищ Берия?

– Да, полная информация по фигуранту у товарища Меркулова, именно он курировал это расследование.

– У вас есть что сказать, товарищ Меркулов? – повернулся Сталин к третьему, молчавшему до этого командиру.

– Да, товарищ Сталин, – встал Меркулов, но тут же сел после жеста хозяина кабинета. – Было проведено полное расследование и выявлено, что письма опущены в почтовый ящик Киевского железнодорожного вокзала девятнадцатого июня этого года. Во время опроса служащих вокзала сотрудниками нашего отдела одна из работниц почты вспомнила, что в этот же день сразу два подобных конверта заполнял молодой парень лет двадцати в старой ношенной форме.

– Поясните? – потребовал хозяин кабинета.

– По словам работницы почты, он, скорее всего, был демобилизован, так как был в командирской форме, но без знаков различия, хотя следы споротых петлиц и шевронов были различимы. Ткань не успела выцвести. Наш художник составил портрет неизвестного со слов свидетельницы. По ее словам, рисунок очень похож, вот он, – протянул лист Сталину зам Берии.

– Понятно, товарищ Меркулов, продолжайте, – велел хозяин кабинета, изучая рисунок.

– По словам работницы почты, неизвестный долго, около полутора часов, сидел за столом и писал. Страницы он вырывал из лежавшей рядом тетради. Именно поэтому его и запомнили. Также изредка он вскрикивал что-то вроде: «Как же я про это забыл!» или «Ну, и про это тоже можно». А так он особо внимания не привлекал. Кроме того, что очень спешил на уходящий поезд – когда бежал к почтовым ящикам (видимо, не хотел передавать их через работников почты, чтобы не возникло вопросов), то чуть не сбил уборщицу. После чего, бросив письма, он выскочил на перрон.

– Узнали, какой поезд ушел?

– Да, Москва – Ровно. Как нам известно, поезд до конечного пункта не дошел, был атакован немецкими иттурмовиками двадцать второго июня в пять часов двенадцать минут. Половина состава сгорела, много погибших. Был проведен опрос выживших. К сожалению, за шесть дней многие разъехались, найти смогли только тех, кто находился в близлежащих госпиталях. Только один из них, лейтенант Грошев, со сквозным ранением ноги, вспомнил, что в одном купе с его знакомым по училищу лейтенантом Петровым действительно ехал похожий субъект. При разговоре в вагоне-ресторане, когда речь зашла о попутчиках, Петров охарактеризовал его как «зенитчика» и «своего в доску парня». В данный момент ведутся поиски лейтенанта Петрова. По последней информации, он, после прибытия в Ровно, получил под командование батарею противотанковых орудий из трех единиц и ушел к границе с одним из стрелковых полков. Больше об этом полке и батарее Петрова ничего не известно. Только то, что они были на острие прорыва немецких войск, что произошел сегодня утром. Что сейчас происходит под Ровно, точных данных нет. По неподтвержденным данным – наши войска отступают. В общем, каша там сейчас, товарищ Сталин. В особые отделы всех частей были отправлены приказы: в случае выхода из окружения батарейцев лейтенанта Петрова или его самого немедленно сообщать по инстанции и передать его нашим сотрудникам. Пока это все.

– Отправьте в район Ровно особую группу осназа НКВД для поисков этого лейтенанта и взятия у него показаний, – велел Иосиф Виссарионович.

– Есть, товарищ Сталин.

Как только Меркулов вышел из кабинета, Сталин выдвинул внутренний ящик, достал отдельный лист и протянул его Берии:

– Что он хотел этим сказать, Лаврентий?

Двинулась батарея в сторону откатывающегося фронта ровно в одиннадцать. Машины, сбрасывая тюки сена, с помощью которых были укрыты, выехали на дорогу и выстроились в походную колонну. Первой, с удалением на сто – сто пятьдесят метров, должна была идти машина Индуашвили. С ним было пять бойцов с сержантом во главе. Это наш передовой дозор. За машиной разведчиков шла основная колонна. Первой – полуторка, набитая бойцами Богданова, с ним же самим в кабине, потом шесть зениток, я в кабине первой. За нами машины обеспечения: трофей с кухней, топливозаправщик и последняя полуторка с частью боеприпасов и с отделением стрелков. Так мы и ехали, растянувшись метров на триста.

Для светомаскировки водители по моему приказу из жести сделали для фар защиту. Теперь колонну можно было рассмотреть только вблизи. Водители, конечно, видели, куда едут, но из-за того, что фары теперь светили только на двадцать метров вперед, и без того небольшая скорость стала еще меньше. Так что шли мы на установленных мной двадцати километрах в час.

– Товарищ лейтенант, головная машина остановилась и, кажется, разведчики там же, – вырвал меня из полудремы водитель, остановив машину.

Встряхнувшись, я посмотрел на часы, открыл дверь и спрыгнул на землю. Было темно, время уже перевалило за двенадцать, но луна неплохо освещала все вокруг. По крайней мере метров на двадцать я видел хорошо, на пятьдесят уже хуже.

– Что там? – спросил я, подходя к машине Богданова.

– Разведчики остановились, мы как их увидели, тоже встали. Не видно, но вроде на дороге машина стоит. Бойцы ее, похоже, осматривают.

– Стойте тут. Оружие к бою, круговая оборона.

– Есть. Мартынов, командуй оружие к бою. Двух бойцов с командиром, – услышал я команды старшины, направляясь к разведчикам. Буквально через минуту, тяжело топая сапогами по дороге, меня догнали двое бойцов. Один с мосинкой, другой с немецким автоматом на плече.

– Сержант, что у вас? – спросил я, заметив Индуашвили у пулеметов. Его стройный силуэт ни с кем не путаешь.

– «Эмка» брошенная на обочине стоит. Бойцы и водитель осмотрели ее. Пустая, только горячего нет. Говорят, новая машина.

– Новенькая, говоришь? – задумчиво протянул я, после чего скомандовал: – У вас, насколько помню, есть канистра с бензином. Залейте его в бак и проверьте, рабочая ли она. Если да, то сделаю ее своей штабной машиной, хватит по чужим кабинам маяться.

– Есть... Вятка, слышал, что товарищ лейтенант приказал? Давай, доставай свои запасы.

– В баке же всего литров сорок осталось, – едва слышно пробормотал красноармеец, однако, повозившись под кузовом, вытащил канистру.

С бензином у нас действительно возникли проблемы. Это с боеприпасами было нормально, два с половиной боекомплекта, а вот горючее мы изрядно потратили, причем ездивший в город старшина вернулся ни с чем, все в Ровно сидели на последних каплях после уничтожения складов. А в Луцк было не пробраться, дороги, и так не лучшего качества, были забиты. И запасы из топливозаправщика уже были разлиты по почти пустым бакам. Так что

оставалось только ехать до малого склада, что мы организовали шесть дней назад. Надеюсь, бойцы все еще там, как и склад, хотя я их предупредил, что нас, возможно, не будет с неделю.

С машиной водитель возился минут пять, заправляя и проверяя ее. Пока он с ней работал, я развернулся к колонне и дважды мигнул фонариком. Это был выученный всеми водителями сигнал продолжить движение. Когда «эмка» тихо заработала на малых оборотах, колонна уже подошла к нам.

Достав из кабины первой зенитки все свои вещи – кстати, прилично набралось – я сложил их на заднее сиденье легковушки и сел за руль, дав приказ на выдвижение. С «эмкой» я освоился быстро, ничего сложного, это как с «уазиком».

Колпаков на фарах не было, поэтому мне пришлось ехать на габаритах, благо борт впереди идущей машины Богданова было хорошо видно. Ничего, доберемся до склада, и водилы вырежут колпаки, я дам приказ старшине.

«Кстати, нужно назначить старшего водителя, чтобы отвечал за все машины, Непейборода позавчера про это говорил».

Дальше мы следовали до нужного поворота без всяких проблем, хотя брошенная техника на дороге встречалась еще не раз. Были две уничтоженные авиацией колонны с сожженной техникой. Мы остановились только прибрать одну из полуторок, в которой, к нашему удивлению и счастью, обнаружили около ста банок тушенки россыпью. Среди бойцов, из тех, что были у Богданова, было пять водителей. Вот одного я и посадил на эту машину, увеличив количество своего транспорта. «Эмку» же не доверил никому, сам любил водить.

Конечно, с учетом топливного кризиса это было не совсем умной, вернее, удачной идеей, но у меня имелось много планов, и они зависели от нашей мобильности. Ведь сколько тут еще окруженцев бродит?

В общем, когда, судя по карте, до поворота, от которого до склада рукой подать, осталась пара километров, я заметил, что головная полуторка останавливается. А машина Индуашвили сдает назад. Тут и я рассмотрел, что впереди виднелось едва заметное зарево. Слабенькое, как бывает от костров, но все же. В общем, там кто-то был.

Колонна встала на обочине ночной полевой дороги, ожидая, когда подъедут разведчики. Как только они приблизились, я вышел из машины и, обойдя головную, подошел к спрыгнувшему на землю Индуашвили.

– Наши? Немцы? – тут же спросил я его.

– Я двух бойцов оставил осмотреться, товарищ лейтенант, а так не понятно. Техники много. Мы как на холм выехали, их увидели – и сразу назад.

– Понятно. Занять круговую оборону! Сазанов, Андреев, Иванов, Богданов со мной. За старшего Непейборода, – скомандовал я, ожидая у машины сержанта вызванных командиров.

Как только они собрались, мы, взяв в охрану отделение бойцов, направились на холм – осмотреть неизвестную воинскую часть. Все прояснилось еще на середине пути, когда нам навстречу выскочил один из оставленных наблюдать красноармейцев.

– Товарищ лейтенант, там немцы! Танки, грузовики, пушки и мотоциклы! – зачастил он.

– Ясно. Значит, уже вон докуда продвинулись. Похоже, охватывают они с флангов ровенскую группировку наших войск. Как бы колечко на замкнули, – задумчиво протянул я. – Идем дальше, проведем разведку.

Поднявшись на холм, где обнаружился второй боец, мы стали рассматривать лагерь, освещенный десятком костров. Судя по суetyающимся фигуркам, машину Индуашвили они все-таки расслышали. Колонну – вряд ли. Холм заглушил. Эхо ушло в другую сторону.

Бойцы остались метрах в двадцати сзади, когда мы, опустившись кто на корточки, кто на колени рассматривали немцев с холма, старясь себя не выдать.

– Мотопехотный батальон со средствами усиления, – закончив подсчитывать технику и орудия, наконец озвучил я.

– А танки? – спросил лежавший рядом Иванов. Вместо меня ему ответил Сазанов, не прошел мой ликбез даром:

– Входят в штат. Вот только зениток у них больно много, восемь штук.

– Согласен, хотя только что-то танков у них мало. Может, я не все вижу, но десятка не хватает. Хотя, может, в боях потеряли, а так точно батальон мотопехоты. Странно, что они тут делают, направление же не главное? – пробормотал я. – Может, действительно наших обходят? Хм?..

Отойдя немного назад, я снова присел и, достав карту, осветил ее фонариком. Пока командиры изучали лагерь, я по карте прикинул планы батальона. Никаких важных объектов тут не было, кроме железнодорожного и автомобильного мостов. Это был единственный ответ на нахождение здесь батальона немцев. Странен только их отрыв от основных сил, если только...

– Блин, – тихо ругнулся я, покосившись на устроившихся неподалеку бойцов.

– Товарищ лейтенант? – окликнул меня Сазанов, и почти сразу издали донеслась пулеметная очередь и взлетело несколько осветительных ракет.

Подскочив к нему, я негромко спросил:

– Что у вас тут? Наших засекли?

– Мне кажется, я справа, во-о-он там... – протянул Сазанов руку правее лагеря немцев, – видел, как по полю шли люди.

– Ясно, это они окруженцев засекли, по ним и бьют.

Я уже провел ликбез среди своих бойцов по таким словам, как «окруженцы», «танкобязнь» и тэдэ, так что командиры не удивлялись.

Похоже, именно так и оказалось, немцев испугнули проходившие мимо окруженцы – видимо, один из выдвинутых в поле постов их засек.

– Значит так. Возвращаемся к колонне, по пути я вам расскажу свой план.

Сам план был прост, как все гениальное. Мы приводим к бою все зенитки, включая машину Индушвили, и, вылетая на холм, пока немцы заняты окруженцами – там уже заметная пальба началась – бьем зажигательными и бронебойными по всему, что там есть, потом возвращаемся к оставшимся машинам обеспечения. Дальше формируемся в прежнюю колонну и возвращаемся до ближайшего поворота, там найдем другой путь к нужному лесу.

Ефрейтор Ганс Отто Байер работал спокойно, как и все профессионалы, прошедшие Францию и Польшу. Когда их полк был разбит у русского города Ровно, все, что осталось, свели в батальон под командование майора Вагнера вместо погибшего полковника Бризоле.

Через несколько дней после переформирования вместо заслуженного отдыха вдруг последовал приказ выдвинуться в тыл отступающих русских и взять под контроль мосты. Байеру сразу не понравилась эта идея. Получалось, что держать удар после захвата обоих мостов нужно будет со всех сторон. От прибывающих частей, которым нужно будет перебраться на другой берег, и от отступающих. Однако мысли какого-то ефрейтора не волновали немецкое командование, поэтому батальон выдвинулся и за половину дня преодолел около пятидесяти километров, встречая лишь жалкие попытки сопротивления. Обычно это были группы окруженцев, застигнутых врасплох на дороге или в поле, или идущие свежие части. Были и курьезные случаи, когда перехватили машину с русскими молоденькими медсестрами. Их то ли направляли как пополнение, то ли просто перевозили, но офицерам и унтерам они пришлось по вкусу, даже ночью были слышны их крики.

Когда пост обстрелял каких-то окруженцев и по тревоге подняли их роту, Байер не особо волновался, подготавливая со своими людьми пулемет к бою, но вот когда половина окруженцев была рассеяна, а половина так и осталась лежать в пшеничном поле, вдруг с холма ударили такие знакомые по звуку орудия.

Видимо, русские зенитчики знали, куда стрелять, потому как два стоявших грузовика с боеприпасами вдруг вспучились, и донесся грохот взрывов. Оглушенный ефрейтор упал у своего пулемета, не чуя, как второй номер пытается оттащить его в сторону от растекающегося горящего топлива. Один из снарядов задел топливозаправщик, и сейчас огненная жидкость поджигала стоящую рядом технику, неплохо подсвечивая русским наводчикам.

Попадания в машины с боезапасом и топливом были счастливым совпадением, что позволило нам фактически безнаказанно расстреливать расположившихся в низине немцев. Так как орудия они не видели, кроме вспышек на уровне земли, то каждая зенитка успела выпустить по десять обойм. А это по полсотни снарядов на орудие, или триста на батарею.

Больше у нас с собой просто не было, остальные лежали в ящиках в машинах обеспечения, поэтому, как только снаряды закончились, мы спокойно развернулись и направились к колонне. И только когда все вместе двинулись обратно, на холме вырос первый куст минометного разрыва. Немцы оправились от неожиданного расстрела.

Отъехав на семь километров, я приказал остановить колонну и пополнить боезапас. Пока одни бойцы снаряжали пустые обоймы, другие чистили орудия.

Опершись задом о капот «эмки» и подсвечивая себе фонариком, я изучал карту и бормотал под нос ругательства. Горючего могло не хватить из-за новой техники.

– Что, товарищ лейтенант? – дернулся пробегающий мимо Непейборода.

– Тебе послышалось, старшина. Когда закончим канитель с перезарядкой? – спросил я, убирая карту в планшет.

– Так уже, только орудия все еще чистят. Снарядов осталось по десятку на орудие.

– Ясно. Как закончат, собери командиров у штабной машины.

– Есть.

Через двадцать минут у «эмки» стояли все командиры.

– Товарищи... – произнес я, разглядывая силуэты, слегка подсвеченные подфарниками ближайшей машины. – По непроверенным данным, та часть немцев, что мы атаковали, шла к ближайшим мостам. Скорее всего, не захватывать их, а удерживать до подхода основных сил. Думаю, мосты уже захвачены немецкими диверсантами в нашей форме, и этому батальону нужно было только занять оборону возле них. На это указывает и количество зенитных средств. Они им нужны, чтобы защитить мосты от налета с воздуха. Поэтому слушайте приказ: идем к складу, грузим все в машины, заправляемся и немедленно выдвигаемся к мостам. Нам нужно опередить немцев. Они хоть и потрепаны, половину техники мы у них выбили, но все еще сильны. Отдохнем, когда переправимся на тот берег. Это все. Разойдись.

Командиры, негромко переговариваясь, разошлись по своим машинам, вопросов у них ко мне не было – есть приказ, его надо выполнять. Через пять минут мы двинулись дальше.

Через пару километров, миновав распадок, где на обочине стояли два брошенных танка – фары «эмки» их только слегка осветили, вроде одна была «тридцатьчетверка» – мы выехали из низменности и, свернув на ближайшем повороте, оказались у нужного нам леса. Дальше роль проводника взял на себя старшина.

Съехав с дороги и проехав по опушке метров семьсот, мы остановились. Как старшина определился, что склад у нас именно тут, не знаю. Видимо, так же, как ночью шесть дней назад нашел это место, но остановил головную машину он уверенно. Когда я затормозил у борта головной машины и открыл дверь, то сквозь рев моторов подъезжающей колонны расслышал окрик:

– Стой, кто идет? Одиннадцать?

Это меня изрядно приободрило – не бросили пост, не сбежали, как это делали многие красноармейцы, поверив слухам о «непобедимых» немцах.

Аккуратно прикрыв дверцу машины – она мне все больше и больше нравилась, все-таки, считай, свой угол – я направился следом за силуэтом старшины, уже скрывшегося среди деревьев, подсвеченных серебристым светом луны.

Времени, судя по часам, было три часа ночи, мы потеряли час из-за встречи с немцами. Однако из-за них же пришлось подкорректировать план выхода к своим. Мало того что придется выдвигаться немедленно, без отдыха, так еще и спешить, а ведь водители у нас не роботы, устанут и уснут за рулем – это, считай, край. Аварии неизбежны.

Дойдя до деревьев – сзади раздавались бодрые команды сержантов, строивших своих бойцов и разрешающих оправиться в поле, – я услышал немного взволнованный, но радостный голос ефрейтора Смелова, которого оставлял старшим над двумя красноармейцами:

– Стой, кто идет? Восемь?

– Тринадцать.

– Проходите, товарищ лейтенант, – с заметным облегчением ответил часовой.

– Докладывайте, ефрейтор, – приказал я, подойдя к двум командирам.

– Есть, – вытянулся тот. Я не видел, темно в лесу, но движение уловил. – Согласно вашему приказу мы в течение пяти дней и шести ночей несли охрану временного лесного склада, не обнаруживая себя. Только один раз на нас вышли шестеро пограничников, это было восемь часов назад. Как-то обнаружили, мы, согласно вашему приказу, выдали им немного продовольствия и боеприпасов. Больше никаких происшествий не случилось, кроме сильной стрельбы час назад, даже зарево видели. Еще только... – начал было говорить ефрейтор и замолчал.

– Что? Докладывайте, ефрейтор, не мямлите, – велел я, нахмурившись.

– Пограничники не ушли, они отошли метров на двести и встали лагерем. Сказали, что вас подождут.

– Хм, не дураки, – протянул я задумчиво. – Давай, зови их.

– Разрешите представиться? – почти сразу буквально в паре метров прозвучал молодой голос.

Быстро включив фонарик, я мазнул лучом по лицу неизвестного, отчего тот поморщился; потом прошелся по деревьям, что рядом. Один неизвестный командир или нет? Вроде один. Мне удалось рассмотреть, что это был лейтенант, как и я, только пограничник, причем вроде как азиат, возможно, из татар. Хотя по-русски говорил чисто.

– Разрешаю, – пробормотал я, после чего, встряхнувшись, велел Непейборде: – Старшина, грузите боекомплект, заправляйте машины, лишнее слейте в топливозаправщик, сдайте все продовольствие повару. И быстрее шевелитесь, а то у нас на каждое орудие по паре обойм, смех да и только. После погрузки пусть сюда подойдут командиры подразделений.

– Есть. Разрешите выполнять? – козырнув, спросил старшина.

– Выполняйте. Ефрейтор, я вас поставил на должность командира двух минометных расчетов. Они сейчас у старшины Богданова. Найдите его, примите вооружение с людьми и приступайте к своим непосредственным обязанностям.

– Есть, разрешите выполнять?

– Давай... Так, теперь с вами. Давайте отойдем в сторону, чтобы не мешать бойцам, – обратился я к пограничнику.

В лесу сразу же стало шумно. Бойцы с прибаутками носили тяжелые ящики к машинам, перекачивали бочки, при этом делились с местной охраной нашими последними приключениями, вызывая у тех восхищенные восклицания. Тяжело было охране склада в фактической изоляции. Они даже помогали носить ящики, чтобы порасспрашивать бойцов, и жадно впитывали информацию.

Найдя упавшее дерево, я включил трофейный фонарик на слабый свет и, положив его между нами, представился первым:

– Командир третьей батареи отдельного зенитного дивизиона города Ровно, лейтенант Фролов.

– Командир резервной заставы шестой комендатуры лейтенант Адель Самакаев. После гибели заставы и комендатуры в приграничных боях выходил к своим. Вышел у Ровно двадцать четвертого, был направлен со своими бойцами на одну из дорог в виде поста. Когда появились немецкие танки, был вынужден бросить машину – поле было кругом, расстреляли бы издали, а так укрылись в поле. Шли два дня, вчера вышли на твой склад. Вот, решил подождать, вдруг вы на колесах. Да и вместе веселее.

– В принципе понял, – пробормотал я, доставая карту. – Покажи, где стояли.

– Вот тут. У нас стационарный пост был, со шлагбаумом.

Увидев, куда показал мне пограничник, я засмеялся.

– Что? – не понял он.

– Я вот тут стоял, в шести километрах сзади вас. Мы на одной дороге были, – пояснил я, отсмеявшись. Теперь было понятно, почему до нас не доходили небольшие группы выходящих из окружения частей, вон их где перехватывали.

– Понятно... Подожди, так это ты разгромил с танкистами колонну немцев?

– Да, было дело. Кстати, как они вас не заметили?

– Так они на ночь лагерем встали в паре километров, я разведку провел, отправил сообщение в штаб армии и отошел в сторону, пропуская. Поэтому-то танкисты так вовремя и появились. Когда они погнали немцев дальше к границе, вернулся на дорогу. Вот и все.

– Да, теперь все сходится, – согласился я, после чего протянул руку: – Виталий.

– Адель.

– Что думаешь делать дальше, Адель? – спросил я, в некотором волнении теребя уголок карты. С появлением пограничников у меня появился новый план.

– Место для нас найдется?

– Сколько вас?

– Семеро, считая меня.

– Тогда найдется, – чуть улыбнулся я. – Только сразу предупреждаю, анархии я не потерплю. Если согласны до выхода к нашим пойти под мое командование, то милости просим. У меня должность особиста свободна и разведподразделения нет. В общем, найдем, чем вас занять.

– Хм, – Адель задумался. – Ты знаешь, пожалуй, я соглашусь.

– Тогда зови своих подчиненных. Будем знакомиться и ставить боевую задачу.

– О как? Ты уже задачи хочешь ставить? Да еще боевые, – хмыкнул пограничник, после чего с переливами свистнул.

Буквально через десяток секунд после его сигнала передо мной строем стояли шестеро пограничников. Прибавив света фонарику, я осмотрел их. Бравые подтянутые парни, двое из них командиры – один старший сержант, другой младший.

– Представьтесь, – велел я пограничникам.

– Старший сержант Бутов. Максим, – коротко представился стоявший первым пограничник.

– Младший сержант Андрей Луговой.

– Пограничник Сергей Перевалов.

– Пограничник Иван Шляпников.

– Пограничник Семен Варанов.

– Пограничник Павел Мирзоев.

– Значит так, – как только бойцы представились, начал я, – лейтенанта Самакаева назначаю начальником особого отдела нашего подразделения. Старшего сержанта Бутова – команди-

ром разведотделения из пограничников. Также вы, сержант, можете отобрать людей из взвода стрелков старшины Богданова, там двое из разведбата.

В это время подошли остальные командиры взводов. Быстро познакомив их с новенькими, я расстелил карту на стволе и, собрав всех, включая новеньких, быстро описал ситуацию, в которую мы попали, и какое я принял решение.

– Вот эти два моста захвачены немецкими диверсантами...

– Это точная информация? – тут же спросил Самарканов.

– Предположение... не перебивайте, – велел я и продолжил: – Им на усиление идет мотопехотный батальон немцев, который мы изрядно потрепали. Мое первое решение было двинуться к ближайшему мосту, выбить с него немцев и уничтожить его. Но после некоторых раздумий я решил повременить с мостами и заняться батальоном. Немцы сейчас потрепаны. Не думаю, что сильно, но после бессонной ночи они квелые, поэтому считаю, устроив засаду на дороге, мы если не уничтожим батальон, то изрядно потрепем его. Сомневаюсь, что после этого у них хватит сил удержать мосты, да и вообще дойти до них. Задача уничтожить батальон не ставится, главное – нанести как можно большие потери и задержать их. Засаду устроим вот тут, в трех километрах от нашего местоположения. Мы проезжали это место, там еще два танка брошенных стоят. Значит, слушайте приказ. До утра выдвинуться к этому распадку, нужно прикинуть возможность устроить засаду, рассредоточить и замаскировать орудия, после чего ждать появления немцев.

– А если они другой дорогой пойдут, товарищ лейтенант? – спросил Бутов.

– Другой удобной дороги тут нет, как видите, а узнать, где и когда они двинутся – это ваша задача, товарищ старший сержант. Берете машину Индуашвили, ту, что с пулеметами, я ее пока закрепляю за вами, и выдвигаетесь к лагерю немцев. Посмотрите, что там у них происходит, и нам докладывайте с помощью посыльных. Тут недалеко, в восьми километрах. Выезжайте немедленно. Можете сразу обратиться к Богданову насчет бойцов из разведбата.

– Есть, разрешите выполнять?

– Выполняйте.

Отошедший было с Бутовым старшина Богданов быстро вернулся, отдав несколько приказов своим бойцам. Через минуту загудел двигатель одной из машин и скоро стих. Разведчики уехали. А мы в это время продолжали обсуждать дальнейшие мои планы.

– Ну что? Едут? – спросил посыльного полулежавший рядом Адель, когда к нам подбежал запыхавшийся боец.

– Пыль видна. Одиночная машина. Похоже, наши пограничники едут, – стараясь отдышаться, ответил посыльный.

– Давно пора, восемь утра, – проворчал лейтенант. После сытного завтрака его размогло.

Я ожидал противника к семи утра, поэтому приказал старшине покормить людей в шесть, однако немцев все не было и не было.

Мы лежали на солнечном склоне, греясь под лучами восходящего солнца, пока батарея продолжала окапываться. Двое саперов, что нашлись во взводе Богданова – говорил же, у него с бору по сосенке – маскировали на дороге ямы.

В одном из брошенных в километре от засады сломанном грузовике нашлись не только восемь ящиков с тротиловыми шашками, но и катушки с проводами и подрывная машинка. Это сразу же изменило мое решение сильно потрепать немцев. Нет, теперь я решил их уничтожить, благо появилась такая возможность. Мало того, разведчики, когда двигались к немецкому лагерю, обнаружили еще шесть брошенных машин разной степени побитости. По виду, они перевозили артиллерийские боеприпасы, пока их не расстреляли с воздуха, причем, судя по нескольким огромным воронкам, три или четыре машины рванули вместе со своим грузом, остальных ударной волной раскидало. После сообщения саперы съездили к указанному

месту и собрали снаряды для ста двадцатидвух и ста пятидесятидвух миллиметровых орудий. Чем сильно увеличили мощь закладываемых зарядов.

Надев каску, я быстро намотал портянки, забив ноги в сапоги, скатился вниз и сказал съехавшему следом погранцу:

– Твои сейчас будут, где позиция для них, ты знаешь.

Этот парень мне нравился все больше и больше, буквально за пару часов он стал чуть ли не моим замом. Хотя я знаю его всего несколько часов, составить свое мнение о нем успел. Несмотря на всю напускную серьезность, что появилась по роду службы, он был веселым рубахой-парнем, любящим поговорить, балагуром и приколистом. Мы долго обсуждали, делясь мнениями, тот бой батареи, когда в засаде перехватили колонну немцев несколько дней назад. В общем, по характеру мы были похожи, поэтому быстро нашли, как общаться друг с другом.

Описал он и своих подчиненных. Сержант Бутов был спокойным и рассудительным командиром, хотя тоже любил погулять на праздниках, отдаваясь этому всей широтой русской души. По словам Аделя, был он на своем месте, то есть как командир разведчиков вполне подходил.

Младший сержант Луговой, хитрован, несмотря на фамилию, оказался чистокровным евреем. Поэтому в умении найти спрятанное и особенно в вылазках ему не было равных. Хороший игрок в карты.

Остальные пограничники были опытными парнями. Только один из них, Мирзоев, был салагой-первогодком, но уже участвовал в одном задержании. В общем, бойцы мне достались умелые и уверенные.

Пройдя мимо минометчиков, протирающих мины от смазки под приглядом Смелова, я избежал на взгорок и посмотрел на небольшой шлейф пыли. Разведчики старались ехать по обочине, чтобы не оставлять следов. Как только машина остановилась рядом и Бутов покинул кабину, я сразу же взмахом руки велел ей следовать к концу оврага, где ее уже ждал Адель.

– Товарищ лейтенант, немцы свернули лагерь и выдвинулись в нашу сторону.

– Количество ночных потерь и количество немцев в колонне... – спросил я, раскрывая боевой журнал батареи и готовясь записывать информацию.

– На месте лагеря осталось восемнадцать сгоревших или поврежденных грузовиков. Два орудия, одна зенитка и два танка. Все они имеют разную степень повреждений и, видимо, не могут продолжать движение.

– Потери немцев в людях? – задал я еще вопрос, закончив записывать уничтоженную нами технику.

– Пятьдесят семь крестов насчитали. Всю березовую рощу вырубili, гады, чуть у нас по головам не ходили.

– Раненых много?

– Четыре машины загрузили и под охраной двух танков и одного бронетранспортера отправили в тыл. Примерно человек шестьдесят увезли.

– Это хорошо, нам меньше достанется. Длина колонны и количество сил немцев?

– Колонна у них растянулась на два километра, половина идет пешими, техники-то нет.

– На два километра? – я задумчиво стал покусывать карандаш, рассматривая дорогу.

Сама низина, по которой она пробегала, была длиной в шестьсот метров, вся колонна просто не умещалась в ней. Я уже об этом подумал, поэтому заминировал половину низины, склон и часть дороги со стороныдвигающихся к нам немцев. То есть когда колонна спустится, идущие первыми преодолеют заминированный участок и начнут подъем, а когда арьергард дойдет до заминированного участка, мы активируем сеть зарядов.

Передовым у немцев идет бронированный кулак из танков, но их мы боялись меньше всего. Так как если мы уничтожим сперва технику, то с пехотой уже не справимся. Именно поэтому основная задача заминированной дороги – уничтожение пехоты. А с танками мы справимся, для этого есть замаскированные орудия на прямой наводке. Тем более после всех потерь танков осталось всего восемь да два бронетранспортера. Один, кстати, был в зенитной комплектации. Вкусная цель для трофея, но вряд ли мы его сможем взять. Место и время не те.

– Да, на два, – в подтверждение сержант кивнул головой.

– Как движутся?

– Первыми танки, все восемь. С ними бронетранспортер с солдатами, потом пехота на грузовиках, зенитки, пушки и полторы роты пехом.

– Передовой дозор?

– Три мотоцикла и второй бронетранспортер.

– Хорошо, скорость движения?

– Будут тут через полчаса, – мысленно прикинув, сообщил сержант.

– Отлично, пока свободны.

Сержант побежал на противоположную сторону низины, где скрылась машина Индуашвили, а я спустился вниз и по обочине прошел до конца оврага, пристально рассматривая дорогу, пытаясь найти что-нибудь, что бы бросалось в глаза. Но саперы хорошо замаскировали заряды, так что на первый взгляд все было нормально. Даже только что проехавшая тут машина навела маскировку, как бы поясняя немцам, что все чисто. Вот только если немцам придет в голову остановиться и заглянуть в брошенные Т-34 и Т-26, то могут возникнуть проблемы, там мы провода не особо прятали.

Мысль заминировать брошенные танки с полными боекомплектами пришла не мне, а одному из саперов. Он сообщил, что одной шашки хватит, чтобы рвануть обе машины. Жаль, что поражающих элементов у нас не было, а то прикопали бы их поверх фугасов. Но думаю, мощности хватит и так.

Бутов не ошибся: через полчаса в низину скатились мотоциклисты и бронетранспортер передового дозора. Ими после начала боя займется зенитка Индуашвили под командованием Аделя, замаскированная в километре впереди.

За дозором, отстав на пятьсот метров, следовали основные силы. Испуская сизые дымы, ползли запыленные танки с чахлыми ветками маскировки на броне. Следом бронетранспортер, потом грузовики, зенитки, грузовики с пушками, и наконец, показалась пехота.

Как только танки и бронетранспортеры прошли, а конец пехотной колонны продвинулся к тому месту, где у нас закончились тротил и снаряды, я крутнул ручку подрывной машинки. Дорога вспучилась, разбрасывая обломки машин и куски тел. Оба брошенных танка разлетелись огненными обломками... После инициации зарядов сразу заработали пулеметы стрелков Богданова, затыкали очередями зенитки и захлопали оба миномета.

Глядя на немецкий грузовик, подброшенный взорвавшимся стапятидесятидвухмиллиметровым снарядом метров на двадцать вместе с прицепленной к нему зениткой, я пробормотал:

– Кажется, со взрывчаткой мы переборщили, – а посмотрев на то, что осталось от техники, убедился в своей правоте. Нам повезло, что мы находились в ста пятидесяти метрах от уничтожаемой колонны, укрытые складками местности, но и так нас изрядно трянуло и оглушило.

Подхватив стоявшую рядом винтовку, я, в отличие от стрелков, бьющих по кузовам уцелевших машин, стал стрелять по канистрам бронетранспортера и танков, закрепленным на броне. Благо зажигательных патронов у нас нашлась пара ящиков.

После подрыва, кроме головной техники, уцелело около пяти десятков пехоты, что шли сзади. Но по технике били зенитки, уничтожая ее одну за другой, а по выжившим пехотинцам – сразу четыре пулемета, включая станковый МГ.

Сопротивления как такового не было, скорее желание выжить и вырваться из этой мясорубки. Вот один из Т-IV, столкнув с дороги горящую «двойку», рванул наверх, но получив в корму очередь из бронебойных болванок, застыл, распластав гусеницу. Буквально через секунду по нему ударили еще несколько зениток, превратив в факел.

Ефрейтор Ганс Отто Байер, шедший с обоими своими подчиненными в конце колонны, возблагодарил богов, что командир батальона поставил сюда отказавшегося от госпитализации контуженного ефрейтора. Поэтому когда половина батальона скрылась в невидимой низине и вдруг дыбом встал земля, разбрызгивая в сторону то, что ранее было солдатами вермахта, ефрейтор привычно ухнул в толстую пыль, перемешанную колесами и сапогами прошедшего здесь батальона, и шустро откатился в сторону, не обращая внимания на звон в голове. Контузия после взрывов дала о себе знать, но к счастью, к потере сознания это не привело. Не обращая внимания на то, что немногие выжившие начали отстреливаться, Байер пинками поднял своих подчиненных и приказал им отходить.

У него была для этого веская причина: он узнал звук скорострельных зенитных орудий, что добивали сейчас остатки батальона.

– Фриц, шевелись быстрее! – крикнул он ползущему впереди на коленях подносчику. Обочина была тут не глубокая, но если двигаться на карачках, пули, свистящие над ними, не достанут.

– Это все, кто уцелел? – спросил я Бутова, пытаясь удержать равновесие на покатой, пошедшей трещинами башне «тридцатьчетверки». Ее взрывом отшвырнуло метров на двадцать от уничтоженной нами колонны. Бутов командовал поиском пленных, собирая их чуть в стороне от уничтоженного батальона, поэтому имел полную информацию.

– Да, товарищ лейтенант, всего тридцать шесть человек. Сбежать успело вряд ли больше десятка, я следы посмотрел. По обочине ушли. Преследовать мы их не стали.

– Да, это правильно, молодцы, – рассеянно ответил я, наблюдая за пленными. Большинство из них были контужены и ранены, мало того, среди них затесалась редкая птица с наушниками на шее и в танковом комбинезоне. – Вот Адель приедет, ему пленных и передай. Пусть узнает пункт назначения, переводчики у меня в батарее есть.

– Хорошо, товарищ лейтенант.

Пока они с Богдановым проводили повторный обыск пленных – мало ли что у них там поназапрятано – я посмотрел в сторону уничтоженной колонны. К чающим танкам батарейцы боялись подойти, вдруг рванут, но вот более-менее целые грузовики были тщательно обысканы. Все добытое складировали на кусок брезента, снятого с одного из трофейных грузовиков. Иванов, по моему приказу, осматривал трофейные «эрликоны» на предмет присвоения, Сазанов с тремя орудиями стерег нас от налета, Андреев с Непейбородой командовали трофейщиками. В общем, все были при деле, вот только Адель задерживался, а это тревожило.

В это время раздались возмущенные крики, и у одного из осевших на правый бок грузовиков стали собираться бойцы, что-то разглядывая внутри. Туда же поспешила Медведева после перевязки раненых – некоторым расчетам досталось близкими осколками, повезло, что погибших не было.

– А ну, разойдись! – рявкнул я. Бойцы дали мне возможность подойти к борту и заглянуть внутрь. Как и бойцам, увиденное мне не понравилось. Кроме двух немцев, сидевших у борта, там было еще несколько девочек в изорванной красноармейской форме.

– Пропустите, – велела Медведева.

Бойцы посадили ее.

Через пять минут осмотра она вынесла вердикт. Все в кузове погибли от пулеметного огня и подрыва близкого заряда. Случайность, никто о них не знал, да и разведчики не докладывали о пленниках.

– Девушек, прежде чем похоронить, показать нашему особисту, пусть составит доклад командованию о зверствах немцев. Выполнять!

Бойцы тут же засуетились. Двое полезли в кузов, другие стали ждать, чтобы перенести погибших от наших пуль девушек.

Когда я направил освободившегося Богданова принять меры по охране, наконец появилась машина Индуашвили. Более того, ее сопровождали двое мотоциклистов в пограничных фуражках. Это были хорошие трофеи, теперь нам было что отправлять в разведку, а то после прошлого боя все захваченные мотоциклы оказались в виде блинов. Танкисты подавили.

Обдав меня пылью, машина встала рядом. Выскочивший с пассажирского места Адель белозубо скалился покрытым пылью лицом.

– Докладывай, – я тоже невольно улыбнулся, хотя улыбаться особо не хотелось.

– Расколошматили мы их в прах! Эти счетверенные пулеметы – просто сила! Бронетранспортер сгорел, один мотоцикл получил повреждения. А седоки попрыгали на обочину, бросив технику. Ну, мы там их и добили.

– Задержались из-за этого?

– Да. Пока трофеи собрали, пока дорогу освободили.

– Понятно. Мотоциклы нужно отдать Бутову, пусть сформирует экипажи и вышлет разведку в обе стороны дороги.

– Я сделаю, – кивнул Адель.

– Нет. Пусть Бутов работает, у тебя своя задача. Вон сколько пленных. Допросить, узнать, куда и зачем направлялись. Там есть один выживший офицер, начни с него. Но сначала сходи составь рапорт о гибели девушек. Это вон там, где бойцы копают. Непейборода в одной из машин обнаружил чемодан фотографа с самим аппаратом, попробуй все фотозадокументировать.

– Хорошо.

В течение часа мы активно работали, пытаясь переварить трофеи и подготовить батарею к выходу. Нам достались двадцать три МГ, тридцать семь автоматов (карабины мы не брали). Три восьмидесятимиллиметровых миномета с запасом мин штук по сорок к каждому ушли под командование Смелову. Он начал формировать минометную батарею. В данный момент ефрейтор с радостно-шалым лицом, скинув обмотки, подбирал по своей ноге сапоги из трофеев. Также были две тридцатисемимиллиметровые противотанковые пушки с запасом снарядов и, наконец, одна работоспособная двуствольная зенитка «эрликон» на колесном ходу. Остальные оказались повреждены взрывами и к использованию не годились. Зато боеприпасов к ним было много.

– Вот, товарищ лейтенант. Подарок. Нашел у одного унтера, – протянул мне настоящий эсэсовский кинжал Непейборода.

– Что за унтер? – удивился я, принимая подарок.

– Не знаю. Немец как немец. Форма вроде обычная, только в петлице в одной две молнии.

Повесив кинжал на ремень, я проверил, как выходит клинок из ножен, и, немного поиграв с ним, убрал обратно. Бойцы знали о моей тяге к холодному оружию и всегда подносили подарки, снятые с немцев. У меня в сидоре уже скопилось штук восемь клинков разных моделей.

Закончив заполнять журнал боевых действий, я задумался, куда приткнуть трофей. После недолгих размышлений решил усилить «эрликоном» взвод Иванова, пусть с ней осваивается и ищет расчет. Хотя искать тут не надо. Пятеро из стрелков Богданова были из нашего

дивизиона. Мест для них не было. Вот я и оставил их стрелками, держа в качестве резерва. Да и «нахлебники» в количестве три человек – остальных прибрал Смелов в формирующуюся минометную батарею – могли пригодиться.

Теперь по трофейной технике. Всего три грузовика из двадцати двух могли двигаться, правда, водителям пришлось поменять у них простреленные баллоны, благо было где снять. Поэтому, загрузив в два грузовика боеприпасы к «эрликонам», прицепили к одному уцелевшую зенитку, к другому – одну из пушек и отогнали их к формирующейся колонне. Третий огромный грузовик с освобожденным кузовом ушел Смелову – для минометов и расчетов. Надо бы еще одну им машину, но больше просто не было. Мины распихали по машинам обеспечения.

Еще одна проблема была в том, что техники, чтобы вывезти все, что мы насобирали, не хватало. Обдумывая эту патовую ситуацию, я услышал приближающиеся шаги.

– Чего задумался? – спросил меня Адель, раскатывая рукава френча.

– Трофеев полно, а вывозить нечем.

– А что не так? Пушки, я вижу, прицепили, зенитку эту двуствольную тоже. Хотя, конечно, забавно: зенитка тащит на прицепе пушку, – кивком указал он на машину Андреева, к которой был прицеплена одна из противотанковых пушек.

– Да все не так. В принципе, все трофеи мы загрузили, только теперь людей сажать некуда. Понимаешь? Мы даже огонь открыть не можем, так перегрузились, расчеты свои места занять не смогут. Только Индуашвили на роль защиты, да и то не факт. Вот старшина бегают, суетится, значит, что-то еще нашел.

– Действительно проблема, – согласился Адель.

– Да ладно, придумаем что-нибудь. Что там с пленными? – увел я разговор в сторону.

– Офицер сказал, что автомобильный мост уничтожен охраной, а вот железнодорожный действительно захвачен диверсантами в нашей форме.

– «Бранденбург-восемьсот», – кивнул я.

– Ты откуда знаешь, это же секретная информация?! Я ее только что от немца узнал! – тут же накинулся на меня пограничник.

– Ой ли секретная? Думаешь, ты первого немца в плен взял? Все уже всё знают.

– Да? Ну ладно. Так вот, чтобы не привлекать к себе внимания, они изображают из себя перебитую охрану, пропуская наши колонны. У них в этом случае есть шанс удержать мост.

– Много их?

– Гауптман сказал, на двух ЗИСах были.

– От сорока до пятидесяти. Хм. Если засядут в дотах и бункерах, то замучаешься выковыривать.

– Есть идеи?

– Если они пропускают вырывающиеся из колесика части, то под их видом подъезжаем – и в рукопашную, другого плана нет. Вряд ли они этого ждут.

Адель захохотал.

– Ты чего? – удивился я.

– Именно так они и захватили мост. Просто подъехали и атаковали.

– Да? – я задумался. – Если они так сделали, то охрана не могла сдать без боя. Думаю, их осталось человек тридцать, а то и меньше.

– А они нас не заподозрят? Все-таки трофеев полно.

– Не-е, когда заподозрят, поздно будут. Ты лучше собери всех командиров, буду ставить задачу.

– Ага.

– Кстати, а что там с девушками?

– Офицер сказал, что им машина повстречалась с ними, да вот решили бордель сделать. Три девушки успели покончить с собой.

– М-да, жуть.

– Это точно.

– Ты все зафиксировал?

– А то! Кстати, в колонне еще два целых фотоаппарата нашли и чемоданчик с аппаратурой для проявки и печати фотографий. Один аппарат и чемоданчик я себе забрал. Они мне пригодятся. Я уже начал делать снимки колонны и погибших девушек для подтверждения.

– Гольдберга возьми, он работал в фотоателье до войны, – подсказал я.

– Да? Сейчас к нему схожу.

Проводив Аделя взглядом, я снова задумался, разглядывая машины. Блин, куда сажать людей?!

Практически в это же время донесся крик наблюдателя:

– Пыль с запада!

Наблюдатели уже четырежды сообщали об опасности, но это были немецкие самолеты. Трижды они проходили на большой высоте, и лишь однажды нами заинтересовался одинокий «мессер», крутившийся вокруг дымившей колонны, пока не снизился и не получил в бок от замаскированной зенитки Индуашвили. Остальные у нас стрелять не могли. Если только «эрликон», но расчет лишь начал с ним осваиваться, так что в прикрытии у нас были только «максимы». Да ладно. «Мессер» получил очередь в бок да, задымив, ушел на бреющем. Может, и упал где, кто его знает? Однако в этот раз наблюдатели сообщили о пыли, значит, кто-то движется по дороге со стороны границы.

Скомандовав занять круговую оборону, я побежал к наблюдателю, слыша за спиной топот Аделя.

Подняв свой бинокль, присмотрелся к точкам и столбам пыли за ними.

– Наши, – известил я всех присутствующих.

– Да, впереди наш патрульный мотоцикл, что мы отправляли осмотреться, за ним автобус. Дальше пыль сплошная, не видно ни черта, – пробормотал, подведя резкость у своего бинокля, Адель. Благодаря колонне, теперь у всех командиров они были. У домовитого Непейбороды даже три.

– Похоже, встретили кого-то и ведут к нам. Но все равно пусть бойцы занимают позиции, мало ли что?

Обернувшись, я посмотрел на сразу опустевшую низину. До этого тут носилось два десятка бойцов, что-то перетаскивая или помогая разгружать, теперь же пустота. Да тела убитых немцев, разбросанные по обочине. Их не стали хоронить, просто оттащили в сторону, чтобы не спотыкаться.

Через минуту, когда небольшая колонна приблизилась, стало ясно, что кроме автобуса там еще присутствовала полупортка с закрытым кузовом, что заставило меня радостно подпрыгнуть. Техника мне была нужна.

Как только колонна остановилась рядом с нами, обдав пылью, я взмахом руки велел сидевшему в люлке у пулемета бойцу докладывать.

– Товарищ командир, во время патрулирования были встречены артисты театра. Они прятались в роще. Когда мы их обнаружили, попросились к нам.

– Ясно, свободны. Колонна сформирована, вы назначаетесь в головной дозор. Свободны.

– Есть, – козырнул мотоциклист. Взревев мотором, мотоцикл скатился в низину и взлетел наверх на другом конце, где уже стояла наша колонна, ожидая отправления.

Как только мотоцикл тронулся, я осмотрел автобус. Без сомнения, он принадлежал какому-то предприятию. Водитель не убрал с лобового стекла знак «Вахта», да и цвет был

желтым. Та же «эмка», принадлежавшая ранее секретарю обкома (я нашел бумаги в бардачке), была черной.

Подойдя к закрытой двери, я постучал и, как только ее открыл невысокий живчик хрущевского вида, бросил внутрь:

– С документами на выход.

Сделав пару шагов назад, посмотрел на кабину полуторки, что стояла сзади, и взмахом руки велел водителю и пассажиру покинуть ее.

Из автобуса вышли восемь человек, к ним присоединились двое из полуторки. Чуть позже – водитель автобуса, да и то только после моего окрика. Среди явных гражданских выделялись двое в военной форме. Один младший политрук, совсем еще молодой парень, другой гэбист. То есть старший лейтенант госбезопасности, это судя по двум шпалам в каждой петлице да по малиновому околышку фуражки.

– Лейтенант, не много на себя берешь? – так и оставшись стоять у дверей, начал наезжать недомайор.

– Я в своем праве. Встать в строй, а не то прикажу бойцу стрелять прикладом, – хмуро бросил я. Сзади послышался смехок страхующего меня Аделя.

Поиграв желваками, старлей подошел к неровной шеренге из гражданских и политрука. Тот стоял молча, не возникая. Молодец, сечет ситуацию, вон как зыркает на уничтоженных немцев, разглядывая трупы.

Гэбист мне не понравился, что-то с его глазами было не так, поэтому я начал с другой стороны строя. Проверив водителя и пассажира полуторки, отпустил их, после чего велел съехать в низину и поступить в распоряжение старшины Непейбороды, но предварительно проверил, что в кузове машины. Ну, музыкальные инструменты и актерские костюмы можно еще найти, а нам боеприпасы грузить некуда. Ничего, старшина разберется.

Следующей была молодая женщина. Или девушка. Изучив ее документы, велел:

– Откройте лицо.

У девушки была широкополая шляпа с вуалью. Когда некая Ольга Лопарева, как написано в документах, откинула вуаль, Адель за спиной восхищенно ахнул. Он, видимо, ее сразу узнал.

– Это же Лопарева! – тихим шепотом известил он меня. Проверив документы, я подтвердил, что да, она и есть.

– Ты что, ее не узнал?! – изумленно спросил пограничник.

Девушка наши переговоры слушала с невозмутимым лицом, видимо, привыкла.

– А что, должен был? – логично спросил я, изучая девушку. Кроме роскошной фигуры, которую обтягивало белое платье в горошек, показывая все линии превосходного тела, я стал рассматривать и лицо. Актриса, судя по нескольким локонам, свисающим у висков, была блондинкой. Большие глаза, с некоторым превосходством и легкой усталостью смотревшие на меня, правильные черты лица. Прямой красивый нос, чувственные губы. Все это показывало, что передо мной красавица всесоюзного масштаба. А судя по реакции Аделя, так оно и было. В общем, девчонка была в моем вкусе.

– Это же прима Малого театра! Да она даже в кино снималась!

– Да? – почесав рассеянно шею, я вернул документы со словами: – Все в порядке, можете вернуться в автобус.

Почему-то девушка не последовала моему приказу, а подойдя к склону, стала пристально изучать уничтоженную колонну немцев в низине, особенно внимательно рассматривая все еще дымящуюся технику.

Проверив остальных гражданских, я остановился около младшего политрука, бывшего, оказывается, сопровождающим артистов от политотдела округа Матвеем Руссовым. Он молча прошел проверку, видимо, понимал, что возникать ему не с руки.

Вернув ему документы, я подошел к гэбисту, который привалился спиной к борту автобуса, спокойно ожидая моего приближения.

– Документы, – требовательно протянул я руку.

Получив требуемое, я удивленно моргнул, открыв слегка потертое удостоверение. Следа скрепки не было, у Руссова был след, а у этого подозрительного гэбиста не было.

– Причина следования с артистами? – спросил я.

Проблема была в том, что мы с Аделем не обговаривали подобную ситуацию, и кодовых слов, чтобы привлечь внимание погранца, распушившего хвост рядом с Ольгой, не было. Рядом стоял только боец с трофейным автоматом на плече. Ну и еще пулеметный расчет в шестидесяти метрах дальше по склону, вот и все. Получается, что положиться я могу только на себя. А немец, было видно, тренирован. Под гимнастеркой при каждом движении так и перекачивались мускулы.

– Что-то не так? – спросил липовый гэбист, видимо, уловив мое напряжение.

– Да. Удостоверение фальшивое... – больше сказать я просто не успел, хотя хотел спросить, из бранденбуржцев он или из другого батальона – мне пришлось уходить от удара локтем.

Фальшивый Алексей Чернов сработал профессионально, однако я ожидал чего-то подобного – не зря в прошлой жизни тратил время на тренировки! ой не зря! – и, извернувшись и еще больше сократив дистанцию, ударил лбом в переносицу. После чего сначала достал на мгновение «поплывшего» диверсанта левой в печень, сразу же выдал серию по корпусу и кувырком, оттолкнувшись от борта автобуса, ушел назад. Диверсант, прижавшись спиной к борту автобуса, медленно сползал на землю.

– Не надо, – остановил я Аделя, выхватившего ТТ из кобуры, и бойца, наконец скинувшего с плеча автомат. – Я ему печень порвал. Ему минут десять осталось.

– Что произошло? – спросил Адель.

– Немецкий диверсант собственной персоной. Понял, что я расколол его, и атаковал.

В это время немец, не удержавшись на ногах, плюхнулся на задницу и закашлялся, выхаркивая кровь.

– Понятно. А то я, если честно, просто сообразить не успел. Извини, – убирая пистолет обратно, виновато опустил голову погранец.

Девушка почему-то смотрела не на фрица, а на меня, пристально изучая, как я поправляю амуницию после драки.

Ждать, когда немец или кто он там гикнется, я не собирался. Достав из кобуры ТТ, спокойно подошел и выстрелил ему в грудь.

– Что вы делаете, он же раненый! – вскричала Лопарева. Ее, видимо, поразило, что я вот так хладнокровно пристрелил человека.

Заглянув в автобус, я велел ехать к колонне – там скажут, куда встать – а сам, подойдя к девушке, крепко ухватил ее под локоть и повел за собой, хотя тут вернее было сказать *потащил*. Адель, ничего не говоря, шел следом. Могила для погибших девушек уже была готова, сейчас они лежали на брезенте с восковыми лицами, у некоторых были потеки крови в ушах после контузии и там, куда попали пули.

– Эти девушки ехали в один из госпиталей, но попались немцам. Представляете, что им пришлось вытерпеть за день и ночь? – жестко спросил я. Жалеть изнеженную актрису я не собирался.

– Их убили?

– Случайность, – поморщился я. – Мы не знали, что они были в одной из машин... Черт! – воскликнул я, подхватывая обмякшее тело Лопаревой.

Подскочивший Адель помог, подобрав упавшую шляпу, и я направился к автобусу, вставшему у полуторки.

Судя по всему, когда автобус подъехал к машине и распорядитель увидел, как из кузова в дорожную пыль вылетают инструменты и одежда, он остановил автобус и теперь носился вокруг Непейбороды, что-то вереща.

– В чем дело? – спросил я, подходя.

– Да эти неандертальцы... – начал было поворачивающийся к нам распорядитель, тот самый живчик, как тут же воскликнул: – Что с Ольгой?!

– В обморок упала. Держите. Ваша девка, сами с ней и возитесь, – передал артистку распорядителю. Из автобуса тут же выскочили артисты и помогли занести девушку внутрь. – Старшина, о чем шум был?

– Да артисты мешают освобождать кузов.

– Понятно. Что им надо, пусть забирают себе, инструменты могут закрепить на крыше автобуса, полуторку мы реквизируем. Заканчивай, я жду тебя у колонны.

– Есть.

Не обращая внимания на возмущенные вопли распорядителя и недовольный ропот других артистов, мы с Аделем направились к могиле. Там уже ждало два десятка бойцов с винтовками у ног.

Девчонки только недавно надели форму, но похороны мы провели со всеми воинскими почестями. Даже с троекратным залпом, причем по живым немцам. Оставлять пленных я не собирался. Сказав речь и дождавшись, когда отзвучат залпы, я обернулся и едва не налетел на бледную Лопареву, которую поддерживала одна из артисток.

– Извините, это было страшно – смотреть на мертвых девчат.

– Бывает... – пробормотал я и тут же крикнул одному из взводных: – Иванов, командуй бойцами! Начало движения колонны ровно в десять. То есть через восемь минут.

– Есть!

– По машинам! – скомандовал я.

Через несколько минут увеличившаяся на две машины колонна двинулась в сторону моста.

– Как настоящие. Смотри, даже машину остановили для проверки, – продолжая наблюдать за мостом, сказал Адель.

– Вижу. Меня вот интересует, куда они свои машины дели и тела охраны.

Мы втроем уже минут двадцать наблюдали за немцами, пропускавшими через мост десяток машин с пушками. Видимо, какую-то артиллерийская часть.

– Может, в реку сбросили? Течение тут неслабое, – негромко предположил Бутов.

– Вряд ли, подставиться этим можно. Скорее всего, отнесли в сторону и бросили. А грузовики спрятали вон в том кустарнике. Он высокий и большой, там самое место.

– Может быть.

Пока мы наблюдали, взводные в километре позади нас освобождали машины от лишнего груза и оставляли под охраной пяти бойцов трофейную технику. Мы решили не привлекать к себе внимания, пока подъезжаем к мосту.

– Артиллеристы уехали. Смотри, к мосту отделение бойцов подходит.

– Вижу.

Через пару минут, когда одиннадцать стрелков подошли к первому посту, раздался многочисленный треск, как будто рвали бумагу. Работали пулеметы и автоматы.

– Суки, что делают! – яростно воскликнул Адель. Рядом скрипел зубами Бутов.

– Большие колонны пропускают. А такие мелкие уничтожают... Теперь понятно, куда они дели тела охраны, в кустах они, – пробормотал я, наблюдая, как шесть диверсантов в нашей форме по очереди уносят тела погибших в кусты и прячут их там.

Рядом продолжал яростно материться Адель, высказывая все, что он думает о немцах и что с ними сделает.

– Ладно. Что надо, мы увидели. Наши уже должны были закончить с техникой. Нечего время тянуть.

Вернувшись к колонне, мы быстро описали происшедшее, вызвав волну ярости и злости у бойцов. Прежде чем залезть в кабину передовой машины, я бросил взгляд назад, где у автобуса стояла тонкая фигура девушки.

– Поехали!

Через десять минут, двигаясь вдоль полотна железной дороги, мы подъехали к переезду и первому посту. Проблема была не в этом, а в том, что по пути к нам подсоединилась какая-то штабная колонна, выехавшая из-за небольшой рощицы. То, что штабная, точно – там было штук шесть «эмок», пара грузовиков и два броневика охранения. Именно они меня и напрягли. Могут вмешаться, увидев, как русские убивают как бы русских. Надеюсь, Адель, ехавший на замыкающей машине, сориентируется вовремя.

Причем водитель головной «эмки» попытался вклиниться в нашу колонну, но водилы были строго проинструктированы и не дали этого сделать.

– Стой! – подняв руку, остановил нас невысокий крепыш в форме старшего сержанта НКВД. – Документы.

Посмотрев, как от дота к нам направляется капитан НКВД, я достал из нагрудного кармана удостоверение и протянул его сержанту. Тот, изучив его, передал подошедшему капитану.

– Почему отступаете? – спросил он.

– По приказу, – ответил я, протягивая приказ.

– Все в порядке, лейтенант. Можете следовать дальше, – вернув бумаги, сказал капитан. Бумаги у меня действительно были в порядке.

Хлопнув по плечу Вятку, тискавшего одной рукой немецкий автомат, которыми мы вооружили всех водил, я велел ему трогаться.

Покачиваясь на шпалах и рельсах, мы въехали на деревянный настил моста.

– Уф-ф, товарищ лейтенант, я уж думал, все, сейчас стрельба начнется, – наконец выдохнул водитель. Посмотрев, как по вискам у него катятся капли пота, я только покачал головой. Выдержки у бойца не было, ладно хоть не спалил нас.

– Приготовься, как начну стрелять, даешь по газам.

– Хорошо, – вытирая пот со лба, кивнул тот.

Когда до конца моста осталось двадцать метров, а сбоку показалась бетонная конструкция дота, я свистнул и, открыв дверцу, прыгнул на настил, выстрелив в часового с винтовкой на плече, стоявшего у дверей дота. Почти сразу посыпались бойцы из кузова, а «газик», взревев двигателем, рванул вперед, освобождая дорогу для других машин.

Под прикрытием бойцов, ведущих огонь по зенитному окопу с ДШК, находившемуся метрах в сорока дальше, я быстро перелез через перила и ухнул под мост. Гранаты, засунутые за пояс, пребольно врезались в бок при падении, но я не обращал на это никакого внимания. Быстро добравшись до ближайшей амбразуры, заглянул и, отшатнувшись, достал первую колотушку. То, что в этом бункере диверсанты держали своих раненых и радиста, меня нисколько не беспокоило, поэтому, по очереди выдернув запальные шнуры, кинул их в амбразуру. Раздавшиеся крики заглушили разрывы гранат.

– Гранаты сюда! – крикнул я, подсакивая к двери дота. Безрезультатно подергав ее, развернулся, подхватил две переброшенные мне гранаты и побежал вокруг. С другой стороны из амбразуры бил пулемет вдоль моста. Пользуясь тем, что пехотного прикрытия не было, я добрался до амбразуры вместе с одним из бойцов и начал кидать внутрь гранаты, боец тоже швырнул одну. В это же время я почувствовал, что что-то дернуло меня в районе живота.

В принципе на этом бой и закончился. Нас было просто тупо больше, почти в три раза, поэтому и задавили их сосредоточенным огнем. Благо автоматического оружия было много.

– Осмотреться, раненых перевязать и ожидать Медведеву. Добить немцев, одного мне на допрос! – сразу же стал я отдавать приказы.

Пока некоторые бойцы пытались вскрыть бронированную дверь одного из дотов, а другие осматривали тела диверсантов, я поднялся на насыпь.

Достав из-за пояса ракетницу, пустил в небо зеленую ракету – других у меня не было. Это было сигналом, что захват моста удался и оставшимся можно выдвигаться.

Убрав ракетницу за пояс, я заспешил на другой берег, где все также стояла неизвестная колонна, у головной машины которой Адель разговаривал с двумя командирами. Кроме этого, с последнего грузовика подбежал десяток красноармейцев, взяв на прицел не только пограничника, но и моих бойцов. Мне это сильно не понравилось, поэтому я ускорил ход, шепнув попавшемуся на пути Сазанову, чтобы наши зенитки навел на неизвестных.

Подойдя ближе, понял, что какой-то полковник и военюрист давят на Аделя своими званиями.

– В чем дело, кто такие? – громко спросил я, подходя ближе.

– Представьтесь, лейтенант, – тут же набычившись, повернулся ко мне полковник. Судя по холеной наглой роже, штабист.

– Командир зенитной батареи лейтенант Фролов, ваши документы, – потребовал я.

Полковник аж покраснел от такой наглости.

– Да как ты смеешь?! – начал он орать, брызгая слюной. – У нас штаб корпуса!

– Ну и что? – спросил я и повторил: – Документы. В случае неподчинения батарея откроет огонь по вашей колонне на поражение, – показал я себе за спину, где на другом берегу в линейку выстроились шесть боевых машин с направленными в нашу сторону стволами. Выглядывающий из башенки броневику танкист покрутил головой и скрылся внутри.

– Ты за это поплатишься еще, – прохрипел полковник, пытаясь расстегнуть ворот френча.

В отличие от него я был совершенно спокоен:

– Я в своем праве.

– А вы знаете, лейтенант, что то, что вы сейчас сделали – это воинское преступление? – вдруг подал голос стоявший до этого молча военюрист.

– Адель, это точно немцы, – насмешливо обратился я к погранцу. – Они выдали себя тем, что для них неприятно уничтожение своих собратьев. И этот, – я кивнул на военюриста, – точно ряженный.

– Вы не так меня поняли, – перейдя на вы, поморщился военюрист. – Я про то, что вы добивали раненых врагов.

– Как военюрист, вы обязаны знать, что правила обращения с военнопленными не распространяются на диверсантов, захваченных в чужой форме и с оружием в руках. А кроме того... Адель, проводи его в кусты. В те самые.

– Хорошо. Товарищ военюрист первого ранга, попрошу проследовать за мной.

– Документы, – жестко произнес я.

– Да я тебя сгною, – продолжал хрипеть полковник, но удостоверение из кармана достал.

– Ну что, товарищ лейтенант, нам по ним уже можно открыть огонь?! – крикнул с того берега Сазанов в рупор, видимо, найденный в доте. Он мою игру понял и поддержал ее.

– Подожди пока, еще не все ясно! Подозрительные они сильно! – крикнул я в ответ. Речка тут была не сильно широкая, и перекрикиваться было возможно.

– Товарищ лейтенант, вы в сторону отойдите, а то мы вас зацепим!

Предложение взводного показалось мне логичным, поэтому я отошел с линии огня на десять метров в сторону, продолжая изучать документы.

В это время меня окликнули из стоявшей второй «эмки»:

– Лейтенант, подойдите!

Подойдя, я увидел сидевшего внутри генерала. Теперь стало понятно, почему он не выходит – нога была замотана окровавленными бинтами.

– Товарищ генерал-майор, командир третьей батареи отдельного зенитного дивизиона лейтенант Фролов. При отходе по приказу исполняющего обязанности комдива, после уничтожения батареей мотопехотного батальона полного штата, узнал от пленных, что мост захвачен немецкими диверсантами. После чего решил отбить его обратно. Бой только что закончился, диверсанты уничтожены.

– Молодцы. Пока нет охраны, примите на себя эту функцию, – слабым голосом приказал генерал.

– Есть, – козырнул я.

– Свободны.

Я вернулся к продолжавшему стоять у первой машины полковнику.

– Документы в порядке, можете следовать дальше.

Молча забрав документы, полковник сел в третью машину, и колонна тут же тронулась, по пути подхватив военюриста.

– Ну и как ему? – спросил я подходившего улыбающегося Аделя.

– Проблевался знатно. Там почти сотня наших в кустах лежит. Равномерно так. Рядами. Аккуратисты, мля.

– Да, дела. Ладно, раз охраны у моста нет, возьмем на себя это дело, пока не прибудет нормальная охрана. Я займусь прикрытием с воздуха, а ты подтяни стрелков, чтобы занимали окопы и доты.

– Хоронить будем? – кивком указав на кусты, спросил он.

– Конечно. Я отряжу Непейбороду... О, кстати, наши едут.

– Закончили? – спросил я пробежавшего мимо Иванова. Он в бою за мост был ранен ножом в руку, поэтому носил ее на привязи. Командовать она не мешала.

– Не все, пока только три зенитки закопали, считая «эрликон». Сейчас люди с похорон вернутся, быстрее дело пойдет.

В двух километрах от моста, уже на нашем берегу, был небольшой лес размером километр на километр, там я и расположил тылы, оставив в охране взвод Андреева и отделение бойцов. Остальные закапывались у моста, опять-таки только с этой стороны. Вдруг мост повредят, как они переправятся? Теперь выяснилось, что за четыре часа не подготовлен капонир только для одного орудия. Ничего, до темноты успеют.

По крайней мере в этой ситуации радовало одно – немецкие самолеты пролетали мимо. Они явно получили приказ не атаковать мост.

Вернувшись в дот, уже вычищенный и помытый бойцами, я сел за выщербленный осколками стол и продолжил писать, не отвлекаясь на двух красноармейцев, что возились у пулемета на станке возле амбразуры. Его повредило осколками, и вот бойцы теперь думали, как его снимать и что ставить на замену.

Дот этот стоял с той стороны, с которой ожидался подход немцев, именно здесь заседал командир диверсантов, поэтому пулемет тут был очень нужен.

– МГ подойдет, – предположил один из бойцов.

– Да, тогда снимаем.

Сопя, бойцы вытащили покореженный «максим» наружу, а я продолжил заполнять боевой журнал.

Раздавшийся зуммер брошенного в угол аппарата скорее удивил меня, чем испугал. Несколько секунд я с недоумением смотрел на телефон. Потом до меня дошло. Подскочив, я снял трубку и осторожно произнес:

– У аппарата.
– Кто говорит? – требовательно спросили на том конце провода.
– Командир зенитной батареи лейтенант Фролов.
– Почему не отвечает охрана моста, где они? Вам что-нибудь известно?
– Представьтесь, я не буду разговаривать с неизвестным.
– Майор Милидзе, командир батальона железнодорожных войск.
– Товарищ майор, вся охрана моста уничтожена немецкими диверсантами. Все шестьдесят семь человек. Противник подъехал на двух ЗИСах и неожиданно атаковал. К победе привело большое количество автоматов советского производства и гранат. Однако охрана успела уничтожить две трети диверсантов. Я со своей батареей отбил мост. Пока он без охраны, по приказу генерал-майора Тамручи принял на себя эту функцию. Пропускаю через мост автоколонны и пешие подразделения. За последние четыре часа прошло одиннадцать автоколонн и восемнадцать пеших подразделений. Общей численностью до пяти тысяч человек.
– Ясно. Молодец, лейтенант. Мост подготовлен к взрыву?
– Мои саперы доложили, что немцы просто порезали провода, так что мы можем подорвать его в любой момент.
– Я пришлю к вам лейтенанта Грозных. Он будет ответственным за подрыв моста. Вам все ясно? Извини, больше людей дать не могу, большие потери.
– Ждем, товарищ майор
Осторожно положив трубку на место, я выдохнул и покрутил головой. А жизнь-то налаживается!

Через час, когда я проверил маскировку орудий, дотов, окопов и, вернувшись в дот, ел привезенный ужин, в каземат спустился запыленный Адель и плюхнулся рядом.

– Ты чего?! – удивленно спросил я его.
– Мы вернулись.
– Вижу, не слепой, – вытерев платком губы, я откинулся на спинку стула.
– Немцы дорогу перерезали. Я сам танки видел и пехоту.
– Твою мать! – покачал я головой, после чего крикнул: – Дежурный!
– Я, товарищ командир, – просунулась в дверь голова сержанта.
– Организуй для лейтенанта ужин.
– Я не один.
– Да понял я, – поморщившись, добавил бойцу: – Сообщи старшине, чтобы организовал ужин вернувшимся.

– Есть!

После захвата моста, буквально через пару часов, мы организовали колонну, куда включили машины с ранеными и автобус с артистами, дав в сопровождение машину Индуашвили и пару бойцов для прикрытия. Старшим уехал Адель для организации связи с командованием. И вот теперь узнали, что оказались в кольце.

Вспомнив о телефоне, я бросился к аппарату на столике и закрутил ручку, дуя в мембрану. Но, к сожалению, безрезультатно.

– Глухо.

– А он что, работал? – удивился Адель.

– Да, саперы провода восстановили. Ну, и эти тоже, вот со мной и связался майор Милидзе, это его часть отвечает за этот мост. Сейчас, видимо, где-то перерезали.

– Понятно. Что думаешь делать?

– Взорву мост и прикажу отходить по второстепенным дорогам, пока их не перерезали. Блин, Украина, тут лесов мало, издали все видно. И чего я в Белоруссию не поехал?.. Дежурный!

- Я, товарищ лейтенант.
- Командиров взводов и старшину ко мне через тридцать минут.
- Есть.
- Ну а ты, друг мой ситный, пока тебе ужин несут, давай показывай, где немцев видел, – расстилая на столе карту, велел я.
- Подойдя, Адель стал водить пальцем, рассматривая карту.
- У тебя нет этого квадрата.
- Да? Подожди, сейчас трофейную достану.
- Отыскав среди трофейных нужную, я расстелил уже ее.
- Вот тут вот. У этого села, на разъезде.
- В двенадцати километрах? Хм, – я задумчиво стал покусывать нижнюю губу.
- Что думаешь делать?
- Думаю... ужин принесли, поешь сперва. Да что тут думать? Рвем мост, и как стемнеет, то есть через два часа, выходим и идем по второстепенным дорогам. Эту речку вот только как преодолеть? – постучал я пальцем по квадрату на карте. – У немцев отмечены и ближайший мост, и брод. Наверняка там уже кто-то есть... Колонна, что ли, идет?
- Выскочив из дота, я увидел, что к мосту со стороны границы движется смешанная – из пеших и автомашин – колонна.
- Сазанов! Тормози их. Командира ко мне.
- Есть, – козырнул взводный.
- Вернувшись в дот, я снова засел за карту, пока Адель наворачивал кашу с подливой.
- В принципе, как кровеносная система сосудов, пронизывающая тело человека, такая же сеть дорог пробегала по полям Украины. Все их за такой короткий срок просто не могли перекрыть, значит, шанс вырваться был, и был довольно ощутимым.
- Товарищ командир, к вам товарищ майор, – предварительно постучавшись, известил дежурный.
- Пропусти, – велел я.
- В каземат дота вошел статный майор с летными петлицами.
- Лейтенант Фролов, командир зенитной батареи, временно исполняющий обязанности командира охраны моста, – встав, первым, согласно уставу, представился я.
- Майор Голубев, начальник штаба сто второго ИАП. Эвакуирую матчасть и технический состав полка.
- Не обрадую вас, товарищ майор. Мой особист лейтенант Самакаев пытался уехать в тыл, да наткнулся на немцев. Видел лично несколько танков и до взвода пехоты. Параллельная дорога тоже была перекрыта.
- Что же делать? – немного растерялся майор.
- Думаем. У нас есть трофейная карта, она более точная, лучше даже, чем наши, поэтому будем смотреть по ней. Мы решили прорываться по второстепенным дорогам через вот этот брод. Место глухое, деревень рядом нет. Думаю, сможем вырваться из колечка. Вы с нами или сами по себе, товарищ майор?
- Когда вы собираетесь выдвигаться?
- Через три часа ориентировочно, когда стемнеет. Точно пока не скажу. Нам еще мост подрывать.
- Тогда мы сами. Должны понимать. Мы торопимся, а для охраны у нас взвод охраны аэродрома, да и техники вооружены.
- Понятно. Было бы предложено.
- Я кроки перерисую?
- Не стоит, у меня несколько таких карт. Вот, держите. Она немного подгорела с краю, но вам этот угол уже не нужен.

– Спасибо, лейтенант.

После ухода майора я доел свой холодный ужин и, сделав пару глотков остывшего чая, занялся составлением плана.

Когда собрались все командиры, которых я вызвал, через мост прошла еще одна крупная колонна. При опросе и проверке документов узнали, что это были остатки стрелковой дивизии. Потом было еще пять мелких групп. Их мы пропускали со всеми предосторожностями, вспомнив, как брали мост диверсанты и мы сами. Не забывали также предупреждать проходящих, что дорога перерезана немцами.

– Товарищи командиры, присаживайтесь, – указал я на лавки, когда взводные толпой ввалились в дот. – Теперь слушаем меня. Я так понимаю, вы уже знаете о том, что мы отрезаны от своих?.. Да и водителям я дал возможность выспаться и отдохнуть именно поэтому. Теперь о том, что мы будем делать. Вы, товарищ младший сержант, подготавливаете мост к подрыву. Как у вас с этим делом?

– Так подсоединить подрывную машинку – и можно взрывать, – степенно погладив усы, ответил тридцатилетний сапер из старослужащих.

– Хорошо, займитесь этим делом. Через два часа, как только стемнеет, мы уходим, но за час до этого мост должен быть взорван. Это приказ.

– Есть.

– Теперь по отходу. Уйдем в степи, где нет главных дорог, рек, а есть только глухие деревушки. Пересечь нам предстоит шесть оврагов, две речки. У обеих есть броды, и мы пойдем через них. Это все. Через два часа уходим. Приготовить технику к движению. Старшине Богданову продолжать нести охранную службу до подрыва моста. Все свободны, кроме старшины Непейбороды.

Как только командиры вышли, негромко переговариваясь, я велел старшине подсесть ближе и спросил:

– Что у нас с техникой и топливом?

– Топливозаправщик и баки машин полные. Вы были правы, товарищ лейтенант, на той МТС были запасы топлива. Мы даже две бочки с дизтопливом прихватили на всякий случай. Правда, с танкистами чуть не подрались, они там тоже заправлялись, но все уладилось миром. У них всего три танка было. По машинам – те два трофейных ЗИСа сняли с нас часть проблем по перевозке грузов. Все уже распределено, мы в любой момент готовы выдвинуться по вашему приказу. По транспорту для ДШК пока ничего сказать не могу, подождем, когда вернется Бутов. Осталось только скатать маскировочные сети и собрать колонну.

– С продовольствием как?

– Пока есть, но всего на три дня полной нормы. На МТС был склад гречки, мы по расписке выкупили шесть мешков. Больше нам не продали, деревенские себе оставили.

– Хорошо. Сейчас возвращайтесь в лес и готовьтесь к выдвигению. Тронемся в двадцать два часа тридцать минут.

– Люди устали. Некоторые, конечно, оторвали по несколько часов, но это крохи. Вторые сутки на ногах. Да и вы уже уставший, глаза покраснели.

– Знаю. Отойдем километров на двадцать, дам батарее сутки отдыху. Все, свободен.

– Есть, разрешите выполнять?

– Давай... Хотя подождите. Озаботьтесь запасами воды. На всякий случай.

– Есть, – козырнув, старшина вышел.

– Ну что, пошли мост взрывать? – спросил сидевший тихо Адель.

– Подожди, я три часа назад Бутова отправил на разведку и транспорт брошенный поискать, скоро должен вернуться. Да и торопиться нам не следует. У меня есть дополнительный план.

– Выкладывай.

– Немцев сзади нас не так много. Обойдем, это не проблема. Но вот нанести им потери хотелось бы. Понимаешь, когда мы взорвем мост, у них останется единственная возможность переправиться на наш берег только вот у этого брода, – показал я на карте.

– Ты хочешь их там подстеречь?

– Ну да. Понятное дело, что там будет только передовой отряд, но хоть их потреплем. Остальные понтонные мосты наведут, но этих мы точно прихлопнем.

– А что? Мне нравится. По крайней мере прежде все твои идеи и разработанные планы были удачными. Посмотрим, как тут будет.

– Товарищ лейтенант, разведка вернулась, – показался в дверном проеме дежурный.

– Хорошо. Они одни или с трофеями?

– Кроме полуторки, на которой они уезжали, еще четыре машины.

– Отлично, технику на ту сторону, Бутова ко мне. Передай Индуашвили приказ, чтобы отобрал из той техники, что пригнали разведчики, две машины и занялся установкой ДШК. Будет наш грузин теперь командовать взводом зенитных пулеметов на трех машинах.

– Есть.

Через пару минут в дот ввалился усталый, пропыленный пограничник. Кроме машины я ему выделил пять водителей из стрелков, а также три двадцатилитровые канистры с топливом, приказав во время разведки найти и прибрать брошенную советскую технику. Ее на дороге много было, редко где сломалась, чаще брошены из-за отсутствия топлива.

– Извини, сержант, надо бы тебе дать отдохнуть, но мы отрезаны от своих, севернее немцы прорвались и оказались у нас за спиной. Поэтому я высылаю два разведывательных дозора. Подойди ближе. Один дозор к этому броду. Нужно там осмотреться и определить позиции для возможной засады. Второй вот сюда, до перекрестка и до вот этой деревушки. Ее никак не обойдешь без серьезного расхода горючего, придется проезжать через нее. Дозор доедет, осмотрится, и если все в порядке, пусть ожидает нас там, заодно посторожит ее.

– Ясно, товарищ лейтенант. Тогда к деревне я Лугового отправлю, а сам к броду скатаюсь.

– Хорошо, возьми у старшины запасы топлива, трехдневный сухпай и немедленно выезжай. Теперь по технике, что ты там пригнал?

– Один пустой ЗИС вроде тех, что мы у диверсантов забрали, и три полуторки. Две были пустыми, а вот одна полная ящиков с боеприпасами. Кто-то на дороге целое богатство бросил. Еще шестерых стрелков по дороге подобрали. Проверку они прошли.

– Что за боеприпасы?

– Винтовочные патроны.

– Хорошее приобретение, они у нас после активной стрельбы Индуашвили к концу стали подходить. Молодцы. Стрелков отправь к Богданову, сам давай, выполняй поставленную задачу.

– Разрешите идти?

– Давай.

Как только разведчик ушел, я встал, поправил гимнастерку и, подхватив со стола свой ППД, повесил его на плечо и спросил Аделя:

– Ну что? Пошли мост взрывать?

– А пошли, мне самому интересно, – забрав свой автомат, вышел он следом за мной.

Советских автоматов мы захватили почти четыре десятка. Ими я вооружил только своих батарейцев – помнил, что при выходе все трофейное оружие придется сдать. Поэтому немецкие автоматы ушли разведчикам и стрелкам, которые усилились за счет присоединившихся к нам одиночек и двух мелких групп. Теперь взвод охраны у нас насчитывал пятьдесят три человека. Кроме автоматов мы захватили шесть ДП, которые тоже пошли батарейцам. Так что ППД получили все водители, командиры, начиная от нас с Аделем и командиров взводов, заканчи-

вая командирами расчетов и старшиной. Оставшиеся два десятка разошлись по расчетам, по два-три на орудие. Так что в расчетах было по три-четыре ППД, одному ДП, остальное карабины, которые я медленно менял на винтовки. У диверсантов было десятка три карабинов, трофеи от охраны и проходящих тут мелких групп. Почти на всю батарею хватило.

Железнодорожный мост стоял на двух каменных опорах, которые и были заминированы. Поэтому, когда я крутнул ручку, в воздух поднялись не только металлические фермы, но и камни из опор. Все заволокла пыль, не давая рассмотреть, что там творится. То, что мост разрушен, было понятно, но нам требовалось отметить в журнале уничтожение и засвидетельствовать его всеми командирами, что были у меня на батарее. Гольдберг, которого назначили наводчиком одного из ДШК во взвод Индуашвили, готовил фотоаппарат для засвидетельствования. Заполнял журнал Адель, я только комментировал.

– Долго же его восстанавливать будут, – пробормотал Адель, быстро работая карандашом.

– Ты подписывай давай, – велел ему. – Но ты прав, бабахнуло знатно, не думал, что они еще и насыпи с дотами минировали.

Мы стояли от моста метрах в шестистах, куда бросили полевку саперы. До нас обломки не долетали, но метрах в ста падали довольно активно.

После того как формальности были улажены, мы направились к стоявшей в трехстах метрах от нас колонне, когда там замахали руками, показывая на противоположный берег.

Обернувшись, я только застонал от досады. К мосту подходила стрелковая змея наших войск.

– На пятнадцать минут опоздали, – пробормотал стоявший рядом Иванов.

– Возвращайтесь к колонне, а я с ними поговорю.

– Я с тобой, – тут же откликнулся Адель.

– Зачем? Я не долго, жди в машине.

Подойдя ближе к берегу, я достал бинокль, разглядывая стрелков. На их лицах были отчаяние и смертельная усталость. Меня видели, поэтому, когда подошел ближе, тут же обматерили.

– Хватит гавкать! – крикнул я. – В одиннадцати километрах в той стороне есть брод! Мы будем там!

Стрелкам, конечно, можно было бы переправиться вплавь, но в том-то и дело, что с ними были телеги с ранеными и пушки на конной тяге.

Вперед вышел капитан:

– Обстановка какая?

– Немцы перерезали дорогу в двенадцати километрах позади нас! Прорвались как-то! Нужно уходить по второстепенным дорогам, пока у них мало сил и они все не перекрыли!

– Понятно!.. Эх, совсем ведь немного не успели!

– Нужно было разведку послать, чтобы предупредили нас, мы бы подождали!

– Да я уже понял, но только устали все, на одной силе воли идем!

– Потерпите немного, до брода не так далеко!

– Ладно, там встретимся!

Темнело быстро, я уже плохо видел ту сторону, поэтому, попрощавшись взмахом руки, отправился к ожидающей меня колонне.

– Давай я за руль сяду. А ты пока поспишь, – встретил меня у «эмки» Адель.

Он еще вчера забил за собой заднее сиденье машины, загрузив туда свои немногочисленные пожитки. Поэтому моими оставались только передние сиденья и багажник. Мне пока хватало.

– С чего бы это?

– Да ты на ногах едва стоишь.

Я засмеялся.

– Сам садись назад да поспи пару часиков, пока мы едем. Не волнуйся, приедем к броду, поставлю задачу Иванову с его взводом, они немного поспать успели, – и с остальными спать до утра, пока взвод Иванова оборудует позиции.

– А они успеют?

– Долговременных мы делать не будем. Старшина двести семь мешков забрал со складов МТС, вот ивановцы и будут набивать их песком да землей, потом замаскируют сетями. Для скоротечного боя хватит, а большего нам не надо. Не волнуйся, все уже продумано. Спи давай.

Когда я сел за руль своей «эмки», колонна сразу же заурчала моторами и выехала на дорогу, шедшую параллельно реке к сгоревшему мосту, тому самому, где я сел на почтовую машину, чтобы проехать в Ровно. К сожалению, дальше дороги уже не было, но мы люди не гордые – и по полю проедем. Тут всего-ничего, километров девять осталось. За пару часов доберемся.

По полю ехать тяжело нагруженным машинам было трудно, ладно хоть впереди шли три машины Индуашвили – я все-таки сделал взвод из пулеметов, поставив его командиром. Они пробивали в поле дорогу, а за ними следовали мы. С расчетами определился сам сержант, набрав из стрелков Богданова. Там же он нашел и водителей.

Когда уже должен был появиться брод, со стороны реки пару раз мигнули фонариком, отчего колонна встала. Это был условный сигнал от наших разведчиков. Дальше было просто: подсвечивая фонариками, мы с командирами подразделений определились с позициями зениток, пушек, пулеметных расчетов и стрелков, после чего, дав задание Иванову, который записывал за мной в блокнот приказы и зарисовал схему засады, я отправил всех спать, поставив третьему взводу задачу соорудить защиту для техники и людей. Благо мешков должно было хватить.

Как я дополз до машины, которую загнали в прибрежные кусты и замаскировали ветками, помнил смутно, вырубился сразу, как плюхнулся на сиденье.

Утром меня разбудил выспавшийся Бутов, сообщивший, что на той стороне поднялась пыль.

– Когда они примерно тут будут? – зевая, я попытался вылезти из машины, двигая одеревеневшими конечностями. Сзади шевелился Адель, проснувшийся от нашего разговора.

– Через полчаса, не раньше. Разведчики быстро приехали. Они их засекли в трех километрах от брода.

– Той части, что к подрыву опоздала, еще не было?

– Нет, товарищ лейтенант, видимо, где-то на ночевку встали.

– Понятно, – пробормотал я, наблюдая, как трое бойцов, раздевшись до пояса, то есть сняв штаны, толкают мотоцикл через брод. Его хорошо было видно по укатанной дороге на обоих берегах.

– Поднимайте батарею, пусть просыпаются и готовятся к бою, а я пока проинспектирую, что успел сделать Иванов.

– Так они часа два назад закончили. Спят уже. Я проверил, было несколько огрехов в маскировке, но мои парни их убрали, – сказал Бутов.

– Хорошо, сейчас определюсь, как расположена батарея, и начнем... Да и тылы надо убрать подальше. А то мало ли шальная пуля. Да еще эти артисты, чтоб их!

Отправив Бутова наблюдать за другим берегом и не обращая внимания на начавшуюся суету – вокруг бегали полуодетые сонные бойцы, кто к воде, кто по своим местам – я, спустившись к воде и умывшись, направился на позиции батареи, которая расположила свои ору-

дия в ста метрах от берега, а две зенитки – в кустах на берегу, чтобы бить в бок противнику. Машины уже загоняли на позиции, поглядывая со стороны, видно ли их. Наводчики крутили штурвалы, проверяя, как ходят стволы и секторы стрельбы. Заряжающие протирали снаряды. Две трофейные пушки стояли чуть дальше, они тоже находились правее брода, чтобы стрелять в борта техники противника вдоль вытянувшейся на дороге колонны.

– Товарищ лейтенант, не забудьте, вам на перевязку надо, – окликнула меня Медведева.

– Хорошо. Только чуть позже, сейчас просто нет времени. Кстати, что там с ранеными? – спросил я, бросив взгляд в небо. Там на километровой высоте пролетали двенадцать немецких бомбардировщиков.

– Тяжелые держатся, а легкие даже ходят.

– Ясно, все-таки присматривайте за ними.

– Медикаментов мало, немецкие медпакеты не спасают.

– Ничего, что-нибудь придумаем. Не волнуйтесь, думаю, завтра к вечеру, а то и к обеду уже будем у своих. Главное, чтобы раненые выдержали наш темп.

– Будем надеяться, – вздохнула женщина.

Завывая моторами, машины с боеприпасами, ранеными и артистами выехали из кустов и двинулись по берегу вниз по реке. Больше тут укрытий, кроме как в кустарнике на берегу, не было, чистое поле вокруг, без единого деревца, поэтому и прятали их здесь. Главное – угнать подальше, чтобы шальной пулей не зацепило.

Вспомнив, что сказала наш медик, я пощупал повязку на животе и поморщился. Тогда, в бою на мосту, меня все-таки зацепило. Ничего серьезного, борозда на весь живот, но перевязка требовалась.

Конечно, за семь часов я полностью не выспался – подняли меня в девятом часу – но в сон уже не бросало, да и мысли скакали быстрее.

Убедившись, что на берегу ничего и никого не осталось, я осмотрел брод. Берега были галечными, с наносами песка. Следы, конечно, остались от ног, но рассмотреть их можно было только вблизи. Главное, чтобы немцы не увидели наши зенитки. Еще раз окинув взглядом орудия, я побежал к окопчику, где бойцы сделали мне командный пункт рядом с «метелкой» Иванова. Так бойцы называли «эрликон», когда вчера у моста открыли огонь по разведчику. Сбить, конечно, не сбили, они эту зенитку еще не знали, но прожорливость и скорострельность машинки поражали.

– Уже пыль появилась, – известил меня Адель, когда я спрыгнул в окопчик.

– Видел, – буркнул я. – Определить уже можно, кто там?

– Танки – это точно. Когда они на холм выехали, я рассмотрел коробочки.

– Танки – это плохо, я больше пехоту ждал.

– Раньше они нам тоже попадались, но тебя же это не останавливало? – хмыкнул пограничник.

– Это да, – пробормотал я, достав наконец бинокль.

Теперь в клубах пыли я смог рассмотреть угловатые очертания танков, грузовиков и другой техники. Блестели на солнце антенны штабной машины.

– Впереди два мотоциклиста, – озвучил я, не отрываясь от окуляров.

– Видел. Как, думаешь, они будут действовать?

– Ну, если не дураки, то сперва под прикрытием основной массы войск переправятся разведчики, убедятся, что тут никого нет, потом уже и остальные. Хотя могут и нагло попереть. Наших они бьют – только треск стоит, Красную Армию даже за армию не считают. Думают, нас можно кнутом гонять. Так что ничего определенного я тут сказать не могу, посмотрим, что за части, повоевали или еще нет.

– Не останавливаются, – известил Адель, когда колонна немцев приблизилась к броду. Только у самой кромки воды встал первый танк, чуть не столкнув в реку один из мотоцик-

лов, из-за чего седоки трехколесных машины обматерили ухмыляющихся танкистов на своем языке.

– Двадцать три, двадцать четыре... Двадцать восемь танков, остальное грузовики да бензовозы. Смотри, даже пушек нет.

– Все мы не подождем, как уходить будем? – напряженно спросил Адель.

– Если подождем передние танки, то те скроют нас дымом, чуешь, ветра особо нет?

– Понял... Разведчики начинают переправляться, да еще эти повылазили.

Эти, что повылазили, были танкистами, из-за пекла они пытались охладить тела после раскаленных утроб боевых машин. Пехота хоть и выглядывала, но сидела в грузовиках. У них не было такой раздробленности и раздолбайства, как у танкистов.

– Мельченко? – тихо окликнул я командира трофейной зенитки.

– Я, товарищ командир, – донесся до меня свистящий шепот, который чуть не заглушили вопли радости немецких танкистов, барахтающихся у бережка.

– Твоя главная цель – те, что у берега и в воде, потом по кузовам, как я приказывал. Ясно?

– Да.

– Тогда работаем через десять секунд... Один, два... пять... ДЕСЯТЬ! – крикнул я, открывая огонь из ДП, который забрал у расчета Андреева. Он им пока все равно не нужен. Оба разведчика на первом мотоцикле упали, подняв брызги, когда их пересекла пулеметная очередь. Про то, что творилось на другом берегу, сложно рассказывать, все-таки это страшно – наблюдать воочию, как вместе с галькой и песком разлетаются тела, ранее бывшие живыми веселящимися людьми.

Стреляли все орудия, стреляли фактически в упор. Чуть в стороне два ДШК били зажигательными по грузовикам и бензовозам. Доставалось от них и танкам. Три точно вспыхнули от их пуль, когда загорелись канистры на броне.

Постаравшись быстро сменить диск, что получилось не сразу, опыта маловато, я продолжил вести огонь. Когда пулемет замолк, отодвинул его в сторону и осмотрелся. Противоположный берег полностью затянуло дымом, но наши зенитки все равно выпускали обойму за обоймой.

– Прекратить огонь! – закричал я и, достав из кармана свисток, стал дуть в него.

– Ты чего? – удивился Адель, ударом ладони ставя диск автомата на место.

В ответ на это я молча указал на прибрежные заросли правее, где блестя штыками бежала в атаку наша пехота, а за их спинами разворачивалась трехорудийная батарея.

– Сколько их тут, полк?

– Вряд ли, – покачал я головой. – Но два батальона точно есть. Смотри, немцы побежали... Зенитчики, не спать! Огонь по пехоте и танкам!

Пара сотен немцев, отстреливаясь, отступали в открытое поле, превращаясь для нас в прекрасные мишени. А три танка, сдавая назад, стреляли по нам. Так как теперь видели.

Взвод Иванова на левом фланге, заметив опасность, тут же принялся за один из танков, сбив у него обе гусеницы и заклинив башню, после чего переключился на другие. По пехоте как метелкой прошла трофейная зенитка. Все-таки правильно ее бойцы окрестили.

Вжавшись в землю и прикрыв голову, дождавшись, когда поднятая близким разрывом земля перестанет падать, я снова прилип к биноклю.

– Перенести огонь правее, там очаг сопротивления, – мой приказ тут же передали, и в том направлении забили шесть советских зениток.

До того как немецкая пехота смешалась с нашими стрелками в рукопашной, я отдал приказ о прекращении огня.

– Доложить потери! – понеслось по цепочке.

Перед бродом горела техника, удушливый запах доносился и до нас, особенно он был неприятным, когда примешивался смрад горелой человечины.

– Сколько? – спросил я, когда Адель плюхнулся обратно в окопчик. За ним скатился Сазанов.

Пока я наблюдал за боем, который уже, кстати, закончился нашей победой, он узнавал потери и почему молчала зенитка сержанта Дмитриева.

– Четверо наповал, восемь ранено. Двое серьезно. Орудие не пострадало, а вот расчету досталось по полной. Медведева сказала, Дмитриеву мочку уха срезало, контузия средней тяжести и осколочное ранение руки. Из всего расчета не пострадали только подноски и один из наводчиков, хотя легкие контузии и они получили. Наводчик, красноармеец Мясков, сейчас принял командование орудием. В общем, четверо убитых – это только у Дмитриева, не считая раненых. Снаряд, как я уже говорил, неудачно лег. У Ольнева один раненый, у Андреева двое. У остальных полный порядок. Перезаряжаются.

– Ясно. Раненых эвакуировать в тылы, убитых похоронить. Орудия почистить. Приготовить колонну к выдвижению. Через час уходим.

– Есть, – козырнул Сазанов и скрылся в кустарнике.

Немцы по нам успели выпустить едва ли десяток снарядов, причем не все танки, восемь как стояли без экипажей, погибших на берегу, так и стоят, но все-таки потери были. Семерых мы потеряли на мосту, правда, в основном стрелков, так теперь еще тут. По иронии судьбы у стрелков даже раненых не было, весь огонь пришелся на батарею.

В это время тылы подоспевшей так вовремя стрелковой части подошли к броду и начали переправляться.

Батарея уже снялась с позиций и стояла чуть левее, где формировалась в колонну перед отходом. Как раз подошли машины обеспечения.

Пока мы с Аделем наблюдали, как проходят мимо уставшие люди, катятся телеги с ранеными, три полковые пушки, стрелковые роты, к нам подбежал Сазанов:

– Товарищ лейтенант, батарея к выходу готова. Раненые перевязаны, проведены мелкие операции, но Михайлова говорит, что их срочно нужно госпитализировать. Для орудий осталось всего по одному боекомплекту. Повар сообщил, что у него давно все готово, когда будем завтракать?

– М-да, постреляли, – протянул я, после чего, повернувшись к взводному, приказал: – Выдвигаемся через двадцать минут. Завтракать будем через час, когда доедем до Березовки, где нас ждут разведчики. Это все, свободны.

– Есть, – козырнув, Сазанов убежал к колонне, где зенитчики внимательно наблюдали за небом. Мало ли, вдруг налет.

Простояли мы так минут десять, пока не переправилось наконец командование части. Кроме уже знакомого капитана там были подполковник с артиллерийскими эмблемами и майор. Мы быстро представились друг другу. Подполковник оказался начальником артиллерии стрелковой дивизии Прохоровым, единственным выжившим старшим командиром, принявшим командование дивизией на себя. Часть, что нам помогла, была остатками сто третьей стрелковой дивизии, а капитан Соколов – командиром одного из батальонов, сейчас исполняющим обязанности командира полка.

– Ну, молодец, лейтенант, – добродушным басом пророкотал подполковник, снимая фуражку и протирая лысину платком. – Мы их как увидели, думали, все, так тут и останемся. Силища-та какая у них была. Когда твои орудия огонь-то открыли, думал, конец батарее, а тут танки стали вспыхивать один за другим, грузовики загорелись, бензовозы. Не поделишься секретом-то?

В это время заурчал мотором один из стоявших особняком бронетранспортеров, у которого возились двое бойцов в танковых комбинезонах. Вот он дернулся, взревел и покатился в сторону брода. Похоже, подполковник решил прибрать себе некоторые трофеи.

– Так ничего сложного не было, выделил двадцать хороших стрелков с винтовками, заряженными патронами с зажигательными пулями, и приказал им стрелять по канистрам, что закреплены на танках и бронетранспортерах. А по грузовикам у меня стреляли крупнокалиберные пулеметы и орудия. Вот, кстати, у меня одна написанная мной памятка осталась. Тут все есть, даже как пехоте по самолетам огонь вести из личного оружия.

– По нашим временам – ценная вещь, – пророкотал подполковник, осторожно приняв сложенный вдвое лист бумаги. – Размножь и раздай командирам, – велел он капитану.

– Вы, товарищ подполковник, решили трофеи собирать?

– Да, к нам недавно остатки танкового батальона примкнули без матчасти. Всего пятьдесят человек, но теперь хоть танки у нас будут да бронетранспортеры. Я там видел несколько целых.

– Ясно, товарищ подполковник.

– Ты вчера Соколову что-то о прорвавшихся немцах кричал. Это правда?

– Да, товарищ подполковник, – вышел вперед стоявший рядом Адель. – Видел своими глазами.

– Ну-ка, покажите, где. Соколов, карту.

Мы с Аделем показали на карте, на каком переезде и перекрестке были немцы, и рассказали, в каком количестве

– Ясно, – что-то прикинув в уме, пробормотал Прохоров. – Значит так, лейтенант, поступаете в мое распоряжение. Задача одна: отбивать атаки с воздуха на наши части.

– Извините, товарищ подполковник, но у нас приказ отойти к своим. У нас не сопоставимы скорости и...

– Ты не охренел, лейтенант? Тебе старший по званию приказывает.

– Есть охранять дивизию с воздуха, – вытягиваясь, козырнул я.

«Твою мать, надо было свалить, когда они еще не переправились. Идиот, решил лично предупредить их о немцах в тылу. Ага, отпустит меня Прохоров после того, как видел, что мы тут устроили, держи карман шире», – мысленно ворчал я, понимая, что мои планы рухнули.

– У нас от зенитной батареи осталась одна зенитка, бери ее под свое командование.

– Есть, товарищ подполковник.

Мы с Аделем отошли к нашей батарее.

– Старшина, приказывай завтрак. Сазанов, рассредоточь орудия, с этой минуты наша задача – охранять дивизию. Вернее, то, что от нее осталось.

– Есть!.. – козырнули оба названных командира.

– Сейчас позавтракаем и пойдем смотреть, чем это нас усиливать будут. Если повезет и там есть зенитчики, будет чем пополнить расчет орудия Дмитриева, – сказал я Аделю, подходя к «эмке». – Надо вещи компактно сложить, чую, скоро отберут нашу машину.

С одной стороны, мне не нравилось идти после стольких дней свободы под чье-то командование, но с другой, были в этом и свои плюсы. Медсанбат уцелел, и сейчас Медведева с худым военврачом осматривали наших раненых. Танкистов из взвода Богданова у нас забрали, как и связистов, и саперов, уменьшив взвод до тридцати человек. Приходил старший лейтенант из противотанкового дивизиона, в котором после отступления осталась одна сорокапятка. Они забрал обе трофейные противотанковые пушки со всем запасом снарядов, хотели еще расчеты, но тут уже я уперся. Приходили минометчики, лишив нас пяти минометов и мин. Расчеты я тоже не отдал. Ладно хоть пограницы, после беседы с особистом дивизии, остались со мной. Правда, старшина наш батарейный был в бешенстве от присоединения: мало того что почти все продукты забрали – люди в дивизии не ели вторые сутки и наблюдали за нашим завтраком *такими* глазами!.. – так еще и горючее выгребли.

После завтрака, убрав помытые котелки в машину и посадив Аделя заполнять журнал, я пошел принимать пополнение. Зениткой оказалась та же система, что и у Индуашвили –

счетверенные «максимы», только установленные на телеге. Вернее, перевозили их на телеге, а для стрельбы устанавливали на землю.

Как только телега с пулеметами, боеприпасами и сопровождающими их бойцами переправилась через брод и подъехала к нам, вперед вышел худощавый лейтенант лет двадцати пяти.

– Командир зенитной батареи сто третьей стрелковой дивизии лейтенант Майоров. Александр, – козырнув, представился он.

– Командир третьей батареи отдельного зенитного дивизиона лейтенант Фролов, – ответил я. – Доложите, что у вас с матчастью, людьми и боеприпасами.

– От батареи осталась одна пулеметная установка под командованием старшего сержанта Семенова. После уничтожения других расчетов выжило, вернее, уцелело восемь человек. Боеприпасов осталось четыре ящика, на двадцать минут боя. Это все, товарищ лейтенант.

– Ясно, – я на миг задумался. – С вашим приходом я реформирую свою батарею в дивизион, а то он уж больно разросся. Вы назначаетесь начальником штаба дивизиона. Пройдемте со мной, поговорим о штате. Своих отправьте к кухне, пусть их покормят.

– Хорошо, – повернувшись к своим подчиненным, Майоров отправил их завтракать. Люди были явно голодны и с радостью подчинились приказу.

Пока дивизия переваривала трофеи под нашим воздушным прикрытием, мы с Аделем и Майоровым, с разрешения подполковника Прохорова, формировали дивизион.

Командиром первой батареи из четырех орудий я назначил младшего лейтенанта Сазанова. В нее входили орудия его бывшего взвода, который принял старший сержант Молчунов, и взвод Андреева, оставшегося на той же должности. Вторая батарея, на которую я поставил командовать младшего лейтенанта Иванова, состояла из двух тридцатисемимиллиметровых орудий под командованием старшего сержанта Васюты и двух «эрликонов» второго взвода под командованием сержанта Ольнева. Один «эрликон» был наш, второй подарили танкисты, обнаружив две скорострелки в конце колонны. Одна из пушек получила повреждения, ее там и бросили, а вторую перегнали вместе с грузовиками с боеприпасами нам. Все это пошло во вторую батарею, к Иванову.

Третью батарею, пулеметную, принял младший сержант Индуашвили. В нее входили две счетверенные установки из «максимов» – одна на ГАЗ-ААА, другую сейчас монтировали на ЗИС-6 – и два ДШК, установленных на полуторках. Индуашвили я поставил по одной причине – он был опытным командиром. Знал эти пулеметы как свои пять пальцев и умел учиться. Думаю, при выходе выбью ему сержанта, а то и старшего.

Сформировали штаб дивизиона из начштаба Майорова, особиста с подчиненными, двух радистов, возящихся с немецкой рацией, писаря и комендантского отделения из семи бойцов. Хозвзвод – шестнадцать бойцов под командованием старшины Непейбороды. Из техники туда входили пять полуторок и один ЗИС, набитые боезапасом, почти пустой топливозаправщик, трофей с кухней и автобус с артистами. Кстати, надо что-то с ними делать.

Взвод стрелков под командованием старшины Богданова так и остался с нами, хотя его и изрядно уменьшили. Танкистов забрали, саперов и связистов тоже. Так что осталось тридцать пять человек на три отделения. Вот и весь наш дивизион.

Оставив Майорова и Аделя утрясать штаты, перегоняя людей по подразделениям, чтобы везде расчеты были полными, я подхватил заполненный журнал боевых действий и направился к броду, где рядом с трофейным бронетранспортером и офицерским «мерседесом» полевой версии стоял Прохоров со своими командирами.

– Товарищ подполковник, лейтенант Фролов по вашему приказу прибыл.

– Прибывает поезд на станцию... Ладно, лейтенант, докладывайте, что у вас там происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.